

Я. Вольневич

ЛЮДИ И АТОЛЛЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Я. Вольневич

ЛЮДИ И АТОЛЛЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1986

Janusz Wolniewicz
LUDZIE I ATOLE
(czyli wędrówki po Mikronezji)
Warszawa 1982

Редакционная коллегия

К. В. Малаховский (председатель), *Л. Б. Алаев*,
Л. М. Белоусов, *А. Б. Давидсон*, *Н. Б. Зубков*,
Г. Г. Котовский, *Р. Г. Ланда*, *Н. А. Симония*

Перевод с польского

Л. С. УЛЬЯНОВОЙ

Ответственный редактор
и автор послесловия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ

Вольневич Я.

В 71 Люди и атоллы. Пер. с польск. Послесл.
К. В. Малаховского. М.: Главная редакция восточ-
ной литературы издательства «Наука», 1986.

224 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Книга польского писателя посвящена истории и современному положению островов Микронезии (Марианские, Каролинские и Маршалловы острова). Автор на основе своих непосредственных наблюдений живо и увлекательно описывает жизнь островитян, дает интересные бытовые зарисовки, одновременно показывая сложную политическую ситуацию на этой подопечной США территории, играющей значительную роль в американской глобальной стратегии.

В 1905020000-054 65-86
013(02)-86

ББКл8

© Wydawnictwo Ministerstwa Obrony
Narodowej. Warszawa, 1982.

© Перевод и послесловие:
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

ВОРОТА МИКРОНЕЗИИ

Впечатление такое, будто самолет неподвижно висит в воздухе. Глазу не на чем остановиться, и скорость машины совсем не ощущается. Голубой купол неба сливается в необъятной дали с серебристо-голубой чашей океана. С высоты в несколько тысяч метров волны на его поверхности кажутся мелкой искрящейся чешуей. Четвертый час полета из Манилы. Пустота. Никаких пейзажей. Голубая пустота. Все то же безоблачное небо, все та же вода.

Напряженно всматриваюсь. И вдруг — есть! Показался какой-то маленький комочек ваты. Наконец можно на что-то посмотреть! Почти сразу ощущаю, что наш «Боинг» начинает плавно снижаться, направляясь прямо к «вате». Бегут минуты — облако из ваты растет. В кабине раздается мелодичный звук гонга, стюардесса произносит набор стандартных фраз о предстоящей посадке:

— Просьба пристегнуть ремни, не курить... командир благодарит... ждем вас на борту нашего самолета...

Я не отрываю взгляда от растущего облака. Краем глаза улавливаю, что под нами, по поверхности сверкающего моря, мчится крошечный крестик. Соображаю, что это тень от нашего самолета, и вижу, что она несетя по довольно внушительным волнам, которые с высоты казались рыбьей чешуей.

Мы уже совсем низко. То, что представлялось клочком ваты, превратилось в гигантское нагромождение облаков, «основанием» которых оказалась узенькая полоска суши. Спускаемся еще ниже. Огромные океанские волны разбиваются о высокие берега острова. Он виден уже целиком. Остров устрашающе мал! Не ошибся ли пилот? Нет! Внизу, под нами, аэродром!

«Уже более чем сто раз вставало солнце над пустынной, недвижной синевой, более ста раз исчезало оно

в той же пустынной, недвижной, беспощадной синеве, сто раз день сменялся ночью, а ночь днем, с тех пор как флотилия из Магелланова пролива вышла в открытое море, и вот снова раздается возглас с марса: „Земля! Земля!“ Пора ему прозвучать—и как пора! Еще двое, еще трое суток среди пустоты — и, верно, никогда бы и следа этого геройского подвига не дошло бы до потомства. Плавучее кладбище — корабли с погибшим голодной смертью экипажем блуждали бы по воле ветра, куда волны не поглотили бы их или не выбросили на скалы. Но этот новый остров — хвала всевышнему! — он населен, на нем найдется вода для погибающих от жажды. Флотилия еще только приближается к заливу, еще паруса не убраны, еще не спущены якоря, а к ней с изумительным проворством уже подплывают „кану“ — маленькие, пестро размалеванные челны, паруса которых сшиты из пальмовых листьев. С обезьяней ловкостью карабкаются на борт голые простодушные дети природы, и настолько чуждо им понятие каких-либо моральных условностей, что они попросту присваивают себе все, что им попадает на глаза. В мгновение ока самые различные вещи исчезают, словно в шляпе искусного фокусника; даже шляпка „Тринидад“ оказывается срезанной с буксирного каната. Беспечно, нимало не смущаясь моральной стороной своих поступков, радуясь, что им так легко достались такие диковины, спешат они к берегу со своей бесценной добычей. Этим простодушным язычникам кажется столь же естественным и нормальным засунуть две-три блестящие безделушки себе в волосы (у голых людей карманов не бывает), как испанцам, папе и императору все эти еще не открытые острова вместе с населяющими их людьми и животными заранее объявить законной собственностью христианнейшего монарха. Магеллану, в его тяжелом положении, трудно было снисходительно отнестись к этому захвату, произведенному без предъявления каких-либо императорских или папских грамот. Он не может оставить в руках ловких грабителей эту шляпку, за которую еще в Севилье (как видно из сохранившегося в архивах счета) заплачено три тысячи девятьсот тридцать семь с половиной мараведисов, а здесь, за тысячи миль от родины, представляющую собой бесценное сокровище. На следующий же день он отправляет на берег сорок вооруженных матросов отобрать шляпку и прочить вороватых туземцев. Матросы сжи-

гают несколько хижин... Теперь изголодавшиеся испанцы могут наконец раздобыть воды для истомленных жаждой больных и основательно поживиться съестным. С неимоверной поспешностью тащат они из покинутых туземцами хижин все, что попадает под руку: кур, свиней, всевозможные плоды, а после того как они друг друга обокрали — сначала островитяне испанцев, потом испанцы островитян, — цивилизованные грабители в посрамление туземцев на веки вечные присваивают этим островам позорное название Разбойничьих (Ладронских)»¹.

Так описывает Стефан Цвейг в книге «Подвиг Магеллана» высадку экспедиции Магеллана на берег острова Гуам 6 марта 1521 г.

Шел 1977 г. Я двигался в толпе, состоящей почти полностью из японцев, направляющихся на проверку паспортов. Огромный «Боинг» выбросил нас на плиту большого аэродрома, который своими колоссальными размерами совершенно не соответствовал небольшому острову. Впрочем, Гуам представляет собой не совсем обычный пункт мировой авиационной сети, в котором гражданские самолеты пользуются стартовыми полосами военной базы, самыми длинными из всех, которые мне приходилось когда-либо видеть. Это отсюда в самом конце второй мировой войны взлетали знаменитые «летающие крепости»; с него и сейчас стартуют «геркулесы», а также нашпигованные электронной аппаратурой патрульные самолеты дальнего действия.

Ослепительно светило солнце. Японцы как обезумевшие щелкали своими аппаратами. На огромном транспаранте, как бы образующем ворота, я прочитал: «Welcome to Guam, Gateway to Micronesia» — «Добро пожаловать на Гуам, ворота Микронезии».

Прямо в эти «ворота» за моей спиной влетает пассажирский самолет под экзотическим флагом «Эйр Науру», и тут же поодаль взмывает ввысь мощная машина «US Air Force».

В небольшом здании аэровокзала — приятная прохлада. Работает кондиционер.

Проверка паспортов и багажа проходит так быстро, что у меня почти нет возможности внимательно присмотреться к своеобразной архитектуре аэровокзала: несколько «летающих тарелок» на изящных колон-

¹ Цвейг Стефан. Подвиг Магеллана. М., 1956, с. 180—181.

нах, которые служат им опорой. Довольно своеобразное сооружение.

Японские туристы, с которыми я летел самолетом, исчезают в поданных к трапу автобусах, занимая места в строгом порядке и ни на минуту не переставая фотографировать.

После долгих переговоров в бюро «Эйр Микронезия» здесь же, в аэропорту, мне становится ясно, что улететь с Гуама сегодня вечером решительно невозможно. Рейс на Сайпан состоится лишь через два дня. Вот досада! Про себя я называю Гуам «ловушкой для туристов», но, по сути дела, пожалуй, даже доволен: два дня на осмотр Гуама — это уже много.

Аганья

Аганья — административный центр Гуама — типичный американский коммерческий городишко, начисто лишенный привлекательности. Нет здесь и какого-либо вида городского транспорта. Прохожий на улице города — такое же редкое явление, как «летающая тарелка». Гуам вообще довольно странная Америка: не только тем, что находится более чем в 5000 миль от Калифорнии, но и тем, что эту «невключенную» территорию разделяют с США целые сутки, так как остров лежит далеко на запад от линии раздела суточного времени. Когда в США — воскресенье, на Гуаме уже понедельник. Поэтому в Соединенных Штатах Америки Гуам называют «Островом, где начинается американский день».

— Мистер, вы ведь из Европы, вам этого не понять, — втолковывал мне во время завтрака в отеле тощий как щепка американец. — На континенте даже не знают, что остров Гуам принадлежит Америке! В Чикаго меня все время спрашивают, какое гражданство у жителей Гуама, а когда однажды я собрался обменять чек Гуамского банка, потребовали, чтобы я указал адрес моего посольства!

Я что-то пробормотал ему в ответ с деланным сочувствием, но раздраженный гражданин Гуама продолжал:

— У нас толпы безработных, продовольственные карточки для значительной части граждан, сорок миллионный дефицит в бюджете, а эти типы из Ва-

шингтона беспокоятся о... нашем воздухе. Ну посудите сами, — говорил тощий американец, энергично атакуя лежащие перед ним на тарелке яйца с беконом, — нам приказано употреблять для электростанции другое топливо, содержащее меньше серы, словно здесь какая-нибудь занюханная калифорнийская долина, а не островок с постоянными пассатами, сдувающими этот жалкий дымок раньше, чем он покажется. Ну прямо взбеситься можно!

Живой скелет и впрямь казался разъяренным. «Если ты, парень, каждый раз так нервничаешь за завтраком, — невольно подумал я, — то, наверное, уже заработал язву, оттого ты и тощий».

— Но мы покажем этим ублюдкам, — возмущался мой взбешенный собеседник, — мы сами введем новый закон о налогах и сделаем на территории налоговый рай. Люди, фирмы слетятся как мухи на варенье, и тогда конец нашим финансовым заботам! — гремел он, взвинтившись с раннего утра.

Его откровения меня очень заинтересовали и разожгли желание увидеть остров своими глазами.

Протопанная туристская тропа, рекомендуемая каждым кратким путеводителем по Гуаму, начинается от храма под названием «Сладкого имени Марии» («*Dulce Nombre de Maria*»). Я думал, что увижу внушительное здание испанских времен, а оказалось, что этот католический храм построен после второй мировой войны. Первое разочарование. Далее на тропе были обозначены... фонтан и какой-то памятник на «Скиннер Плаза», причем этот Скиннер (его именем и была названа площадь), как мне удалось узнать, был первым гражданским губернатором Гуама, управлявшим где-то до 1953 г. Тоже мне памятник! Снова меня ждало разочарование.

Каменным мостиком, якобы испанских времен, я вообще пренебрег и отправился к городскому музею, глубоко уверенный, что большую часть гуамских памятников старины уничтожила вторая мировая война. Однако здание музея производило такое впечатление, будто его не тронула ни одна бомба или снаряд морской артиллерии. Наверное, такое произошло потому, что оно было очень маленькое.

У входа в музей я, разумеется, снова оказался в толпе японских туристов, так как Гуам постоянно посещают группы из Японии, для которых здесь издают-

ся специальные проспекты на их родном языке и везде помещают информационные надписи. Благодаря этому я даже установил дедуктивным методом, как по-японски пишется «для мужчин». Японцы сосредоточенно осматривали заржавевшие остатки вооружения солдат императора, предусмотрительно разбросанные по острову, вероятно, чиновниками магистрата, и фотографировали, фотографировали без конца.

В музее приезжие из Страны цветущей вишни проявляли наибольший интерес к вещам, принадлежащим одному японскому сержанту по имени Соихи Ёкои, который в одиночку вел борьбу с американцами до 1972 г. Все 28 лет по окончании военных действий этот храбрый воин скрывался в пещере, находящейся неподалеку от магистрата Аганьи! Его рекорд на 4 года побил японский солдат, недавно найденный на Миндоро, на Филиппинском архипелаге.

Подвиги такого рода как-то не вмещаются в наше европейское сознание. Японцы-туристы в общем принимали это как должное. Я видел, как они восхищались тем, как находчивый сержант смастерил себе одеяло из куска ткани, его изобретательностью, с которой он сделал себе сумку, и изящно оструганной палкой, которая, вероятно, служила ему защитой от местных собак.

— Мистер, эти японцы задали нам здесь жару, — обратился ко мне седовласый американец, наверное потому, что мы оба решительно выделялись из толпы посетителей небольшого помещения музея. — Я привез сюда жену, чтобы показать ей, почему я так рано поседел. Пятьдесят пять тысяч парней, и я среди них, — мы почти два месяца бились вот с этими, — он скользнул взглядом по лицам туристов, — косоглазыми. А сколько славных товарищей здесь погибло... Сколько примеров героизма, уверяю вас! — Такими словами закончил он свою тираду и с видимым облегчением выбрался из толпы японцев.

Я еще какое-то время смотрел на интересные фрагменты раскопок, на старые фотографии, а затем пошел вслед за японцами в «Latte Stones Park» — «Парк каменных колонн». Эти двухметровые, вытесанные из цельного камня и увенчанные капителями колонны — истинная загадка Микронезии. Предполагают, что это — остатки каких-то доисторических культур, цивилизаций, которые существовали на этих островах,

прежде чем их заселили выходцы с Азиатского материка, предки теперешних микронезийцев. По мнению специалистов, много тысяч лет назад колонны поддерживали огромные здания. На Гуаме древние колоннады возвышались по всей территории острова. В настоящее время все колонны собраны в «Latte Stones Park», разумеется для удобства «уважаемых туристов».

Страшно подумать, как бесцеремонно обошлись белые пришельцы с людьми и вещами, с которыми они столкнулись в Океании. Их бессмысленная жестокость, вандализм, а часто и религиозный фанатизм безвозвратно уничтожили невосполнимые памятники прошлого.

История Гуама началась для европейцев со времен Ф. Магеллана, т. е. почти 5 веков назад, но очевидно, что история здешних островитян—*чаморро*— уходит в весьма отдаленное прошлое. К сожалению, историей этого народа некому было вовремя заняться. Испанцев здесь интересовало совсем другое. Официально испанское владычество над островами Воров было провозглашено в 1668 г., но уже после 1600 г. Гуам стал местом, где ремонтировались и пополняли запасы продовольствия галионы, курсирующие на трассе Акапулько—Манила. Приобщением чаморро к цивилизации при поддержке солдат занялись иезуиты.

Считается, что во времена первых контактов с испанцами на Гуаме проживало 70—100 тысяч островитян. Тогда это были крепкие, высокие люди, прекрасные мореплаватели, которые занимались рыбной ловлей в открытом океане. Неоднократные бунты против испанцев облегчили их принудительное обращение в христианство и... истребление. В 1790 г. насчитывалось около 1700 чистокровных островитян и столько же— смешанной крови с испанцами, филиппинцами и мексиканцами, привезенными на Марианы.

К концу XVII в. острова Воров стали называть Марианскими в честь Марии Анны Австрийской, и примерно в то же время был возведен форт Апуган, развалины которого до сих пор виднеются в окрестностях Аганьи. Чаморро отрядом, состоящим из 2 тысяч человек, атаковали испанский гарнизон форта. Однако копы и стрелы оказались слишком слабы против мушкетов и пушек. Испанцы приступили к репрессиям, которые заставили почти всех аборигенов мужского пола бежать на север, на другие острова архипелага. Но за-

хватчики настигли их и там. Часть беглецов была уби-
та, несколько десятков семей укрылось на близлежа-
щем островке Рота, остальных силой вернули на Гуам,
где в последующие века они практически исчезли, сме-
шавшись со многими пришлыми народами.

Тем не менее они боролись до последнего. Яркий
пример того, что они всячески стремились освободить-
ся от испанцев, — убийство одного из последних губер-
наторов Гуама, полковника Анжела де Пазос и Вела
Гидальго. Губернатор погиб в августе 1884 г. от выст-
рела одного из участников бунта, поднятого чаморро,
отбывающих принудительную службу в испанской ар-
мии.

Капитан Борреда, старший по чину после убитого
губернатора, решил подавить бунт. Осуществить это
оказалось не так просто, но капитан решительно при-
нялся за дело. Он начал со сбора подписей многих
влиятельных лиц под верноподданническим адресом
губернатору Манилы — испанский Гуам сначала подчи-
нялся Мексике, а затем Филиппинам. Теперь необходи-
мо было отвезти адрес по назначению вместе с рапор-
том о смерти де Пазоса.

Единственное суденышко на Гуаме, которое могло
бы выполнить задание, как нарочно, стояло на ремон-
те. Ближайший корабль, способный достичь Манилы,
находился на острове Яп, лежащем на расстоянии
500 миль. Тогда начальник порта дал собственную
шлюпку и скомплектовал экипаж, который после
шестнадцати дней плавания по океану достиг наконец
острова Яп.

Там капитан пятидесятитонной шхуны согласился
отправиться на Гуам, а затем в Манилу. Капитан Бор-
реда подписал по этому случаю специальный контракт
с владельцем судна на доставку курьера вместе с поч-
той на Филиппины, и вот через каких-то 75 дней после
смерти губернатора де Пазоса по Маниле распро-
странились слухи о бунте в Аганье.

Двумя неделями позже из бухты Манила вышел во-
енный корабль. Он вез на Гуам нового губернатора и
военный отряд. 47 человек, подозреваемых в бунте, бы-
ли арестованы, вывезены в Манилу и преданы военно-
му суду.

В апреле следующего года членов экипажа шлюп-
ки, добравшейся до Япа, наградили в Аганье медаля-
ми, признанными даже Мадридом, 4 главарей бунта

расстреляли, 12 освободили от наказания, а свыше 30 осудили на длительные сроки заключения.

14 годами позже испанцы вынуждены были продать Гуам вместе с Филиппинами и Пуэрто-Рико американцам за скромную сумму в 20 миллионов долларов. Остальные Марианские, Каролинские и Маршалловы острова купила Германия, жаждавшая колоний в Тихом океане.

Таким образом, с 1898 г. до настоящего времени, за исключением трехлетней японской оккупации во время второй мировой войны, американцы безраздельно владеют Гуамом.

Галопом по острову

В кафетерии «Магеллан» из каждых десяти столиков восемь занимают японцы. Те же «пропорции» сохраняются и в общем количестве туристов на острове. В заведении, принадлежащем отелю «Гуам Континенталь», цены невысокие, и оно открыто круглые сутки. Неудивительно, что по утрам здесь можно встретить военных, которые лечат похмелье после вчерашних возлияний, а по вечерам — солдат в гражданском платье, начинающих деятельность, приводящую к той же болезни. Однако преобладающая масса посетителей — любимицы местных властей, туристы, которые примерно с 1973 г. приносят самым разнообразным учреждениям острова ежегодно доход на сумму около 100 миллионов долларов.

Покончив со своим легким завтраком, я (с разрешения кельнера) взял со стола меню для своего приятеля-коллекционера. Как позднее оказалось, он оценил мой подарок с далекого Гуама и подарил мне бутылку рома, которую мы с ним распили. Из кафетерия я направился на разведку в холл гостиницы. Откровенно говоря, я хотел присоединиться к какой-нибудь группе экскурсантов, которая выезжает за пределы города, поскольку индивидуальная поездка по острову на такси (единственная возможность) была мне явно не по карману.

Туристский автобус должен был отойти с минуты на минуту. В самый последний момент я поспешно ретировался, так как сообразил, что все объяснения будут даваться на прекрасном, но абсолютно непонятном мне японском языке.

Однако отправиться на маленьком острове на автобусную экскурсию от здания отеля оказалось несложно. Я пропустил еще две японские группы и в конце концов присоединился к филиппинским спортсменам, оставившимся на Гуаме по пути на Гавайи. Это были веселые ребята и девушки, и путешествовать с ними оказалось одним удовольствием.

Наш гид Джим хорошо знал свое дело и густо приправлял дельную информацию анекдотами и шутками. Главное, что я запомнил, — это то, что Гуам — самый крупный из Марианских островов (бывших островов Воров) и имеет площадь более 500 квадратных километров. Его длина около 50 километров, ширина в самом узком месте — 6, а в самом широком — 14 километров.

— Не хватает еще высоты и глубины! — пустил кто-то ядовитую стрелу в симпатичного экскурсовода. Но тот нимало не смутился.

— Леди и джентльмены, самая высокая вершина острова называется Ламлам и возвышается на 1328 футов над уровнем моря, что, как известно, составляет, — блеснул он эрудицией, — 405 метров. Гуам — вершина подводной горы, основание которой находится глубоко под поверхностью океана. Впрочем, совсем недалеко от нас знаменитая Марианская впадина — самое глубокое место на планете, где мог бы скрыться полностью Эверест, и, для того чтобы он поднялся над поверхностью моря настолько же, насколько Гуам, не хватило бы мили. До сих пор только два человека достигли дна океана на такой глубине — месье Жак Пиккар и поручик американского флота Дон Уолш.

Филиппинцы наградили Джима аплодисментами, а я освежил в памяти эпопею «Триеста», которой был в свое время очень увлечен. Двадцать пять лет назад (точнее, 23 января 1960 г.) в 25 милях юго-западнее Гуама океанский буксир американского флота «Уондэнк» доставил батискаф Пиккара к назначенному пункту. Были сделаны последние приготовления, и началась так называемая операция «Нэктон». Батискаф «Триест» впервые в истории человечества опустился на дно океана на такую глубину; приборы показали в этом месте 10 916 метров ниже уровня моря. В это царство темноты — тоже впервые — человек принес свет.

За время спуска заметили лишь одну прозрачную рыбу, двух креветок, и наконец перед глазами экипа-

жа — дно, которого никто до сих пор на такой глубине не видел. «Дно представляет собой легкие и светлые отложения, настоящую пустыню цвета слоновой кости. Скорее всего это диатомен», — таково было первое сообщение из морских глубин. Позднее Жак Пикар заявил:

— То обстоятельство, что мы нашли на такой глубине живые организмы, способные к существованию в этих условиях, является важнейшим результатом нашего подводного путешествия. Мы наблюдали глубоководный форпост неисчерпаемой жизненной силы.

Автобус резко затормозил. Мы прибыли в морской порт острова — Апра-Харбор.

— Торговый порт, как вы можете видеть, соединяется с военным, в котором дислоцируются корабли военно-морского флота США и береговой охраны. Из торговых судов чаще всего сюда заходят «Микронезиэн Интэроушн Лайн», «Даива Нэвигэйшн Компани», а также несколько раз в год в порт прибывают фрахтовые суда «Америкэн Президент Лайн». Этот порт (правда, не в таком виде, как сейчас) существовал еще во времена испанского владычества. В наши дни Апра-Харбор считается своего рода базовой гаванью 7-го американского флота.

Мы смотрели на выкрашенные в серый цвет корабли, пришвартованные борт к борту. Их было много, а филиппинцы, у которых неподалеку от Манилы имеется подобная база Сабик-Бэй, блистали знаниями типов, скорости и вооружения отдельных кораблей.

— Что экспортируют с острова? — спросил я экскурсовода.

— Немногое. До второй мировой войны некоторое количество копры, однако в результате военных действий были уничтожены практически все плантации. Позднее наш основной экспорт составлял металлолом. Сейчас в погрузках преобладают импортные товары, а если в статистике упоминается «экспорт», то имеются в виду транзитные грузы с континента для соседних островов, которые не могут принимать крупные суда... Ну, и конечно, на экспорт у нас есть немного истории, — рассмеялся Джим.

— Леди и джентльмены, — обратился гид к группе туристов. — Японцы осуществили удар по Гуаму через два дня после нападения на Пёрл-Харбор, то есть девятого декабря тысяча девятьсот сорок первого года.

Занять наш остров не составляло для них никакого труда, поскольку в соответствии с Вашингтонским соглашением он не был укреплен. Патрульное судно «Пингвин» — единственную защиту гавани — вскоре потопили японские бомбардировщики, атаковавшие остров перед высадкой небольшого десанта.

Джим вздохнул, ослепительно улыбнулся, довольный нашим вниманием, и продолжал:

— Кстати, «Пингвин» — не первое судно, которое затонуло в этих водах во время военных действий. Его предшественником был знаменитый немецкий «Корморан», вспомогательный крейсер, который представлял в водах Океании морские силы имперской Германии до и после первой мировой войны. Это судно — почтовый пароход «Рязань» — было украдено у русских, переоборудовано и использовано в водах Океании как военное судно. В декабре тысяча девятьсот пятнадцатого года оно зашло в наш порт и было интернировано. Нейтральные в то время американцы довольно приветливо приняли экипаж этого судна. Полтора года продолжались рауты, пикники и балы как на острове, так и на борту «Корморана». Эта идиллия прервалась внезапно, седьмого апреля тысяча девятьсот семнадцатого года, то есть по вступлении Соединенных Штатов Америки в войну. На борт «Корморана» послали вооруженный отряд, предложивший немецким морякам сдаться в плен. Однако немцы обманули американцев и посадили корабль на мель неподалеку от берега. По воле случая в январе тысяча девятьсот сорок третьего года на том же месте, в центре порта, затонуло и легло на остов «Корморана» японское фрахтовое судно «Тоаки Мару», торпедированное одной из американских подводных лодок. Сейчас оба затонувших судна — популярнейшая достопримечательность для туристов, любителей подводного плавания. Однако в последнее время мы запретили им разорять остовы судов. Все это происходило там. — Гид показал рукой в сторону того места в порту, где когда-то разыгрались описанные события.

Мы снова заняли свои места в автобусе.

— А теперь, леди и джентльмены, за несколько минут мы промчимся на «нашей машине времени» и преодолеем три года, так как именно столько продолжалась японская оккупация, в течение которой остров носил название Олия Джима. Американцы начали операцию по захвату острова в июне тысяча девятьсот

сорбк четвертого года. Они тщательно подготовили военные силы, корабли, командос, обеспечили поддержку с воздуха и даже специально дрессировали собак для выслеживания врага в пещерах и для предупреждения об опасности. Преобладание в силах было подавляющим, и, несмотря на это, успех обошелся американцам в тысячу пятьсот убитых и в два месяца ожесточенных боев.

Все боевые действия замыкались в рамках трех «А». Первое «А» — мы там только что проезжали — это пляж Асан, где проходила высадка десантных войск; второе «А» — порт Апра; и наконец, третье «А» — пляж Агат, который японцы в свое время, в тысяча девятьсот сорок первом году, также использовали как плацдарм для десанта. Кстати говоря, эти два пляжа — единственно пригодные для высадки пункты на всем острове, так как берега Гуама преимущественно обрывистые, особенно с юго-востока. Эти пляжи по обе стороны порта и составляли плацдарм вторжения американских маринес.

Мы подъехали к пляжу Агат. При всем старании Джима пробудить наше воображение через 34 года после описанных событий пляж нам показался обычным, лишь далеко от берега кое-где из воды все еще торчали обломки ржавого металла. Однако Джим продолжал свой рассказ о страшных атаках бомбардировщиков, о шквальном урагане огня, который обрушила на берег корабельная артиллерия, о решимости и храбрости японцев и, наконец, об адресованных островитянам листовках, которые вместе с бомбами сбрасывали американские летчики. Они рекомендовали местному населению скрыться в лесах и спокойно ожидать окончания военных действий.

Рассказ Джима об операции «Фуражир» приближался к концу, когда кто-то из филиппинских спортсменов спросил о количестве японских солдат, скрывавшихся в глубине острова.

— Точно этого никто не знает, — прозвучало в ответ, — известно только, что четвертого сентября тысяча девятьсот сорок пятого года, то есть год спустя после окончания операции «Фуражир» и после приказа императора Японии о капитуляции, на нашем острове сдался в плен последний отряд полковника Такеды численностью в сто тридцать солдат. Полковник полагал, что на острове укрывается еще несколько сот его подчиненных.

Мы с удивлением переглянулись: как такое могло быть на столь крошечной территории?

— Разумеется, эти мародеры не представляли никакой опасности, — поспешил заверить Джим. — Ведь начиная с августа тысяча девятьсот сорок четвертого года Гуам интенсивно укреплялся, превращаясь в главную базу для удара по Филиппинским островам, все еще находящимся в руках японцев, и для воздушных налетов непосредственно на Японию. В то время остров был буквально забит людьми: свыше двухсот двадцати тысяч человек, из них лишь около 21 тысячи постоянных жителей, остальные — сухопутная армия, командос и другие подразделения. Одних моряков здесь находилось семьдесят восемь тысяч, — с непонятной гордостью сообщил наш словоохотливый гид. — Никогда, ни до того, ни позже, у нас не отмечалась такая высокая плотность населения. Стоит также напомнить, — закончил Джим, — что когда в тысяча девятьсот первом году провели первую перепись населения, оказалось, что на Гуаме проживает около девяти тысяч жителей.

— А сейчас?

— Около ста тысяч, но по меньшей мере треть составляют военные. Кроме того, в общее число входят сезонные рабочие, занятые на военном строительстве.

Автобус мчался под палящими лучами солнца по прекрасной асфальтированной дороге. Мы направлялись к южной оконечности острова. Справа до самого горизонта простиралась сверкающая гладь океана. Слева тянулась холмистая местность, покрытая травой *танган-танган*. Там росли деревья — несколько разновидностей пальм, панданусов, гибискусов.

Проехав еще несколько километров, пассажиры автобуса оживились: мы приблизились к бухте Умтак, где некогда высадился Магеллан. Для филиппинцев это весьма важный пункт экскурсии, ведь именно этот знаменитый мореплаватель открыл их архипелаг. Правда, он вскоре погиб на маленьком острове Мактан от руки вождя Лапулапу.

Мы с удовольствием вышли из автобуса. С океана веял легкий прохладный бриз. В центре живописной деревеньки стоял обелиск, увековечивший память о высадке здесь португальского морехода. Он не представлял собой творения хорошего вкуса и не вызывал ни-

каких эстетических чувств. Однако, если верить историческим свидетельствам, на этом месте для испанцев завершилось тяжелейшее плавание через просторы Тихого океана и, таким образом, осуществилось его покорение.

Судьба распорядилась так, что Гуам — этот крошечный кусочек суши — стал главным свидетелем свершения одного из самых великих деяний в истории человечества до наступления эры проникновения человека в космос, так как покорение Тихого океана «скорлупками» Магеллана не идет ни в какое сравнение с плаванием Х. Колумба. Судьба уготовила Магеллану куда более суровые испытания, чем его великому предшественнику. Ведь Х. Колумб на его заново оснащенных и прекрасно снабженных всем необходимым судах шел через океан всего 33 дня, причем за неделю до высадки в Новом Свете плавающие в море водоросли, куски деревьев и птицы утвердили его во мнении, что он приближается к суше. Экипаж Колумба был полон сил, здоровья и прекрасно снабжен провиантом. Неизвестные страны ждали их впереди, позади Колумб оставил знакомые родные берега и возможность туда вернуться.

Тем временем Магеллан, как писал С. Цвейг, «устремляется в неведомое, и не из родной Европы, не с насиженного места плывет он туда, а из чужой, суровой Патагонии. Его люди изнурены многими месяцами жестоких бедствий. Голод и лишения они оставляют позади себя, голод и лишения сопутствуют им, голод и лишения грозят им в будущем. Изношена их одежда, в клочья изодраны паруса, истерты канаты. Месяцами не видели они ни одного нового лица, месяцами не видели женщин, вина, свежего мяса, свежего хлеба, и втайне они, пожалуй, завидуют более решительным товарищам, вовремя дезертировавшим и повернувшим домой, вместо того чтобы скитаться по необъятному океану. Так плывут эти корабли — двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят дней, и все еще не видно земли, все еще никаких признаков ее приближения! Тысячи и тысячи часов плывет Флотилия Магеллана среди беспредельной пустыни... Ошибочными оказались все расчеты расстояний, произведенные там, на родине, Руи Фалейро. Магеллан считает, что давно уже миновал Сипанго — Японию, а на деле пройдена только треть неведомого океана, которому он

из-за царящего в нем безветрия навеки нарекает имя il Pacifico — Тихий.

Для флота Магеллана это был покой смерти, так как уже давно мореплавателей мучит голод. До последней капли выпито вино, а пресная вода загнила в грязных бочках, бурдюках и издает такое отвратительное зловоние, что несчастные вынуждены затыкать носы, прежде чем смочат себе горло мизерной дневной порцией жидкости. Все глубже западают щеки, глаза теряют блеск. На кораблях уже не моряки: по палубам едва передвигаются тощие человеческие тени.

Сухари — единственная их пища наряду с рыбой, наловленной в пути, — давно уже превратились в кишасую червями, серую, грязную труху, вдобавок загаженную испражнениями крыс, которые, обезумев от голода, набросились на последние жалкие остатки продовольствия. Тем яростнее идет охота за отвратительными животными, и, когда моряки с остервенением преследуют по всем углам и закоулкам пожирающих остатки скудной пищи разбойников, они стремятся не только истребить их, но и продать эту считающуюся изысканным блюдом мертвечину: полдуката золотом уплачивают локвому охотнику, сумевшему поймать одного из отчаянно пищащих грызунов, и счастливый покупатель с жадностью уписывает омерзительное жаркое»².

И далее писал Пигафетта, хронист экспедиции: «Наконец, дабы не умереть с голоду, мы стали есть куски воловьей кожи, которой с целью предохранить канаты от перетиранья была обшита большая рея. Под долгим действием дождя, солнца и ветра эта кожа стала твердой как камень, и нам приходилось каждый кусок на четыре-пять дней вывешивать за борт, дабы хоть немного ее размягчить. Лишь после этого мы слегка поджаривали ее на углях и в таком виде поглощали»³.

19 моряков погибло в этом голодном походе, остальные либо с трудом передвигались, опираясь на палки, либо в неподвижности ждали смертного часа. А океан оставался все таким же гладким, а небо неизменно голубым.

«И если бы господь и его святая мать не послали нам столь благоприятной погоды, — писал Пигафетта, —

² Там же, с. 175—177.

³ Там же, с. 178.

мы все погибли бы от голода среди этого необъятного моря»⁴.

Лишь 74 года спустя к тому же берегу прибыл корабль с таким же оголодавшим, но еще более странным экипажем. Это было судно «Капитанья», принадлежавшее экспедиции Альвара де Менданьи, который, отплыв из Перу, намеревался колонизовать Соломоновы острова, архипелаг легендарного богатства. «Капитанья» была осколком экспедиции, которая распалась уже на острове Санта-Крус. Корабль приплыл на Гуам под командованием жены Менданьи донья Изабель, 18-летней дамы, которая кроме красоты отличалась своеобразным характером. После драматических событий в новообразованном поселке на Санта-Крусе и смерти мужа донья Изабель постановила выйти в море с намерением достичь Филиппин.

Однако перед выходом в море она вступила в брак с тогдашним плейбоем Франсиско де Кастро, который, впрочем, уже давно был ее любовником, еще при жизни Менданьи. «Капитанья» было слишком маленькое и весьма потрепанное судно с небольшими запасами провианта. Его переполняли толпы поселенцев обоего пола; на судне свирепствовала неизвестная болезнь. В этих условиях людей охватило своего рода безумие: непрекращающиеся оргии, которые возглавляла влюбленная в своего нового мужа донья Изабель. Перед лицом надвигающегося всеобщего голода она прежде всего заботилась о том, чтобы ее Франсиско не потерял кондиции, и лично приносила ему еду из запертых складов. Донья Изабель в течение всего плавания даже для стирки пользовалась пресной водой, в то время как другие молили о нескольких каплях, чтобы смочить пересохшее горло. Воды не было! Поистине на корабле царила удивительная атмосфера, а также полная покорность женщине-адмиралу. Никто и не помышлял о бунте. Люди умирали от голода и жажды; их выбрасывали за борт, но никто не притронулся к нескольким живым свиньям, которые могли бы их спасти от голода: они принадлежали красавице Изабель.

Когда корабль приблизился к Гуаму, над ним висело устрашающее зловоние, исходившее от больных и умирающих. Здесь судно получило мизерную помощь. Пассажирам едва тащившегося судна не хватило жал-

⁴ Там же.

ких запасов провианта и воды до Манилы. Поэтому путь корабля продолжали отмечать трупы, выброшенные за борт. Через 96 дней после выхода из Санта-Круса корабль смерти появился в манильской бухте. Его ввели в порт местные матросы, так как на «Капитанье» ни у кого уже не было сил обслуживать паруса, тянуть канаты. Прибывшие на борт, затыкая носы, с удивлением взирали на истерзанные цингой и лихорадкой человеческие скелеты — экипаж и пассажиров корабля-призрака. Однако вид стоящей на баке молодой женщины с кожей оливкового цвета, выглядевшей так, словно она два дня назад покинула Лиму, буквально парализовал их.

Повсюду, в каждом закутке едва держащегося на воде судна можно было найти признаки устрашающего голода. В то же время у ног женщины с каменным сердцем резвились две упитанные свинки. Они были немедленно заколоты для угощения... сытых родственников доньи Изабель, которые пришли на берег, чтобы приветствовать кухню.

Джим снова попросил нас занять свои места в автобусе. Я отрицательно покачал головой. Экскурсанты должны были поехать в Меризо, на знаменитый курорт, расположенный всего в нескольких километрах. Там можно поплавать, съесть мороженого, покататься на водных лыжах и т. д. Мне это показалось неинтересным. Я решил остаться здесь.

— Подхватишь меня на обратном пути, — сказал я гиду.

Джим согласился. Полчаса бродил я среди развалин испанской церкви, разрушенной во время землетрясения, и еще полчаса — по остаткам форта Соледад. Именно здесь солдаты короля Испании охраняли вход в бухту и не спускали глаз с моря, высматривая галионы из Акапулько. Сюда заходили Лоаяса, Гаэтано и Легаспи, на этот берег высаживались сонмы миссионеров: иезуиты, августинцы, капуцины и снова иезуиты. Испанские губернаторы функционировали прежде всего как защитники веры. 230 лет церковь была здесь единственной действительной властью. Местное население — чаморро — повально обращали в истинную веру, принуждали к несвойственному этим детям природы образу жизни. Чаморро принимали веру и, с невероятной быстротой вымирали. Прежде ритм жизни этих людей определялся праздником урожая (чаморро единственные

среди островитян Океании возделывали рис, вероятно благодаря близкому соседству с Азией), выходами в море на рыбную ловлю и другими обрядами, завещанными предками. Испанцы установили для них календарь католических праздников, ежедневные молитвы и принудительный труд.

В доиспанское время каждая семья жила со своего земельного участка, но захватчики отобрали у чаморро удобные земли, заставляя работать на отдаленных наделах. В далекие времена социальной основой общества являлась большесемейная община (допускался конкубинат). Официально главой семьи являлся мужчина, но жена осуществляла истинную власть (у нас тоже такое бывает: мужчина управляет, а жена решает). Добродетель дочерей тяготила родителей, поэтому незамужние девушки часто обслуживали так называемые «клубы холостых мужчин», где получали необходимый сексуальный опыт. Разумеется, во время испанского владычества всех их насильно объединили в местные общества Дщерей Марии. К концу XVII в. на Гуаме проживало лишь несколько сот чистокровных чаморро. Эти люди уже не имели ничего, кроме силы своих мышц на продажу, так как половина земель острова принадлежала государству и церкви, а остальные земли находились во владении богатых, лояльных властям метисов.

Из отрывочных исторических сведений следует, что обществу чаморро некогда была свойственна кастовая система. Примерно четвертую часть народа составляли «благородные», остальные — простолюдины. Привилегированная часть оставила за собой право на рыболовство и торговлю с другими островами. Народ платил им дань в виде продуктов и отработок. Общественные уклады подобного рода по прибытии белых подверглись радикальным изменениям, и никто не позаботился в свое время записать историю и легенды этого таинственного народа. В настоящее время чаморро считаются вымершим народом.

Рассказы Джима

С дороги до меня донеслись пронзительные звуки — сигнал, и я двинулся на призыв. Джим обрадовался мне так, словно мы век не виделись. Вообще этот симпатичный юноша выделял меня среди членов нашей

группы. Я отлично понимал его: для него европеец на Гуаме — явление куда более экзотичное, чем для поляка вид папуаса или эскимоса.

На обратном пути мы говорили то о Польше, то о Гуаме. Как можно было предвидеть, он имел вполне «четкое» представление о географическом положении моей родины: «где-то между Пиренеями и Волгой»; кое-что слышал о Копернике, но не предполагал, что он имеет какое-то отношение к Польше. Я, в свою очередь, тоже проявил непростительное, с его точки зрения, неведение об островах, составляющих Марианский архипелаг.

— Как? Вы и вправду никогда не слышали о таких островах, как Мауг, Аламаган, Уракас?

— Действительно, не слышал.

— Так, может быть, знаете о Саригане или Фараллон де Мединила? — умоляюще спросил Джим.

Мне не оставалось ничего другого, как пригласить его выпить пива в «Магеллан кафе шоп», когда мы подъехали к стоянке перед отелем.

Однако у Джима были еще какие-то дела, и мы договорились встретиться через час, а пока я решил немного осмотреться.

Как видно, отель «Гуам Континенталь» строил умный архитектор: он блестяще использовал рельеф местности, который представлял собой группу холмов, вытянувшуюся амфитеатром вдоль берега бухты Тумон. Поскольку административное здание отеля построено на пригорке, из холла гостиницы открывался вид на море и на высокий берег по другую сторону бухты. Внизу сверкала вода огромного бассейна для постояльцев отеля, по мягкому уклону до самого моря сбегало множество бунгалов, представляющих собой номера гостиницы. Их соединяли живописные дорожки, повсюду — уютные уголки для отдыха, альпинарии и море цветов, подобранных с большим вкусом, — истинно райские сады. Некоторым (но, вероятно, необходимым) диссонансом в этом идиллическом месте казалась тщательно надраенная японская пушка. Разумеется, к ней не прерывалось паломничество туристов-японцев — иначе и быть не могло.

Около 6 часов вечера на остров внезапно опустилась темнота. Вдали без труда просматривались великолепно освещенные отели, которые выросли в этой чудесной бухте, как грибы, во время туристического бума лет

10 назад. С левой стороны сверкал роскошный «Хилтон», рядом «Даичи», а в отдалении «Фуджита» и «Риф».

Джим, студент IV курса биологического факультета Гуамского университета (University of Guam), при более близком знакомстве ничуть не разочаровал меня. Как многие жители родного острова, он был метисом, носил испанскую фамилию и очень этим гордился. Слово «mestizo» — «метис» — в этих географических широтах не имеет уничижительного оттенка, совсем наоборот.

Мы с Джимом разговорились. Он признался мне, что мечтает покататься на лыжах по снегу, которые видел лишь в кино. Я советовался с Джимом по разным вопросам, касающимся моего путешествия по островам Микронезии, и должен признать, что его рекомендации впоследствии мне очень пригодились.

Наша беседа недвусмысленно показала, что Джим и в неофициальной обстановке большой охотник поболтать и умеет интересно рассказывать. Я немедленно воспользовался своим открытием.

— Послушай, Джим, а ты не знаешь какие-нибудь старые истории, легенды доиспанских времен, может быть, сказки, которые чаморро рассказывали своим детям или которые ты сам слышал от бабушки?

— Знаю! — обрадовался будущий биолог. — В детстве чаще всего мне рассказывали историю о великом «царе» по имени Тага. В легенде говорится, что он родился здесь, на Гуаме, долго жил на соседнем острове Рота, тоже открытом Магелланом, а потом стал правителем острова Тиниан.

— Пожалуйста, расскажи подробнее, — взмолился я.

— С удовольствием. Однажды ночью, — начал свой рассказ Джим, — отец Таги, который считался первым силачом на острове, увидел, что сын охотится на берегу моря на жирных и вкусных кокосовых крабов. Мальчик лежал на песке с факелом в руке, а другой разгребал дыру под корнями пальмы.

— Потряси пальму, — пошутил отец, — может, выгоншь оттуда краба.

Мальчик вынул руку из дыры и ответил:

— Я сделаю лучше, чем ты советуешь.

Сказав это, он обхватил руками ствол пальмы и выдернул его с корнями. Затем мальчик отбросил дерево в сторону и поймал перепуганного жирного краба.

— Тага, ты слишком сильный, — заметил отец после такой демонстрации мощи. — Если я позволю тебе вырасти, то ты попытаешься убить меня, чтобы самому стать царем. Часть наших людей будет на твоей стороне, часть — на моей. Будет лучше, если я убью тебя сейчас, чтобы избежать в будущем междоусобной войны на острове.

Сказано — сделано. Отец поднял свою огромную палку и погнался за сыном. Тага бежал со всех ног, так быстро, как только мог, и наконец достиг высокого берега в северной части острова.

— Теперь ты от меня не уйдешь, — возликовал отец и стал приближаться к сыну.

Таге некуда было деваться. Мальчик отступил на несколько шагов от обрыва, разбежался и прыгнул. Обыкновенный человек наверняка разбился бы на рифах под обрывом, но с Тагой такого не произошло. Сильные ноги позволили мальчику сделать гигантский прыжок.

Тага поднялся в воздух и опустился на острове Рота, в 35 милях от Гуама. Прошли годы, и он женился на девушке из хорошей семьи, и было у них много детей. Тага стал великим царем. Долго и успешно правил народом, — закончил свой рассказ Джим. — Если будешь на Рота, тебе покажут на скале Пунтан Патгон след от ноги Тага в месте, где он приземлился.

Я поблагодарил Джима за прекрасную легенду, но мне хотелось услышать еще какую-нибудь. Мне удалось вытянуть из него еще одну историю, на этот раз, кажется, правдивую. Тема подвернулась сама собой после замечания о том, что на Рота высаживалось довольно много открывателей, а также пиратов, таких, как знаменитый Томас Кавендиш в 1588 г. и Вильям Дампир в 1705 г.

— Послушайте! Вот о пиратах я знаю историю, которая похожа на сказку, и все же это не сказка, а быль. И все это, приятель, происходило здесь, под боком, и сравнительно недавно, в прошлом веке. Хотите послушать эту историю? — лукаво спросил Джим.

В знак согласия я молча кивнул головой, и неправдоподобные события захватили и понесли меня, словно морские волны — испанский галион.

Кратко история звучит примерно так. Около 1820 г. во время бурных событий в Южной Америке в Перу и Чили появился шотландец по фамилии Робертсон. Этот

человек патологически ненавидел испанцев и доставлял им много неприятностей. Робертсон был блестящим мореплавателем и к началу нашей истории служил помощником капитана на перуанском судне «Конгресо». В то же время он был отчаянно влюблен в одну немолодую и оборотливую вдовушку. Для удовлетворения ее потребностей скромного жалованья морского офицера не хватало.

И вот судьба подбросила Робертсону счастливую возможность. На рейд в порт пришло судно под названием «Перувиан», на борту которого находилось 2 миллиона пиастров золотом.

Шотландец моментально принял решение. Узнав о драгоценном грузе, он в тот же вечер завербовал 14 головорезов, под покровом темноты ворвался на судно и, перебив команду, увел его в открытое море.

Здесь повторяется старая история взаимного недоверия пиратов и стремления каждого из них отхватить возможно бóльшую часть добычи.

Однако поначалу пираты в экстазе тешились мечтами о рае, который обретут с помощью украденного золота. Формула счастья для простых матросов несложна: красивые женщины и море вина. Посовещавшись, они постановили: взять курс на Таити, где можно заpastись вождеденным «товаром», а затем идти к какому-нибудь необитаемому островку в группе Марианских островов, пригодному для «матросского рая». Так и сделали.

С Таити «Перувиан» снова вышел в открытое море.

Однако алчный Робертсон сговорился с 8 сообщниками, с помощью которых избавился от остальных. Высаженные в шлюпку люди погибли, за исключением одного, который чудом спасся и, оказавшись на Гавайях в 1828 г., предал широкой гласности бесчинства Робертсона и его шайки.

«Перувиан» все еще носился по волнам океана, а испуганные таитянки шептались по углам в страхе за свою судьбу. Их перешептывания показались Робертсону заговором, и, убедив команду, он убил всех женщин. С того момента ни у кого на пиратском корабле не оставалось ни капли доверия друг к другу. Никто не верил главарю, а главарь боялся подчиненных. Снова собрали совет, на котором решили пока не делить сокровище, а спрятать его на острове Агриган (Марианский архипелаг). Решение было приведено в исполне-

ние, и пираты поделили между собой капитанскую кассу, захваченную на судне. Однако шотландец считал, что претендентов на украденное золото слишком много. Робертсону еще раз удался дьявольски коварный план. С помощью теперь уже двух сообщников он уничтожил остальных пиратов, потопил судно, а сам ушел на шлюпке в море.

Вскоре еще один пират погиб от руки главаря, а второй жил в постоянном страхе, зная, что Робертсон — грозный и коварный противник. В конце концов оба прибыли в порт Хобарт на Тасмании. Там они наняли небольшой бот для ловли тюленей и вместе с капитаном и командой направились в сторону Марианских островов. Однажды последний член экипажа «Перувиана» при невыясненных обстоятельствах исчез за бортом. Вслед за ним отправился капитан бота, выброшенный самим Робертсоном. Шотландец еще раз проявляет свою изворотливость.

На некоторое время Робертсон удовлетворяется содеянным, хотя уже начинает обдумывать план, как избавиться от новых нежелательных сообщников. Он не знает, да и не может вообразить, что выброшенный за борт капитан благодаря благоприятным морским течениям и умению плавать сумел добраться до острова Тиниан.

Услышав о Робертсоне и его сокровище, испанский губернатор организовал карательную экспедицию. Через два дня Робертсон, будучи почти у цели, уже закован в кандалы. Однако его не успели повесить. Когда Робертсона вывели на палубу, он как был в испанских кандалах, так и бросился в море, унося с собой в бездонную могилу тайну клада, в котором лежало 2 миллиона пиастров золотом. Тогдашний губернатор Мариан дон Мидинилла попытался отыскать сокровище, но все его усилия пропали даром. 600 рабочих, специально привезенных на Агриган, перекопали большую часть острова, но так ничего и не нашли.

— Так что у вас еще есть шанс найти его, ведь сокровище Робертсона не найдено, — закончил Джим свой рассказ.

В тот же вечер за столиком в кафе с помощью Джима я усвоил кое-что о проблемах сегодняшнего Гуама.

Итак, 80 лет назад Гуам был изолированным от мира клочком суши. Поэтому, когда в 1898 г. американский крейсер «Беннингтон» открыл огонь по испанско-

му форту, губернатор острова принял их залпы за приветственный салют. Несчастный сановник вообще не знал, что началась испано-американская война. Совсем по-другому обстоит дело в настоящее время. Гуам представляет собой военно-стратегическую базу мирового значения, т. е. базу, важную не только для Америки и ее вооруженных сил. Вспомним, что именно отсюда, с базы Андерсона, стартовали многочисленные, груженные бомбами эскадрильи, сбрасывавшие свой смертоносный груз на Вьетнам. Одна заправка в воздухе позволяла американским летчикам осуществлять беспосадочные полеты к цели.

В настоящее время треть острова занята военными объектами, обслуживает которые несколько десятков тысяч людей. Здесь базируется множество кораблей, самолетов, сюда заходят также (а может, и базируются) атомные подводные лодки с ракетами «Поларис» на борту или с еще более современными средствами уничтожения.

Последние 50 лет военно-морское ведомство США полностью владело Гуамом, и только от настроения начальника базы зависело, например, состоится поездка островитян к родственникам на соседний остров или нет. Во власти военного губернатора было запретить жителям Аганьи свистеть на улицах.

В 1949 г. по приказу президента Трумэна управление Гуамом было передано из министерства морского флота в министерство внутренних дел (Secretary of Interior), а годом позже вышел утвержденный конгрессом Соединенных Штатов Америки документ, имевший огромное для острова значение, — «Акт о Гуаме» (Organic Act of Guam). Именно тогда на Гуаме был назначен гражданский губернатор. Жители Гуама стали гражданами США, однако без права голоса в США и без своего представителя в конгрессе США.

По получении автономии на Гуаме возникла необходимость создать местные органы власти. Главой исполнительной власти стал губернатор с подчиненными ему учреждениями. Этот институт вплоть до 1970 г. укомплектовывался в далеком Вашингтоне, иначе говоря, губернатора «привозили в чемодане». Первым чиновником нового ранга, избранным посредством всеобщих выборов, был Карлос Г. Команчо. Законодательным органом на острове стал выборный однопалатный конгресс, состоящий из 21 депутата. Политическая

жизнь сформировалась по американскому образцу: так же существуют две партии, предвыборные кампании с шумной агитацией и приемами для избирателей. Однако посвященные утверждают, что важнейшая сила на острове — непотизм: здесь есть несколько влиятельных семей, которые предрешают результаты выборов, назначение на важнейшие должности братьев, кузенов, племянников. Именно так делаются местные дела, раздаются лицензии и т. п. Таким образом, Гуам представляет собой интересный объект не только для научных исследований, но и для размышлений прокурора.

Мы засиделись допоздна, а между тем мой самолет вылетал завтра рано утром, да и Джим на рассвете должен был выезжать с группой туристов на экскурсию. Мы тепло простились, крепко пожав друг другу руки.

В эту ночь я плохо спал. Мне снились тревожные сны: то я выискивал в песке какие-то золотые монеты, то откапывал сундуки с драгоценностями. Действительность тоже оказалась не из приятных: счет за ночлег, который мне подали утром, был довольно внушительным.

С высоты нескольких тысяч метров без труда можно охватить взглядом весь остров. Лучше всего видны огромные полосы аэродрома, скопление домов Аганьи и россыпь домиков для военных. На самой оконечности острова я заметил белую точку — памятник Ф. Магеллану. Возможно, великий мореплаватель погиб еще и ради того, чтобы 500 лет спустя огромные лайнеры могли с огромными скоростями преодолевать океан. Все еще пока *не очень Тихий*.

Наш самолет взлетел и взял курс на север.

ОСТРОВ ОХОТНИКОВ ЗА КОСТЯМИ

В резком свете заходящего солнца на самой высокой точке Скалы самоубийц сиял белизной монумент Мира. Вокруг сосредоточенные лица: очередная группа японских туристов возлагала цветы и чтитла минутой молчания память погибших соотечественников. Далеко внизу — ровный ковер зелени, переходящий в изумруд океанских вод. Огромный красный диск солнца медленно тонул за горизонтом.

Несколькими часами раньше там, внизу, где рдел кровавый закат, на берегу моря полыхал огромный, сложенный из целых стволов деревьев погребальный костер. На нем пылали выбеленные временем человеческие кости. В вихре дыма и пламени трепетали полотнища, исписанные иероглифами, национальный флаг Японии и маленькие сверточки с подарками... для умерших. Несколько десятков черепов, словно кошмарные призраки, гримасничали в неровных отблесках пламени.

Возле пылающего костра, будто дьявольский подмастерье в преисподней, суетился хромоногий японец. Он поливал пылающую грудку какой-то жидкостью из множества маленьких флакончиков. Обстановка отнюдь не напоминала XX в., хотя низко над костром, как символ современности, пронесся реактивный самолет. Трещали раскаленные головешки, рушились в огонь человеческие кости и черепа.

— Это была ужасная война, — вздохнул стоящий рядом со мной молодой человек, который представился мне как Тоё Сакура, студент Токийского университета.

— Не можете ли вы мне объяснить, для чего и чем поливают костер?

— Водой. Ее привезли из Японии ветераны боев на Марианских островах. Они даже организовали свое Общество поставщиков воды, потому что помнят, как тяжело страдали люди от ее отсутствия в последние дни

сражения за Сайпан. Сейчас они окропляют костер, чтобы принести облегчение душам погибших японских солдат.

Вскоре огонь начал постепенно угасать.

— Скажите, погребальная церемония уже окончена?

— Нет, что вы! Видите эти картонные коробки? Тогда после кремации положат прах, а затем в ящиках, обернутых в траурные белые полотнища, отправят в Японию. Ранней весной состоится церемония захоронения в храме Хидори-Гафухи. Он соответствует Могиле неизвестного солдата в США и Европе.

Японский студент оказался словоохотливым собеседником и приятным человеком. Благодаря ему мне удалось побывать в огромной палатке, где готовили подарки для погибших солдат. Собравшиеся здесь молодые люди связывали в букетики цветы, готовили ленты, небольшие порции риса и т. п. На столе стояли также бутылки с водой, сакэ⁵, лежали пачки папирос и кусочки сандалового дерева. Здесь была основная база добровольческого студенческого отряда, разыскивающего захоронения, вернее, кости. От них я получил кое-какие сведения об этой важной акции, продолжающейся много лет на всех бывших театрах военных действий на Тихом океане.

Кампания началась в 1960 г. с официальной просьбы министерства здравоохранения и социального обеспечения Японии разрешить поиски останков погибших и их отправку на родину. По сведениям японцев, на острове погибло около 45 тысяч солдат и гражданских лиц.

Поиски начались в 1968 г. после переговоров между правительствами подопечной территории и Японии. Из членов Общества осиротевших семей (Нихон Изоку Каи), Добровольного студенческого общества следопытов (Саинен Дан), а также Общества ветеранов боев за Марианские острова создали специальные поисковые отряды, финансируемые правительством. Они были укреплены группами альпинистов, которые обследовали отвесные скалы, пещеры, где также имелась вероятность обнаружить останки погибших.

— Сейчас, в тысяча девятьсот семьдесят седьмом году, на острове еще находится около пяти тысяч остан-

⁵ Сакэ — японский алкогольный напиток (рисовая водка), употребляемая в подогретом виде (*здесь и далее примеч. ред.*).

ков наших соотечественников,— сообщил мне пожилой, седеющий человек, вероятно глава студенческого отряда. — Три года назад обнаружили огромную братскую могилу, но после эксгумирования около ста скелетов начались тропические дожди, а затем произошел оползень. В ближайшем будущем мы снова начнем копать в том месте.

Отправляясь в полет с Гуама на Сайпан, я и не предполагал, что спустя 30 с лишним лет после окончания войны увижу столь наглядные свидетельства того тяжелого времени: черепа, кости, искателей могил... Однако в этом коротком получасовом перелете заключалась еще одна аномалия. Так, вылетев с Гуама, пролетев мимо острова Рота и приземлившись на Сайпане, я оказался в другом государстве, а именно на американской подопечной территории тихоокеанских островов⁶.

Что же это такое — подопечная территория? В самых общих словах, она состоит из акватории Тихого океана площадью 8 миллионов километров, по которой разбросано 2140 островов и атоллов. 100 из них заселяют 110 тысяч жителей. Подопечная территория складывается из трех основных архипелагов: Марианского, Каролинского и Маршалловых островов — и обычно называется Микронезией. Общая поверхность всех, в том числе и необитаемых, островов не превышает 2 тысяч квадратных километров. Подопечная территория тихоокеанских островов — политическое наследие мандатной территории Лиги наций, управлявшейся японцами, начиная с Версальского договора до окончания второй мировой войны, т. е. почти 30 лет. За это время японцы сумели превратить клочки суши не только в цветущие сады, но и в мощные военные базы для ведения войны на Тихом океане. 1944 год принес им поражение, и названия погруженных во мрак истории таких крошечных островков, как Сайпан, Гуам, Тиниан и другие, вдруг появились в заголовках, притом набранные самым крупным шрифтом, на первых полосах газет.

⁶ В последнее время так называемые Северные Марианские острова были выведены из подопечной территории тихоокеанских островов и обрели статус «содружества» с США, подобный статусу Пуэрто-Рико.

Жестокая война

После поражения при Пёрл-Харборе в 1941 г. американцы сравнительно быстро перевели свою мощную промышленность на военные рельсы, и спустя короткое время на Тихом океане оказалось значительное количество военных кораблей, снаряжения, обученных войск и самолетов и авианосцев, которые сыграли важнейшую роль в овладении Тихим океаном.

Одновременно с ростом военной мощи союзников усилились атаки на японские позиции и аэродромы, рассеянные на островах подопечной территории и других, захваченных ранее японцами. Союзники стали постепенно вытеснять врага с отдельных островов и захватывать целые архипелаги. Объединенный комитет начальников штабов на Тихом океане разработал тактический принцип так называемых «лягушачьих прыжков». Он основывался на обходе второстепенных опорных пунктов японцев и захвате наиболее важных баз, подавление которых было необходимо для осуществления следующего «прыжка».

В рамках этого плана на 15 июня 1944 г. американцы запланировали провести операцию «Фуражир», т. е. вторжение на острова Марианского архипелага, в частности на Сайпан, Тиниан и Гуам. Подготовкой к этой операции послужил захват островов Гилберта и Маршалловых, а также ряд мощных налетов на японские аэродромы и базы, расположенные на соседних островах. Позаботились американцы и об уничтожении подкреплений, отправлявшихся на Марианские острова. Так, уже в феврале американская подводная лодка «Траут» атаковала конвой, идущий на Сайпан, и уничтожила судно со снаряжением и 2500 солдат. Подводная лодка «Сэндлэнс» в другом конвое потопила два транспортных судна и крейсер. В марте и апреле бомбардировщики, стартовавшие с авианосцев, совершали мощные налеты на стратегические аэродромы противника. В результате американцы обеспечили себе полный контроль на воде и в воздухе в районе предполагаемого вторжения на Марианских островах, которые представляли собой стратегически важный пункт для непосредственных воздушных атак на Японию.

В предусмотренное планом время американцам удалось также разрешить разного рода организационные проблемы, подготовку транспорта и прочее, т. е., как

говорится в наше время, весь план операции. Это были непростые задачи, хотя бы потому, что основной базой сложной операции был только что отбитый у японцев атолл Энвиеток, находящийся от Сайпана почти в 2 тысячах километров, причем эта «база» состояла в основном из лагуны, пляжа и нескольких кокосовых пальм. Настоящей базой были Гавайские острова, но они отдалены от театра военных действий на 6500 километров. Особой, но также чрезвычайно важной проблемой оставалось составление карт, так как оказалось, что японцы в 30-е годы держали свои владения в такой глухой изоляции, что американцам была неизвестна даже элементарная топография островов, которые они собирались захватить. Срочно организовали детальную воздушную разведку и на основе топографических данных составили карты. Анализ этих данных и разведывательных материалов позволил оценить японскую оборону. Как выяснилось позже, разведка недооценила японские силы. Их признали вполнину меньшими, чем было на самом деле.

Вторжение на Марианские острова началось за 4 месяца до основной наступательной операции, так как уже во второй половине февраля в результате мощных воздушных налетов было уничтожено около 160 японских самолетов, находившихся на нескольких аэродромах архипелага. Налеты продолжались до самого вторжения. А это была крупнейшая военная операция на Тихом океане.

В ней принимали участие 535 военных и вспомогательных кораблей и 127 571 солдат. Кроме того, от возможных нападений противника группу вторжения охранял флот. В его состав входило, между прочим, 15 крупных авианосцев с 800 самолетами на борту⁷. Все это было направлено на островок, длина которого не превышала 23 километров, а площадь — 120 квадратных километров.

Любопытная деталь: в состав сил вторжения входила воинская часть специального назначения — Подвод-

⁷ Эта предосторожность оказалась вполне обоснованной, так как японцы бросили на оборону Марианского архипелага почти все свои морские силы. Разыгралось так называемое сражение на Филиппинском море, состоявшее из нескольких крупных военно-морских операций, которые принесли императорскому флоту тяжелое поражение. С октября 1944 г. японский флот практически перестал приниматься на Тихом океане в расчет.

ный отряд разрушителей (ИДП), который состоял из аквалангистов (тогда еще новинка) и имел целью уничтожение подводных заграждений, затрудняющих десанту высадку на сушу. Это были главным образом мины, бетонные преграды или заграждения из колючей проволоки.

Этим огромным силам японцы могли противопоставить 32 тысячи недостаточно вооруженных солдат, в частности вследствие упомянутых противоконвойных операций американцев. Укрепления на острове остались недостроенными, так как японцы не ожидали столь раннего нападения на Сайпан. Японскую армию на острове возглавлял генерал Ёситсугу Саито, здесь же находился адмирал Нагумо, командовавший нападением на Перл-Харбор.

Прелюдией к вторжению стали, как уже упоминалось, воздушные налеты и артобстрел из морских орудий, которые продолжались двое суток перед наступлением. Морская артиллерия американцев показала себя не с лучшей стороны. 7 линкоров адмирала Ли выпалили 2500 шестнадцатидюймовых и 13 тысяч пятидюймовых снарядов... без результата. Был уничтожен лишь сахарный завод, который отнюдь не являлся военным объектом. Американский историк Сэмюэл Э. Моррисон об этой операции писал, что «наш флот взял на себя роль крестьян — вспахал поля, постриг деревья, покосил траву и густо засеял землю металлом».

В день, предшествовавший вторжению, другая эскадра стреляла лучше, но, в свою очередь, и японская артиллерия добилась нескольких прямых попаданий в корабли. В результате, как выяснилось позднее, артподготовка в первой фазе сражения почти не нарушила японской обороны, что десантные отряды вскоре ощутили на собственной шкуре. Наступило 15 июня 1944 г. В Европе уже шла высадка в Нормандии. На Тихом океане начался настоящий ад.

Американцы ударили по Сайпану. В золотистом свете раннего утра завязалось жестокое сражение. Прошло немного времени, и в чистое небо взвились гигантские клубы дыма, пространство наполнилось гулом боя. Над плацдармом, выбранным американцами для высадки и условно разделенным на Красный, Зеленый, Желтый и Голубой пляжи, господствовала высота Фина Су-су, а с левой стороны виднелась самая высокая вершина Сайпана — Тапотчао, справа — равнина. Десантные

корабли всех родов — с танками, огнеметами, бронетранспортерами и другим разнообразным снаряжением, какое только было в распоряжении военных того времени, — рванулись к берегу. Высадка происходила на побережье длиной около 4 миль. Отработанная в последних военных операциях техника высадки десанта «сдавала» еще один кровавый экзамен. Командос-подводники оказались почти без работы. Японцы не успели сделать подводных заграждений перед пляжами. За первые 20 минут на берег высадилось около 8 тысяч (!) солдат со снаряжением, вспомогательной техникой, боеприпасами и госпиталями.

Крупные корабли — линкоры, крейсера — с расстояния меньше километра от берега палили из всех орудий по острову и прибрежной полосе за пляжем. Казалось, японцы после такого огня должны были быть разбиты в пух и прах, вбиты в коралловый песок. Однако этого не произошло.

За два часа высадки на узкой полоске берега оказалось огромное скопление маринес и значительное количество техники, правда не всегда на позициях, предусмотренных штабными теоретиками. Японцы хладнокровно дождались третьей и четвертой волны десанта, который прорвался через рифы и высадился на открытом берегу, и обрушили на этот до отказа забытый клочок берега шквальный огонь из всех имевшихся видов оружия: орудий, автоматов, минометов. При этом выяснилось, что они имеют множество хорошо замаскированных огневых точек, которые отлично пристреляны к каждому квадратному метру прибрежной полосы, что, без сомнения, было отработано задолго до вторжения. Японцы предприняли также ряд коварных выпадов. Так, казалось бы, брошенные на берегу танки внезапно открывали огонь по войскам, беспечно высаживающимся на берег. Таким образом, потери американцев неожиданно оказались весьма существенными. Один из американских батальонов в короткий промежуток времени потерял 150 человек и среди них много офицеров.

Несмотря на отчаянное сопротивление японцев, высадка продолжалась довольно гладко. Вскоре стало ясно, что при подавляющем превосходстве война на Сайпане не будет молниеносной и предстоит долгая и тяжелая борьба. В первый день вторжения на берег высадилось более 20 тысяч солдат, из которых 500 было

убито и свыше 1000 ранено, в результате полевые госпитали оказались переполненными. В первые 3 дня сражений пришлось эвакуировать под неприятельским огнем более 3500 раненых и перевезти их на борт плавучих госпиталей «Солас» и «Баунтифул», которые прибыли в район боев 18 июня.

Японцы мужественно защищались. Они старались всячески сделать так, чтобы ни один американец не спал более нескольких минут. Ночные контратаки больших и малых групп повторялись в течение всей ночи. Одна из крупнейших контратак, с трудом отбитая при поддержке бомб и корабельных орудий, стоила японцам свыше 700 убитых, но нагнала страху и на американцев, оказавшихся на незнакомом берегу, нанеся им большие потери.

Как можно было предвидеть, преобладающие силы американцев медленно, но верно продвигались в глубь острова, тем более что Саито начал перегруппировку своих войск. Американцы овладели всей южной частью острова, за исключением отдельных мелких очагов сопротивления, но лишь на шестой день сражения на берег были переброшены оставшиеся войска, саперы, все снаряжение и т. п. В то же время вице-адмирал Тернер передал командование новому военачальнику — генералу сухопутных войск на Сайпане Смиуту.

Во вторую неделю вторжения развернулись жестокие бои за укрепленную высоту Тапотчао и ее окрестности. Американцы продвигались на 300—400 метров в день. Командование десантных войск совершало ошибки, случалось также, что огневая «поддержка» с кораблей поражала свои же войска, что принесло американцам немало потерь и добавило беспорядка и неразберихи. Было принято решение: сместить командира 27-й американской пехотной дивизии.

Американские войска полностью овладели высотой 27 июня. К тому времени японцы потеряли от 70 до 80 процентов военных сил, но продолжали отчаянно сопротивляться. Их командующий — генерал Саито — еще раз провел перегруппировку остатков войск, готовясь до конца оборонять северную, гористую часть острова. Однако в его донесении в Токио открыто говорилось, что «не может быть надежды на победу без поддержки с воздуха». Генерал также просил императора простить его за «слабость» и обещал бороться за северную часть Сайпана до конца.

Американцы приступили к форсированию последней линии обороны. Кроме сухопутных сил в их распоряжении по-прежнему оставались военные корабли, в особенности эсминцы, которые стреляли по всему, что двигалось на острове, подобно снайперам; случалось, что снаряды корабельных орудий попадали в замаскированные входы в пещеры, где были расположены оборонные пункты японцев.

Завершалась третья неделя боев, и, хотя у американцев было в избытке военного снаряжения, из-за ожесточенного сопротивления осажденных они все-таки продвигались с трудом, метр за метром. В ночь с 6 на 7 июля они столкнулись с новой неожиданностью. Несмотря на бессмысленность сопротивления, солдаты императора не сдавались. Напротив, они выбрали наиболее слабое место в расположении вражеских войск и предприняли самую крупную атаку (*банзай*) за все время боев.

Это отчаянное нападение было совершено в 5 часов утра. 3000 солдат императора, вооруженных бамбуковыми пиками и ножами или не вооруженных вообще, которые с криками «банзай!» и «шихисси хококу!» («Жизнь семи врагов — в жертву отчизне!») ринулись на ошеломленных американцев. Бой, проведенный почти голыми руками, стоил американцам почти 400 убитых. Однако на следующий день на поле было обнаружено 4300 павших японцев. Американские историки так по сей день и не знают: то ли атака была проведена большими силами, то ли на этом месте еще раньше погибло 1300 японцев.

Японское командование уже не могло узнать о результатах этой самоубийственной атаки, так как той же ночью генерал Саито и члены его штаба воссоединились с духами предков. Подписав последний прощальный приказ у входа в пещеру, которая служила ему все это время командным пунктом, с лицом, обращенным к востоку, генерал «проявил мужество истинного японца» и совершил *сеппуку* (харакири) своим самурайским мечом. Потом в соответствии с приказом адъютант выстрелил ему в голову из пистолета, затем покончил жизнь самоубийством; за ним то же сделали члены штаба. Несколько солдат облили себя бензином и подожгли. Позднее останки генерала были похоронены американцами со всеми полагающимися по рангу военными почестями. Примерно в то же время в соседнем гроте

застрелился адмирал Хуихи Нагумо, возглавлявший японские военные силы при нападении на Пёрл-Харбор менее трех лет назад. Еще два дня продолжались отдельные стычки с разрозненными группами японцев, и наконец в знак овладения островом 10 июля 1944 г. на Сайпане состоялось официальное поднятие американского флага.

Зловещими стали события при захвате Сайпана, разыгравшиеся на северном, обрывистом берегу острова, куда вместе с остатками армии согнали свыше 20 тысяч гражданского населения — японских колонистов. Под влиянием пропаганды эти люди панически боялись «американских дьяволов» и отвергали многократно повторяющиеся призывы сдаться. На скалистой площадке (Скале самоубийц), до отказа забитой людьми, разыгались сцены Дантова ада. По добровольному согласию люди стали убивать друг друга. В этом трагическом происшествии не последнюю роль сыграли японские традиции. *Оякусхинджу*, или «пакт смерти» между родителями и детьми, известный в течение многих веков, предписывал смерть сына от руки матери, убийство младшего брата старшим, а также смерть жены от руки мужа. В экстазе люди сталкивали друг друга с высокой горы, сами бросались на острые рифы, подрывали себя гранатами, разбивали головы детей о камни. В этом аду немногие оставшиеся в живых офицеры рубили головы стоявшим навтытяжку в строю солдатам, стреляли в женщин по их просьбе и пукали себе в лоб последнюю пулю. При всей известной жестокости войны на Тихом океане это добровольное самоистребление, несомненно, одна из самых потрясающих ее картин.

Чиновник-поэт

Я осторожно сошел со Скалы самоубийц, где каждый камень казался мне пропитанным кровью. Моим спутником и гидом в поездках по острову был в тот день Вэл Сэнгэбао, чиновник департамента информации правительства подопечной территории, знатный микронезиец с острова Палау, а в частной жизни — поэт.

— Еще много недель спустя после официального захвата острова здесь творились страшные вещи, — продолжал Вэл прерванную беседу. — С помощью бульдо-

зеров и цемента американцы замуровывали входы в пещеры, откуда японцы все еще совершали дерзкие налеты. Так что там наверняка погребено много солдат.

— Вот почему в группах следопытов всегда есть профессиональные спелеологи, — догадался я.

— Конечно. Впрочем, что скрывать — эти «искатели костей» для нас, жителей Сайпана, — реальный доход. Многие уже беспокоятся, — прошу простить меня за тривиальность, — что будет с нами, когда эти кости кончатся...

Вэл бросил на меня взгляд — не выдает ли выражение лица моего возмущения — и продолжал:

—...Однако японцы — удивительные люди. Приезжают к нам... или эти, ну, искатели, или новобрачные парочки... чтобы провести здесь свой медовый месяц. Сюда, к нам! Как-то противоестественно, вам не кажется? Медовый месяц среди пылающих костров...

— Послушайте, Вэл, — прервал я его на полуслове, опасаясь детального анализа проблемы, — а что, действительно экономика Сайпана находится в скверном состоянии?

— Да, дела идут неважно. У нас главный работодатель — государство. Оно пожирает процентов 50 рабочей силы. Потом идут доходы с туризма, и... больше ничего нет, Ян. Ничего! Вот уже прошло более тридцати лет, как кончилась война, а мы даже не обеспечиваем себя продуктами питания. Много продуктов вывозим с соседнего Тиниана, хотя у нас жителей всего-то не более тринадцати тысяч человек. Уровень экономики тысяча девятьсот четырнадцатого — тысяча девятьсот сорок четвертого годов до сих пор для нас недостижим. Сейчас здесь не растет ни одного стебля сахарного тростника. Вокруг — посмотрите сами — только тангантанган, трава, которую сразу после войны американцы посеяли с самолетов, чтобы предотвратить страшную эрозию и спасти остатки почвы. Если поток туристов иссякнет, нам останется лишь канцелярщина или — еще раз извини за кощунство — продукция человеческих костей из пластика.

Вэл — настоящий патриот Микронезии. Он очень близко принимал к сердцу судьбу подопечной территории. Но это не мешает ему оставаться самоотверженным гидом. Таким он оказался и для меня. Он возил меня повсюду, где только могла пройти его машина. Вэл, полнеющий, уже с брюшком мужчина, производил впечат-

ление сибарита. Мы так и не попали на восточное побережье, где совсем нет дорог. Зато мы довольно часто отдыхали за кружкой пива в придорожных барах. В основу нашего путешествия по острову, в котором моим гидом оказался чиновник-поэт, была положена программа, разработанная для японских туристов — самых желанных гостей на Сайпане. Я узнал, что для них издаются специальные карты с названиями на японском языке и постоянно обновляется военный металлолом. Так, например, в одном месте под названием «Last Command Post» («Передовой командный пункт») можно увидеть живописно расставленные орудия; в другом — японские буксиры в хорошем состоянии, защищавшие подходы к побережью; у Мэрпи-Роуд — подбитый американский танк. Приезжим из Японии показывают также остатки узкоколейки, по которой перевозили сахарный тростник с многочисленных плантаций, памятник японскому «королю сахара», старый маяк и развалины тюрьмы.

Эти руины некогда мрачного здания служат напоминанием об Амелии Эрхардт, известной американской летчице. Она была первой женщиной, которая перелетела Атлантический океан. Это произошло в 1932 г. Затем впервые в мире она совершила одиночный полет на небольшом самолете по трассе Гавайские острова — Калифорния. Этот полет был совершен в 1935 г., продолжался 18 часов и принес летчице всемирную славу.

Затем Амелия решила облететь по экватору вокруг земного шара, на этот раз в сопровождении штурмана Фрэда Нунана. Машина для экспедиции была оборудована одним из американских университетов. 2 июня 1937 г. Амелия с коллегой стартовала с Флориды. Ровно через месяц дамско-джентльменский экипаж (с Новой Гвинеей) начал перелет над Тихим океаном протяженностью 4 тысячи километров. Он должен был завершиться посадкой на острове Ховард, специально подготовленном для этой цели военно-морским ведомством Соединенных Штатов Америки.

Самолет и его экипаж больше никто не видел. Тем не менее на тему о «тайнственной гибели Амелии Эрхардт» вышло несколько книг. В большинстве из них высказывается мнение, будто американской летчице было поручено шпионское задание, состоявшее в сборе информации о мероприятиях японцев на островах, проводимых в глубокой тайне. Предполагают, что Амелия

Эрхардт и Фрэд Нунап сделали вынужденную посадку на Сайпане. Здесь их отправили в тюрьму и затем казнили. В подтверждение этой версии приводятся многочисленные факты и документы. Другие авторы утверждают, что после официальной приостановки поисков самолета и сообщения о гибели Амелии Эрхардт ее тайно обменяли на японских шпионов и она под другим именем здравствовала еще после второй мировой войны. В связи с этой историей можно также упомянуть, что в 30-х годах по приглашению авиационного командования Амелия Эрхардт побывала в Польше.

Вэл ничего не знал об Амелии. Зато он познакомил меня, к сожалению теоретически, с расширенной и, разумеется, более дорогой программой для экскурсантов из Японии. За некую дополнительную плату они могут побывать в пещерах, где располагались пункты обороны, а также взобраться на Тапотчао.

— Она поднимается над уровнем моря более чем на тысячу пятьсот футов, — сообщил мне Вэл. — Местное бюро по туризму заботится также о том, чтобы наши дорогие туристы могли искупаться и отдохнуть на пляжах, бывших некогда местом высадки для американцев, то есть на Красном, Желтом и Зеленом пляжах. Как дополнительное мероприятие можно осмотреть остовы десантных барж или видные на мелководье остовы танков.

Вэл был явно утомлен рассказом и, несмотря на то что мы запланировали посещение международного аэродрома, быстро закончил нашу экскурсию под предлогом срочного дела и отвез меня в отель. На следующий день мы договорились снова встретиться.

«Ройял Тага Отель», в котором я остановился, был расположен возле Красного пляжа. Освеженный купанием, я сидел на террасе в том месте, где много лет назад рвались мины и снаряды. Был уже восьмой час вечера, наступила темнота. Вдоль всего пляжа вела прогулочная дорожка. Ее освещал длинный ряд газовых факелов, отбрасывая на воду пурпурные отблески. От легкого бриза беспокойно трепетало дымное пламя. В этом месте оно особенно напоминало о душах погибших, о гекатомбе войны, о погребальных кострах, которые, наверное, еще долго будут пожирать человеческие кости на этом крошечном, затерянном в океане клочке земли.

Столичные учреждения

На следующий день мне удалось побывать на Капитолийском холме — так называется место, где находится резиденция правительства подопечной территории. Правительственные учреждения размещены... в барачном комплексе. И правильно — небоскребы на Сайпане, несмотря на все великолепие, которое должно сопутствовать всякой власти, свидетельствовали бы о склонности к преувеличениям.

На Капитолийский холм я попал не в лучший момент. Чиновничья братия находилась в сильном возбуждении. С поста уходил верховный комиссар Питер Т. Қолмэн, а на его место вступал Адриан П. Уинкл. Первого уже не было, второй еще не явился. Я не смею утверждать, что такое положение дел не повлияло на активность правительства. Из поверхностных наблюдений на месте событий следовало, что работа правительственных учреждений свелась преимущественно к многочасовым дискуссиям. Этому способствовало еще одно обстоятельство — отсутствие света. Неисправность на городской электростанции погрузила во тьму многочисленные помещения правительственных зданий, не имевших окон. Самое страшное — это то, что перестали работать кондиционеры, что, безусловно, еще больше накалило атмосферу, в которой разгорались споры, делались новые предположения, прогнозы.

Я блуждал по конторам, пожимая в полутьме чьи-то руки, наощупь обмениваясь визитными карточками. Однако, по мере того как я набирался сведений о территории и ее управлении, ситуация постепенно прояснялась. Несколько позднее оказалось, что в потемках я познакомился с массой очень милых, отзывчивых людей, которые охотно отвечали на мои иногда наивные вопросы, забрасывали меня потоком информации и оказывали вполне конкретные услуги.

Итак, с помощью новых знакомых я прежде всего привел в порядок *pleno titulo* власти.

Во главе US Trust Territory of Pacific Islands — таково официальное название этого политического органа — стоит верховный комиссар, назначаемый президентом США с согласия сената. Он ответствен за выполнение всех опекунских обязанностей, взятых на себя американским правительством в 1947 г. на основе соглашения с Организацией Объединенных Наций,

В состав администрации верховного комиссара входят его заместитель, который назначается министром внутренних дел, и целая плеяда ответственных (и высокооплачиваемых) чиновников, например специальный ассистент по вопросам дистриктов, чиновник по стихийным бедствиям, специальный консультант, генеральный прокурор и др. О деятельности этих господ можно было бы написать отдельную брошюру, а верховному комиссару подчиняются еще и директора департаментов, т. е. министерств. Их восемь: образования, финансов, здравоохранения, кадров, пропаганды, общественных работ, ресурсов и развития и, наконец, транспорта и связи.

9 советников и 8 директоров-министров составляют собственно кабинет правительства, с которым находятся в тесном сотрудничестве комиссары-резиденты шести дистриктов, составляющих подопечную территорию. В американской Микронезии существуют следующие дистрикты: Палау, Понапе, Яп, Трук, Маршалловы и Марианские острова. Так в общих чертах выглядела исполнительная власть подопечной территории⁸. Она, естественно, отделена формально от законодательной власти, которую представляет конгресс Микронезии, т. е. двухпалатный парламент, состоящий из 12 сенаторов и 21 депутата. Этот орган избирается всеобщим тайным голосованием гражданами, достигшими 18-летнего возраста. Выборы происходят каждые два года.

Наряду с законодательной и исполнительной властью на территории Микронезии независимо существует трехступенчатая судебная система, а именно верховный суд, суды в дистриктах, или окружные, и местные суды. Вся эта система функционирует под административным надзором верховного судьи, назначаемого также министром внутренних дел США.

Когда в кабинете мистера Стрика Джома, олицетворявшего высшую власть в государстве в отсутствие верховного комиссара и его заместителя, я упивался свежедобытыми знаниями, вдруг посыпались слова «референдум», «присоединение», «Северные Марианские острова» и объяснения к ним. «Здание» моих познаний зашаталось.

— Видите ли, — продолжал представитель исполнительной власти, — в тысяча девятьсот семьдесят пятом

⁸ В 1979 г. в состав подопечной территории входит официально уже 7 дистриктов, поскольку прибавился дистрикт Косрае, т. е. остров Кусаие, выделенный из дистрикта Понапе.

году у нас прошел специальный референдум, кстати по желанию жителей Северных Марианских островов, относительно будущего островов, входящих в состав этого дистрикта. Около восьмидесяти процентов проголосовавших высказалось за присоединение к США.

— Что это значит?

— Выделение этого дистрикта из состава подопечной территории.

— И все?

— И присоединение этого дистрикта к Соединенным Штатам Америки со статусом, подобным Пуэрто-Рико.

— Сколько же граждан и какую территорию приобрел Вашингтон?

— Марианский архипелаг, разумеется без Гуама, то есть его северная часть, насчитывает тридцать отдельных островов и одну группу, состоящую из трех крошечных островков. Вся поверхность архипелага — восемьдесят пять квадратных миль, или около четырехсот восьмидесяти квадратных километров. Три пятых этой территории составляет поверхность Сайпана, Тиниана и Роты. Кроме них заселены только Агриган — сорок восемь человек, Паган — пятьдесят семь и Аламаган — двадцать пять. Всего на Марианских островах проживает сейчас четырнадцать тысяч триста пятьдесят пять человек.

— Таким образом, решение приняли за всех жители Сайпана. Но ведь больше половины из них получает жалованье из правительственных касс, которые наполняет Вашингтон, — заметил я.

— Это верно. Сайпан имел решающее значение. А что касается этих денег — я вижу, вы читали высказывания сенатора Харта...

В этом месте мне пришлось сделать соответствующее выражение лица, хотя никаких высказываний я не читал.

— И я должен заметить, эти мифические десять тысяч долларов, обещанные после референдума каждому жителю Марианских островов, включая грудных детей, — иронизировал Джозеф, — почему-то еще до нас не дошли. Но дотации, начинающая с тысячи девятьсот сорок седьмого года, регулярно поступают в кассы подопечной территории и наверняка будут поступать и впредь. Поэтому обвинение в подкупе мне представляется неверным. Зато, пожалуй, правда, что здешние люди уже привыкли к сравнительно высокому уровню

жизни и, стремясь сохранить его, голосовали за тесные связи с США.

— Скажите, пожалуйста, когда подопечная территория уменьшится на один дистрикт — Марианские острова, что станет со столицей на Сайпане и этим административным центром, где мы сейчас беседуем? — поинтересовался я.

— Формально договор об опеке теряет силу в тысяча девятьсот восемьдесят первом году, но фактически изменения в статусе этих островов уже начались⁹. Очередной столицей Микронезии будет, вероятно, Понапе на Восточных Каролинских островах.

— Вы говорите — очередной?

— Совершенно верно. Ведь до Сайпана были другие. Я хочу вам напомнить, что Соединенные Штаты Америки получили от Организации Объединенных Наций Микронезию как стратегическую подопечную территорию. В то время управление ею находилось в руках военно-морского флота. Вы уже слышали о ядерных испытаниях на Бикини и Эниветоке. В июне 1951 г. управление перешло к министерству внутренних дел, но два года спустя Марианские острова снова оказались почти на десять лет под контролем военно-морского министерства. Тогда говорилось о стратегических целях. Здесь у нас на Сайпане был центр ЦРУ — это не секрет, — функционировала школа для китайцев с Тайваня, которые должны были выполнять специальные задания против социалистического Китая. Тогда столицей территории был Гуам. Сайпан стал столичным островом в тысяча девятьсот шестьдесят втором году.

— Но в других дистриктах гражданское управление существовало уже с тысяча девятьсот пятьдесят первого года, не правда ли? — спросил я.

— Да, это, действительно, так.

— Что-то уж очень все сложно, вы не находите? Марианские острова снова меняют статус, а как же остальные? Все-таки из одиннадцати подопечных территорий, установленных ООН после второй мировой войны, Микронезия — последняя.

— Правильно. Дело в том, что мы напряженно ищем решение. В тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году здешний конгресс создал комиссию будущего политического статуса нашей подопечной территории. Чле-

⁹ Содружество Северных Марианских островов официально существует с 9 января 1978 г.

ны комиссии совершили много поездок, ознакомились с политической системой на Фиджи, Самоа, островах Кука и во многих других местах, а также состоянием дел во всех шести дистриктах подопечной территории. В результате проделанной работы комиссией было внесено в конгресс предложение: либо статус автономного государства, добровольно объединенного с США, либо абсолютно независимое государство.

— Это была бы довольно иллюзорная независимость. Мы с вами это прекрасно знаем...

— Во всяком случае, комиссия продолжает работать, а конгресс выделил большую сумму денег на так называемое «ускоренное политическое просвещение народа», — ушел от ответа Джома. — Американцы предложили островам статус содружества, то есть такой же, который будет у Марианских островов.

— Что же станет с остальной подопечной территорией?

— В ноябре тысяча девятьсот семьдесят пятого года представители всех шести дистриктов подписали на официальной церемонии проект конституции Федеральных Штатов Микронезии. По этому проекту будет проведен референдум, и, возможно, по истечении опеки в этом районе Тихого океана возникнет именно такое государство.

После этих слов мистер Джома деликатно дал мне понять, что посвятил мне довольно времени и его ждут обязанности. Мне осталось только сердечно поблагодарить высокого чиновника и углубиться в темные коридоры барачков в поисках Вэла, занимавшего выгодную должность в департаменте общественных работ.

Поэт ждал меня с целой стопкой карт, рапортов, материалов о подопечной территории. Это свидетельствовало о том, что количество бумаг как атрибутов власти здесь соответствует обычному европейскому уровню. Я покопался в этих горах сведений и обнаружил в них преамбулу к проекту конституции будущих Федеральных Штатов Микронезии. Мое внимание привлекли несколько лаконичных абзацев, содержащих мудрые слова:

«... Чтобы возник один народ на множестве островов, мы принимаем различия наших культур. Различия обогащают нас. Моря нас сближают, а не разделяют. Наши острова поддерживают нас, наш островной народ приумножает нас и делает сильнее...

Наши предки, которые построили свои дома на этих островах, не прогнали отсюда других людей. Мы, которые остались, не хотим иного дома... Микронезия возникла в те времена, когда человек пересекал моря на плотах и лодках. Микронезийский народ рождается в век, когда человек путешествует среди звезд, наш мир сам по себе — остров. Мы выходим навстречу другим народам, у которых ищем мира, дружбы, сотрудничества и любви...»

— Ничего из этого не выйдет. — Вэл вежливо подождал, пока я закончу читать проект конституции, и вступил в дискуссию. — Федерация никогда не была популярна, да и сейчас представители Маршалловых островов ведут в Вашингтоне сепаратные переговоры об особом статусе, так же как представители Палау.

— Хорошо, но почему?

— Люди прекрасно понимают: мы настолько бедны, что не можем быть независимы. Это во-первых. Во-вторых, в-третьих, в-четвертых — вы должны понять, что эти «различия» из проекта конституции вовсе нас не объединяют. Формально все жители подопечной территории считаются микронезийцами, за исключением примерно тысячи человек полинезийского происхождения, проживающих за Капингамаранги и Нукуро. Но примите во внимание хотя бы язык — здесь различия колоссальные. На подопечной территории только основных языков насчитывается девять групп, а там еще множество диалектов! Все это живые языки, и большая часть людей, говорящих на них, знают лишь язык родного острова или его диалект. Кроме того, имеются существенные различия в культуре и обычаях. Эти наши клочки суши — в большинстве случаев действительно замкнутые маленькие мирки. Идея федерации не только чужда, но и враждебна им. Здесь веками велись войны из-за женщин, свиней или клеветы. Проблема трудная, да и правомочная ли? Наши острова разбросаны на пространстве, равном территории Соединенных Штатов Америки. Что нам, собственно, может дать федерация?

— Хорошо, если не федерация, тогда что же?

— Значительная внутренняя автономия и притом тесная связь с США. Мы и так имеем сейчас гражданство и паспорта подопечной территории, но дипломатическую опеку над нами за границей осуществляет Вашингтон.

— В последнее время американцы потеряли свои

позиции в Индокитае, отдали Окинаву. Эти рассеянные среди океана острова как нельзя лучше годятся под военно-стратегические базы.

— Верно. Ну и что?

— Произойдет то же, что и с Гуамом: жители потеряют много пахотной земли.

— Она и так пустует, а военные за нее заплатят, и все будет хорошо. А может, это действительно выход для наших несуразных, не приспособленных к современному миру островов?

— У вас здесь уже была армия. После этого до сих пор не можете восстановить хозяйство и отбиться от «искателей костей».

Вэл ничего не ответил. Довольный тем, что за мной осталось последнее слово, хотя в дискуссии по фундаментальным проблемам островов я был неизмеримо слабее его, я быстро переменял тему:

— Скажите, есть ли в этом средоточии мудрости какая-нибудь библиотека? — спросил я.

— Конечно, есть. Я провожу вас туда. — Чиновник-поэт быстро поднялся, готовый тут же отправиться осматривать библиотеку. Он познакомил меня с директором библиотеки, который, к моему удивлению, радостно приветствовал в моем лице земляка Яна Станислава Кубари.

— Неужели вы из Польши? — не переставал восторгаться мистер Дэниэл Пикокк. — Вы невероятно, невероятно редкий гость. Я не могу припомнить ни одного гостя этой национальности.

Вэл беспокойно завертелся на стуле и наконец решился спросить:

— Так разве Кубари поляк? Я всегда считал его немцем.

— Стыдись, Вэл! — воскликнул директор библиотеки. — Какой же из тебя деятель департамента общественных работ? Ведь в нашем журнале есть статья, кажется Митчелла, под названием «Я. Кубари: первый репортер Микронезии». В ней без конца повторяется: «Польский этнограф. Поляк на службе у германской торговой компании».

— Нельзя ли мне взглянуть на этот журнал? — быстро вмешался я, чтобы как-то помочь смутившемуся поэту.

Директор библиотеки исчез в темной (света все еще не было) утробе библиотеки и долго не возвращался.

Наконец он появился с тоненькой брошюрой в руках... 1971 г. издания. Вэл был спасен. В это время он учился в Калифорнии и не мог читать «Микронезийский репортер», издаваемый правительственным Бюро публичной информации подопечной территории.

С разрешения Пикокка я взял с собой интересный номер журнала, а Вэлу, который вновь обрел уверенность, прочитал краткую лекцию о Кубари, минуя тот печальный факт, что и в Польше личность «первого репортера Микронезии» тоже не слишком известна.

— Таким образом, Вэл, — закончил я свою лекцию, — запомни, что мой земляк не только увековечен в памятнике на Понапе, но и избран вождем (*рупаком*) на твоём родном острове Палау; а тебе не надо объяснять, что это значит.

Вэл решил немедленно прочитать о Кубари все, что возможно, и сразу же взял реванш у симпатичного Пикокка. Единственной работой Кубари, имевшейся на острове, было неполное издание его сочинений на немецком языке. Порыв Вэла не был удовлетворен. Что касается Кубари, то он действительно необычная личность в истории Микронезии. Я питал надежду, что за мое пребывание в этом островном мире мне удастся разыскать какие-то следы его деятельности, посетив места, которые он исследовал много лет назад.

«Первый репортер Микронезии»

Ян Станислав Кубари прожил неполных 50 лет и половину этого срока провел в Океании. Ни один из известных в этнографии ученых, исследователей, путешественников не посвятил столько времени исследованию какого-то одного региона. Только на Каролинском архипелаге Кубари прожил 17 лет. После смерти поляка прошло почти 100 лет, а результаты его исследований для мировой науки до сих пор представляют собой бесценное сокровище уже потому, что мира, который наблюдал Кубари, не существует. Цивилизация белых, а позднее военное безумие полностью смели специфику, а заодно и жителей этого островного микрокосма. В настоящее время ни одна серьезная работа о Микронезии не может выйти без замечаний типа «как считал Кубари», «что открыл Кубари» и т. п. Ученые, современники Кубари, такие, как А. Кремер, А. Бастиан,

Ф. В. Христиан и другие, были о нем столь высокого мнения, которое явилось бы честью для любого ученого в любое время: «В исследовании Каролинских островов Кубари принадлежит бессмертная заслуга»; «Для исследования Микронезии Кубари сделал больше, чем кто-либо до и после него»; «Работы Кубари являются фундаментом, на который должны опираться все дальнейшие исследования об этих островах».

Кем же он был, этот муж науки, какие обстоятельства способствовали созданию того наследства, которое он оставил науке, и что подняло его над всеми исследователями Океании?

Ян Станислав Кубари родился 13 ноября 1846 г. в Варшаве. Отец Станислава был лакеем, мать Тэкла, немка по происхождению, — домохозяйкой. Когда мальчику было 6 лет, отец умер, и мать снова вышла замуж за варшавского сапожника Томаша Марцинкевича. На Даниловичовской улице 8, т. е. в известном доме «Под крулями», отчим имел мастерскую, в которой и прошла юность будущего исследователя далеких островов.

Пан Марцинкевич был патриотом, истинным поляком, который не мог смириться с подневольным положением родины. Поэтому нет ничего удивительного в том, что с самого начала восстания 1863 г. Ян Станислав Кубари, еще совсем молодой человек, ученик 6-го класса гимназии, принял активное участие в повстанческой деятельности и выполнял ответственные задания, несмотря на свой юный возраст.

После поражения восстания Кубари вместе с беженцами оказался в Дрездене. Там при не выясненных до сих пор обстоятельствах он становится... осведомителем русского посольства. Это удивительное превращение патриота в жалкого доносчика до сих пор вызывает недоумение историков. Существует мнение, будто на этот шаг молодого человека (Кубари в то время было всего 17 лет) вынудили тоска по матери и желание поскорее вернуться в Варшаву, а возможно, и нажим родственников, проживавших в Германии. Однако независимо от истинных причин, которыми руководствовался Кубари и о которых мы, вероятно, никогда так и не узнаем, его сотрудничество с царской полицией продолжалось и в Варшаве. Будучи в руках опытных агентов, видимо принуждаемый и шантажируемый, уже в качестве студента медицинского факультета он выслеживал своих товарищей по учебе и получал за это деньги.

Эта жалкая деятельность дорого обходилась Кубари, который, по-видимому, недостаточно хорошо справлялся со своими обязанностями, коль скоро был арестован и приговорен к ссылке в отдаленные районы России. Может быть, обещание дальнейшего сотрудничества избавило его от наказания. В конце концов, не вынеся такой сложной двойной жизни, молодой человек выбрал радикальное решение — бегство. Отослав матери прощальное письмо, Кубари в марте 1868 г. пешком (!) добрался до Берлина, где в то время проживали родственники матери. Замкнулся первый круг нелегкой жизни будущего исследователя Океании. Вот отрывок из его письма к матери, свидетельствующий о настроениях молодого человека:

«... Сердце мое обливается кровью при мысли, что я должен был бежать тайно, как вор, без твоего благословения и объятия. Я жалкий человек, который всегда жил погрузившись в себя, презираемый всеми, — я привык к горестям, потому что вся моя жизнь, начиная с 1863 г., была сплошным страданием».

В 1869 г. после множества мытарств Кубари в поисках работы прибыл в Гамбург и при посредничестве новых друзей попал в крупный торговый дом «Дж. К. Годафруа и сын». Это был особый экономический организм. В то время, когда Кубари искал работу в Гамбурге, филиалы Годафруа действовали в Америке, Чили, на Кубе и в Океании; независимо от этого предприятие имело долю в банках и промышленности. «Дом Годафруа», возглавляемый, как обычно, очередным «Иоганном Цезарем», стал в тот период не только мощной торговой организацией, но и покровителем науки и искусства. Благодаря Годафруа VII возник известный впоследствии Музей естественной истории, стали выходить научные журналы, а также были привлечены ученые и собиратели коллекций в области природоведения и этнографии Южных морей. В те времена в Европе неслыханно возрос интерес к экспонатам такого рода, и наряду с костюмами, реликвиями, оружием и обычаями островитян они будили неизменное любопытство. «Король Океании» — так называли Годафруа — делал в этом регионе свои «кокосовые дела» в прямом и переносном смысле слова¹⁰. Он мог себе позволить такую роскошь,

¹⁰ Здесь игра слов: в польском языке выражение «делать кокосовые дела» имеет значение «заниматься бизнесом, наживаться».

как занятия этнографией. Правда, благодаря этому капризу был сделан большой вклад в науку. Владелец этой фирмы сумел по заслугам оценить Кубари и с 1 апреля 1869 г. зачислил его на работу в качестве собирателя экспонатов на Тихом океане для музея Годафруа. Кроме того, Кубари было предписано сотрудничество с журналами, которые издавал Годафруа.

Через месяц с контрактом, заключенным на 5 лет, Кубари отправился на борту судна «Вандрам» на Самоа, острова, которые в то время назывались островами Мореплавателей. Начинается очередной, важный этап в жизни 22-летнего человека, который юноша открывает довольно неуклюжими стихами, адресованными матери; отрывок из них мы здесь приводим:

Увы мне, я бедный изгнанник ничтожный!
Кто со мной простился? Германия, мой боже!
Меня проводил орел черный на стяге,
С корвета немецкого выстрела пламя...
Ах, если б увидел я белое знамя,
В душе цвело бы столько отваги!¹¹

Переезд Кубари на Самоа продолжался 130 дней. Поляк высадился в Апии и явился в местную факторию Годафруа, где его тепло приняли. В общей сложности молодой человек провел на островах Мореплавателей 8 месяцев. В какой-то мере он готовился к выполнению своей основной задачи — изучению Каролинских островов, где, как мы уже знаем, он должен был заняться сбором экспонатов. Однако уже в Полинезии поляк обратил на себя внимание своими способностями к языкам, так как за короткое время научился говорить на языке самоа. На Самоа Кубари написал также свой первый научно-популярный репортаж, опубликованный в 1873 г. в варшавском «Тыжднике иллюстрированом»: «Зарисовки с Матросских островов (островов Мореплавателей) на Великом океане, собранные в 1870 г. Яном Кубари, с гравюрами по фотографиям, сделанным автором на месте».

На острове Савайи Кубари сделал свое первое научное открытие: обнаружил неизвестный науке вид птиц, который впоследствии был назван зоологами *Pereudiastes pacificus*. Это была камышница — разновидность водной курочки.

¹¹ Отрывок из стихотворения Кубари взят из кн.: *Слабчиньски В.* На островах Океании. Варшава, 1956. Слово «знамя» употреблено из-за цензуры, следует, конечно, читать «орел».

Путешествия Кубари по Океании чаще всего зависели от рейсов торговых судов, принадлежавших «Дому Годафруа». Этот флот насчитывал 27 кораблей. Одним из них была «София». На ее борту Кубари отправился в Микронезию, т. е. в тот район мира, с которым оказалась связана вся его последующая жизнь. В противоположность Полинезии, уже значительно разрушенной цивилизацией белых, Микронезия с ее первобытной культурой была в то время почти нетронута.

«София» доставила Кубари к Маршалловым островам, туда, где в южной части архипелага расположены острова Эбон. Они представляют собой атолл, округлый контур которого складывается из 21 едва выступающего над поверхностью воды кусочка суши. Следует добавить, что поверхность всех этих крошек, вместе взятых, не насчитывает и 6 квадратных километров. Эбон был открыт лишь в 1824 г. американским китобоем капитаном Джорджем Джоем, т. е. менее чем за 50 лет до прибытия туда Кубари. На этой «земле» путешественник провел 4 месяца.

В биографии будущего исследователя Каролинских островов Эбон замечателен тем, что здесь им была написана первая научная работа, изданная на немецком языке в «Journal des Museum Godeffroy», в первой тетради данного издания за 1873 г. Важнейшей частью исследования поляка был небольшой словарь языка жителей Эбона. Кубари повезло на острове и как естествоиспытателю, так как там ему удалось найти образцы чрезвычайно редкого коралла *Ravonia paperecea*. Описание островов Эбон открыло большую серию научных публикаций Кубари, которые принесли ему заслуженную славу.

В начале сентября 1870 г. Кубари наконец впервые попал на Каролинские острова, на этот раз на борту судна «Сусанна». Он высадился на Понапе, а затем оказался на интереснейшем и в наше время острове Яп, лежащем в западной части архипелага, который в соответствии с указаниями, полученными еще в Гамбурге, должен был стать основным предметом его исследований.

С Япа начинается красочный калейдоскоп островов, на которых целых 17 лет (с небольшими перерывами) жил и работал мой соотечественник: различные острова Палау, так много значивший в жизни Кубари Понапе, потом Мортлокс, группа Нукуоро, Трук и др.

Первый период напряженной работы исследователя завершается в 1874 г. За плечами Я. Кубари значительные результаты научного исследования Каролинских островов, архипелага, который до второй половины XIX в. был для Европы белым пятном. К несомненным достижениям поляка принадлежат его исследования на Япе — острове самых удивительных денег в мире. Это ставшие повсеместно известными каменные диски в два метра диаметром. Позади остались исследования Палау, где он достиг особенно значительных успехов в науке. Август Кремер, который посвятил свою жизнь дальнейшим исследованиям Микронезии, писал, что «1871 год был для Палау особенно значительным вследствие прибытия туда Яна Станислава Кубари. Свыше двух лет работал варшавянин на этих островах. Он сумел заслужить такое безграничное доверие местного населения, что его даже выбрали рупаком, что имело решающее значение для проникновения в тайники жизни островитян».

Никто из ученых до и после него не смог собрать столь существенных материалов о жизни островитян на Палау. Кубари пользовался таким их доверием, что не колеблясь принял образ жизни и одежду местных жителей. Он совершенно отказался от чопорности, обязательной в то время у белых людей при контактах с аборигенами. Такая манера держаться намеренно стала источником успехов и ценности научных работ Кубари. В то же время она вызвала неприязнь белых исследователей и чиновников, которые обвиняли Кубари в унижении достоинства посланника немецкого научного учреждения. Один из таких «ученых» (Люшан) писал о Кубари, будто тот «одичал и живет на деревьях». В будущем подобные высказывания оказали решающее влияние на судьбу польского исследователя.

В августе 1874 г. на борту шхуны «Альфред» поляк покидает Понапе, чтобы через Самоа отправиться в Европу. В трюмах Кубари вез с собой десятки ящиков с экспонатами, которые за 5 лет тщательно собрал на Каролинских островах. Особенно ценными среди них были кости, черепа и памятники материальной культуры, изъятые из таинственных гробниц в руинах Нан Мадолла на Понапе.

Все эти коллекции безвозвратно погибли, так как «Альфред», которым командовал молодой, неопытный капитан, разбился на рифах Ялуит (Маршалловы ост-

рва). С опасностью для жизни Кубари спасает незначительную часть коллекций. Затем он торопливо пытается пополнить их на близлежащих островах и на Самоа. Однако ничто не может возместить огромную потерю коллекционера. В тяжелом состоянии он направился в Европу кружным путем через Тонга, Новую Зеландию и Австралию. Он оказался одним из первых поляков, который проплыл по только что открытому Суэцкому каналу. В мае 1875 г. Кубари прибыл в Гамбург. Там против всех его опасений работодателя, пришедшие в восторг от остатков коллекции (23 ящика), предложили ему заключить новый контракт и отправиться на работу в Южные моря.

Важным событием в этой поездке стал отказ от польского гражданства и получение... британского подданства. Это произошло в Сиднее 12 февраля 1875 г. «Характерен тот факт, — писал Лех Пашковски, историк польской эмиграции, — что Кубари, у которого мать была немкой, большую часть жизни работал на немцев, но не принял гражданства от своих хозяев, а предпочел натурализоваться в Австралии»¹².

Кубари мечтал повидаться с матерью и побывать на родине. Но это оказалось не так-то просто сделать — для царских властей польский ученый остался политическим эмигрантом. Однако протекция могущественного «Дома Годафруа» сыграла свою роль, и Кубари получил разрешение на въезд в Варшаву. В подарок матери с далеких островов он привез несколько чучел птиц и множество экзотических мелочей. Позднее эти экспонаты приобрел варшавский фотограф Мечниковски.

Во время пребывания Кубари в Польше существенным событием стало его участие во II съезде польских врачей и естественников во Львове в июле 1875 г. Наш путешественник был принят очень сердечно, избран одним из секретарей съезда, ему даже предложили прочитать доклад. Его доклад назывался «Отчет о научных достижениях за несколько лет путешествий в Австралии». Не подлежит сомнению, что это был первый доклад, сделанный в Польше, содержащий сведения о Микронезии.

1876 год принес Кубари новый пятилетний контракт с музеем Годафруа, и он отправился в Микронезию весной того же года. Постоянной базой Кубари стал ост-

¹² Policy w Australii i Oceanii. L., 1962, с. 202.

ров Понапе, где он построил просторный дом и заложил, вероятно, первый в этом регионе ботанический сад. Это вовсе не значит, что поляк собрался вести оседлый образ жизни. Кубари начал как бы второй раунд исследовательских экспедиций в районе Каролинских островов и посетил крошечные острова архипелага, о которых не слышали даже капитаны судов, плавающих в этом районе Тихого океана. Кубари путешествовал на утлых лодках островитян, на которых прошел тысячи миль по бурному океану. Его можно упрекнуть лишь в получении неполного университетского образования, но ему нельзя отказать в отваге во время путешествий. Эти научные экспедиции в одиночку представляли собой нагромождение опасностей и неудобств, но зато давали возможность для таких наблюдений и исследований, которые во всей их полноте сумели оценить лишь в наше время.

В период, когда Кубари со всей присущей ему энергией расширял «территорию» своих научных исследований и в нем кипели творческие силы, на него словно камень на голову обрушилась весть об одностороннем разрыве «Домом Годафруа» контракта с ним, причем без компенсации. Это произошло в сентябре 1879 г.

Этим грубым разрывом Кубари обязан Веберу, немецкому консулу на Самоа и представителю интересов Годафруа в Океании в одном лице. Этот имперский чиновник, подготавливавший недалекий уже выход немецкого государства в Тихий океан и аннексию испанской Микронезии, не выказывал сочувствия науке. И когда «Дом Годафруа» в конце 70-х годов начал приходить в упадок, Вебер тотчас уволил Кубари, поскольку господин консул составил себе не самое лучшее мнение о моем земляке на основе всякого рода доносов. Он не мог ему простить сближения с местными жителями, защиту их интересов при контакте с белыми торговцами, а также, возможно, польское происхождение. Консулу, конечно, было известно, что Кубари написал в варшавском «Тыгоднике иллюстрированом» об интересах немецких торговцев на Самоа; принимал участие в съезде польских врачей и естественников; ощущал себя поляком и мечтал, чтобы его похоронили на берегах Вислы.

Разрыв контракта поставил польского исследователя в чрезвычайно трудное положение. Он остался практически без средств к существованию и поэтому не мог

вернуться в Европу. Ян Кубари, которого весть об увольнении застала на островах Трук, снова на утлой местной лодчонке отправляется домой, на Понапе. Во время этого перехода очередной тайфун (их силу наш исследователь уже не раз ощущал на себе) едва не разрешил все его заботы. Разбитая лодка была выброшена на одном из атоллов Маршалловых островов, далеко от Понапе. Однако наш путешественник все-таки добрался до Понапе и попытался перестроить свой образ жизни, стараясь приспособиться к новым обстоятельствам.

В тот период Кубари уделял много внимания и времени своей плантации, но все напрасно — урожай кокосов, кофе, ананасов и табака не принес дохода, на который он так рассчитывал. В связи с женитьбой положение Кубари становится еще более тяжким. Расходы его все возрастают. Женой Кубари стала Анна Желлиотт — дочь американского методиста, который в то же время являлся одним из вождей на Понапе. Этот союз еще больше сблизил поляка с островитянами. Вскоре появился на свет сын Бертрам, который, к несчастью, вскоре умер. Материальное положение Кубари все ухудшалось, однако он не оставлял своей научной деятельности. В то время, когда Кубари не мог пользоваться бесплатными переездами на судах Годафруа, он занимался систематизацией материалов и подготовкой их к печати. За этот период исследователь отправил большое количество статей как в польские, так и в европейские журналы (главным образом в немецкие). Таким образом, 1882 год становится для Кубари особенно значительным — это год, когда выходит из печати целый ряд его работ. Приходит окончательное признание заслуг ученого, приходит известность.

К тому же периоду относится бурная переписка, которую Кубари ведет с адресатами из Польши. Из нее видно, как тяжело жилось исследователю без контактов с родным краем, как он тосковал без живого польского слова. В одном из писем, адресованных в варшавский журнал «Пширода и Пшемьсл», он писал: «Прежде всего я хотел бы получать какое-нибудь издание о повседневной жизни вечно дорогой мне Варшавы (что-нибудь вроде „Курьера“ или какой-нибудь другой газеты), а затем весьма желательны журналы, знакомящие с общими проблемами научной жизни в нашей стране („Тыгодник иллюстрованы“).

Кубари писал, отвечал на письма, получал авторские экземпляры своих работ, доброжелательно принятых научной средой.

И снова удар: ураган уничтожил плантацию Кубари! Наш энергичный исследователь решился на смелый шаг — он отправился в Японию искать работу в Этнографическом музее в Токио, но там нашел лишь краткий приют. Печально было его возвращение на Понапе через Гонконг и Гуам.

На Понапе его ожидал сюрприз — письмо с предложением приступить к работе для музея в голландском городе Лейдене. Это письмо — дань уважения, каким Кубари пользовался среди людей науки, многолетнюю дружбу которых он снискал, несмотря на огромное расстояние, разделяющее их. На этот раз места для него добился доктор Шмельц, высоко ценивший способности и деятельность Кубари. Обрадованный тем, что снова серьезно сможет заняться научной работой, Кубари влез в долги и по желанию будущего работодателя отправился на Палау. Он работал там с энтузиазмом, собирал коллекции, писал. Но его подстерегал еще один удар: в следующем письме доктор Шмельц сообщал, что музей отказался подписать контракт под влиянием мнения немецких путешественников, которые обвиняют Кубари в расточительстве и излишнем сближении с местными жителями. Стрелка судьбы Кубари падает до нуля. На этот раз его положение становится еще более тяжелым. Поляк уже не один: у него на руках жена и только что родившаяся дочь Изабелла. Хорошо, что белый рупак снова жил на Палау, где жители неизменно выказывали ему доброжелательство и уважение. Поэтому Кубари не умер с голоду и по привычке продолжал собирать научный материал. Его угнетало отсутствие денег на книги, одежду и другие потребности европейца. Кубари с головой погрузился в работу. На Палау он написал несколько ценных трудов.

Его упорство получает вознаграждение. Дают себя знать старые научные и дружеские связи — Этнографический музей в Берлине предлагал ему подписать договор. Период нужды остался позади, будущее представляется многообещающим. Кубари написал свою первую книгу «К вопросу об этнографии Каролинского архипелага» (эта работа вышла в 1895 г. на немецком языке). Получив некоторую материальную независимость, Кубари стал методично вести дальнейшие поле-

вые исследования. Он посетил мелкие острова архипелага, на Япе продолжил изучение «денежной системы» острова, собрал для Берлина огромное количество экспонатов, много работал. Ничто не предвещало катастрофы, но она все же вскоре разразилась: Берлинский музей безоговорочно разорвал контракт, ссылаясь на якобы неподходящий стиль работы исследователя, унижающий достоинство представителя немецкой науки. Руководство музея также было недовольно сближением ученого с местным населением и т. п. С мая 1885 г. Кубари остался без работы и без денег. Эти долгие месяцы стали для него настоящим кошмаром. Он решил, что теперь ему уже никогда не удастся заняться научной деятельностью.

Отстраненный от любимой работы, Кубари волей случая становится свидетелем значительного по тем временам события. В августе 1885 г. король Испании, обеспокоенный проникновением в этот район европейских держав, в частности Германии, издал приказ об официальной аннексии Каролинских островов. Была назначена точная дата, и, наверное, все прошло бы в соответствии с планами, если бы днем раньше не пришло немецкое судно, которое осуществило акт присоединения острова Яп к Германии. Разыгрался такой мощный дипломатический скандал, что папе Льву XIII пришлось мирить враждующие стороны. В результате переговоров Германии были предоставлены в этом районе широкие торговые права, а Каролинские острова формально приписаны Испании.

Месяцем позже в жизни Кубари внезапно произошел решительный поворот. Со специальной миссией к острову подошел немецкий военный корабль «Альбатрос» под командованием капитана М. Плюддеманна. Этот офицер нанял Кубари в качестве переводчика и забрал на корабль всю его семью. «Альбатрос» посетил один за другим ряд Центральных и Восточных Каролинских островов (в том числе Понапе) и в каждом случае совершил аннексию острова с поднятием немецкого флага и артиллерийским салютом. Эта колонизаторская деятельность Плюддеманна и его корабля, разумеется, не делает чести Кубари, который всегда сходил на берег как переводчик и представлял империалистические интересы Германии. Однако причину такого поступка талантливого ученого следует искать в его отчаянном материальном положении.

После завершения миссии «Альбатроса» Кубари с семьей добрался на борту этого корабля до Меланезии, точнее говоря, до Новой Британии, расположенной поблизости от Рабаулу. Здесь поляк получил на два года место надсмотрщика на кокосовой плантации немецкого консула Гернсхайма. Это был последний творческий период в жизни Яна Станислава Кубари. Именно здесь увидели свет его последние работы.

В 1887 г. Кубари и его семья переехали на Новую Гвинею в окрестности Константингафена, на побережье залива Астролябия. По контракту с немецкой Компанией Новой Гвинеи он работал там в качестве начальника торговой станции, т. е. по роду деятельности стал скорее лавочником, чем ученым. Больше для собственного удовольствия, чем в целях научного исследования, Кубари стал собирать коллекции в области орнитологии, природоведения и этнографии. Такое положение сохранялось до конца 1891 г. Несмотря на хорошее состояние дел на станции, возглавляемой поляком, Компания Новой Гвинеи контракта с ним не возобновила. Неблагоприятный климат в районе бухты Астролябия сильно подорвал здоровье Кубари: у него участились приступы малярии.

— Возвращение в Европу или могила на Новой Гвинее, — к такому мнению приходят его врачи.

В 1892 г. поляк вместе с женой и дочерью отправился на родину. В Гамбурге его сердечно приветствовали ученые, ведь Кубари имел уже заслуги, известные в научных кругах. Он сделал несколько докладов, навещил друзей, в том числе неизменно расположенных к нему Шмельца и Бастиана. Но он заторопился в Польшу. Там, так же как годы назад, как раз собирался уже VI съезд польских врачей и естественников. Кубари питал некоторые надежды на встречу с представителями польской науки. Вероятно, он мечтал о какой-нибудь должности на родине, где мог бы употребить свои уникальные познания. В докладе, сделанном на съезде, Кубари недвусмысленно заявил, что хотя он работал в Океании для иностранных учреждений, но свою деятельность посвятил польской науке и именно ей мечтает посвятить остаток жизни. В ответ — молчание. Не нашлось для него работы и в Германии.

В конце 1894 г. мы снова видим Кубари на Новой Гвинее, климат которой был для него убийственным. Здесь он опять потерял работу, но эти события не про-

извели на него сильного впечатления, ведь подобное повторялось с ним постоянно, словно в кошмарном сне. За бесценок он продал коллекцию бабочек, птиц и отправился на Понапе, единственное место на свете, где ему всегда было хорошо. Он оставил дочь Изабеллу учиться в сингапурской женской школе, которая находилась в ведении французских монахинь¹³.

После разлуки с дочерью в пути у Кубари случился тяжелый сердечный приступ, и он вынужден был прервать поездку в Маниле. Здесь он пролежал несколько месяцев в больнице, что поглотило его последние сбережения, и на Понапе прибыл нищим человеком. На месте оказалось, что он стал нищим. Оказывается, его плантация уже не существовала, она была уничтожена боями, которые островитяне вели с испанцами. Дело в том, что под конец существования империи испанцы в страхе перед германским империализмом стали размещать на Каролинских островах военные гарнизоны. Островитяне, решительно не желавшие этого, схватились за оружие. Эти военные столкновения происходили, в частности, непосредственно на участке Кубари. Более того, испанская администрация вообще поставила под сомнение право собственности Кубари на этот клочок земли и была намерена поселить на нем какого-то чиновника. Таким образом, оказалось, что после 30 лет труда в Океании у Яна Кубари не было буквально ничего, кроме самоотверженной жены и слабого здоровья. Несколько месяцев спустя, 9 октября 1896 г., Яна Станислава Кубари нашли мертвым на могиле сына. Неутомимый исследователь Океании, вероятно, покончил с собой.

Смерть Кубари была с грустью принята как в Германии, так и в Польше. Редактор его работ И. Д. Е. Шмельц, питавший к поляку дружеские чувства, прощаясь в некрологе с «известным всей этнографии прославленным исследователем», писал, что ученый «обладал даром души, позволившим сблизиться с островитянами, завоевать их доверие и проникнуть в сокровеннейшие тайны их жизни...»

В Польше о нем написал Людвик Қшивицки: «Скончался исследователь, о котором, возможно, кое-что из-

¹³ Закончив школу, дочь Кубари ушла в монастырь и долгие годы работала учительницей под именем сестры Гумбелины; умерла в 50-х годах; из польских историков вел с ней переписку об ее отце лишь В. Слабиньски.

вѣстно в нашей странѣ, но я сомневаюсь в том, что у нас понимают всю ценность его изысканий. Этот этнограф имеет в научном мире громкое имя, хотя и не такое, какое заслужил...»

Около двух десятилетий спустя профессор К. Столыхва как бы продолжил эту мысль: «Со стыдом следует признать, что в нашей стране почти ничего не известно о знаменитом земляке, который хотя и писал главным образом на иностранном языке, но мыслил по-польски (о чем свидетельствует его манера писать по-немецки), считал себя поляком и мечтал о возвращении на родину. Кубари долгие годы ждал справедливой, по праву ему принадлежащей оценки его деятельности в Германии; в конце концов после смерти его оценили и даже начали собирать деньги на памятник знаменитому „немецкому“ ученому. Германия лишает нас не только земель, но и наших научных заслуг, присваивая ценнейшие явления нашей культуры, творцов нашей науки. Именно к таким творцам принадлежал Кубари. И случилось непоправимое — он был вынужден работать и творить среди чужих, потому-то его имя присваивает чужая культура»¹⁴.

В настоящее время значение работ Я. Кубари по этнографии Микронезии бесспорно. Серьезным считается также вклад поляка в картографию этих островов и добытые им сведения об их фауне. Никто не подвергает сомнению и тот факт, что большей частью существующих в Европе этнографических собраний с Каролинских островов музеи обязаны именно польскому исследователю. Велики его заслуги в области изучения языков и диалектов Океании. Деятельность ученого увековечена скромным памятником, поставленным ему на Понапе, а также присвоением его имени горе на Новой Гвинее — Кубари-Берг. Его имя также сохранилось во множестве латинских названий в области орнитологии (*Corvus Kubari* — птица), энтомологии (*Phibalasoma Kubari* — насекомое), конхологии (*Parupa Kubari* — раковина).

Имя Кубари, поляка трагической судьбы на службе немецкой науки, своеобразно увековечено в истории острова Понапе, который он так полюбил. В 1899 г., не в силах удержатъ свои заморские владения, испанцы продали Микронезию Германии. Простодушные местные

¹⁴ Цит. по кн.: *Wyprych K. W cieniu fe*, Wrocław, 1969, с. 171—173.

жители очень скоро почувствовали тяжелую руку пруссаков. В 1910 г. на Понапе началось восстание против немцев. Его глава, островитянин и старый друг поляка, взял псевдоним «Кубари». Борьба продолжалась много недель. Повстанцы оборонялись от немцев на высоком скалистом острове Сокас. Положение в корне изменилось по прибытии немецких военных кораблей, в том числе «Корморана» (того самого, что позднее затонул на Гуаме). Восстание было подавлено, а 17 его руководителей во главе с «Кубари» предстали перед взводом, выполняющим смертный приговор. Так человек, который обладал «даром души, сблизившим его с островитянами», умер еще раз после своей смерти. Недоброжелатели Кубари постоянно осуждали его гуманное отношение к местным жителям, которое якобы наносило ущерб немецкой науке. События 1910 г. на Понапе выявили истинное лицо этой «великой» нации.

Тиниан

— Вы непременно должны побывать на Тиниане, раз уж попали сюда, в столицу нашей подопечной территории, — настойчиво уговаривал меня мистер Эшмен, глава туризма всей американской Микронезии. С этим человеком я познакомился в потемках правительственных барачков. — Расстояние от Сайпана до Тиниана всего три мили. Я немедленно позвоню Брэнди.

«Должен так должен», — подумал я и мысленно стал готовиться к путешествию на лодке. В данном районе мира это великолепная прогулка по морю — конечно, если нет тайфуна.

Мистер Брэнди (Эшмен ему все-таки позвонил) оказался владельцем двух небольших самолетов и главой какой-то авиационной линии с пышным названием, в которой он сам выполнял функции директора, пилота и кассира одновременно. Помещение линии располагалось на Сайпане, в постройке на краю международного аэродрома.

Мой новый знакомый отнесся ко мне как к своему старому другу. Сразу же сделал скидку за рейс, который я должен был совершить вместе с тремя пассажирами, тоже летевшими на Тиниан. Впрочем, из окна комнатки хорошо просматривался берег острова.

— Мы обслуживаем самую короткую регулярную

линию в мире, — смеялся Брэнди, беспечно заливая в бак бензин прямо из канистры, несмотря на зной. Признаюсь, я с опаской поглядывал на такое обращение с легковоспламеняющимся горючим.

Мы поднялись в воздух. Мистер Брэнди кричал что-то в бортовое радио. Одной рукой он держал штурвал, а другой — банку с пивом.

С высоты птичьего полета хорошо были видны белые кружева пены, обозначающие цепи рифов вокруг обоих островов. Минут через пять после старта мы оказались над северной частью Тиниана — совершенно плоским местом. Вокруг громоздились скалы, а под нами раскинулись бетонные полосы большого аэродрома.

— Это давнишняя военная база, — крикнул мне Брэнди, — гражданский аэродром ближе к Сан-Хосе, сейчас там будем!

Он сделал большой круг над островом в мою честь, чтобы я, как он сказал, «получил представление об этой славной крупице суши», и великолепно посадил самолет у какой-то невыразительной будки, выполнявшей роль аэровокзала.

— Вы пока оглядитесь, — сказал он, когда я выбрался из машины, — я еще разочка два обернусь, надо перебросить кое-какой товар. В пять часов я улетаю отсюда в последний раз, смотрите не опаздывайте.

Я мало знал о Тиниане, пожалуй только то, что он входит в состав Марианских островов и во время второй мировой войны здесь шли тяжелые бои между американцами и японцами. Однако на месте с помощью правительственной библиотеки я значительно расширил свои познания.

Площадь острова Тиниан составляет 100 квадратных километров, и население его — 700 человек. Коренными жителями острова когда-то являлись чаморро, в настоящее время население не представляет никакого определенного этнического типа — это просто островитяне. В течение веков чаморро смешались с моряками, оккупантами, соседями. Известно, что когда-то жители Марианских островов были замечательными мореходами и рыбаками. Они обладали хорошо организованным общественным строем и высокоразвитой материальной культурой. К самым великолепным памятникам прошлого принадлежат гигантские каменные колонны, поставленные обычно в два ряда либо по берегу моря, либо вдоль

ручья и, по всей вероятности, представлявшие собой фрагменты каких-то культовых сооружений. Доисторические колонны существовали почти на всех островах архипелага, однако самые великолепные памятники древнейшей и таинственной культуры найдены на Тиниане.

До конца XIX в. Тинианом, как и Марианскими островами в целом, управляли испанцы. Они не слишком интересовались своими владениями, но обороняли острова от попыток британцев и американцев овладеть ими.

Одним из поклонников этих островов оказался лорд Энсон, который зашел на Тиниан во время известного в ту пору кругосветного путешествия. Сейчас почти не помнят о том, что почтенный лорд прежде всего старался напасть на испанский галион, совершавший ежегодный рейс из Акапулько в Манилу, и ограбить его. Он своего добился и захватил галион «Ностра Синьора де Кавадонга» с ценным металлом стоимостью 400 тысяч фунтов стерлингов, что по тем временам составляло головокружительную сумму. Энсон зашел на Тиниан, чтобы подлечить истощенную цингой команду. «У нас было 128 больных, — писал хронист, — некоторые были настолько истощены, что из лодки до импровизированного госпиталя их надо было нести на руках... Спасительное воздействие суши вскоре дало себя знать и казалось чудом. Истощение больных, совсем умирающих, стало быстро проходить. Правда, в первые два дня мы похоронили 21 человека, но позднее за всю двухмесячную стоянку потеряли не больше десяти...»

Энсон и его команда пережили на Тиниане одно из редчайших морских приключений. В одну штормовую ночь «Центурион», корабль Энсона, сорвало с якоря и унесло в открытое море вместе с частью экипажа. На острове остались глава экспедиции и офицеры, всего свыше ста человек. Исчезновение корабля означало для них полную катастрофу. Какова же была их радость, когда 19 (!) дней спустя корабль вернулся к берегам острова, который Энсон намеревался поднести в дар королю Англии. Однако король Георг II не проявил ни малейшего интереса к подарку.

Несколькими годами позже островом пожелал завладеть американский капитан Браун с корабля «Дерби», занимавшийся торговлей сандаловым деревом и мехами в портах США, Гавайев и в Кантоне. Он прочитал отчет о путешествии Энсона (такова сила репортажа!) и ре-

шил колонизовать Тиниан и соседние острова. Но испанский губернатор с Гуама выслал карательную экспедицию, которая уничтожила американские посевы и захватила в качестве пленных невольников-гавайцев, перезезенных с родного острова предприимчивым американцем.

Плохо ли, хорошо ли (скорее плохо), но испанцы владели территорией Микронезии до конца XIX в., не придавая особой ценности этим заморским владениям. В 1899 г. острова захватила Германия, чтобы 14 лет спустя передать их японцам.

В 1944 г., ко времени операции «Фуражир», на Тиниане находился девятитысячный японский гарнизон. Несчастные солдаты оказались в положении подопытных кроликов: целых 40 дней до вторжения, имея полное преобладание на воде и в воздухе, американцы методично расстреливали их как на полигоне и опробовали на них авиационное оружие нового типа — напалмовые бомбы. Тиниан обстреливали броненосцы «Колорадо», «Тенесси» и «Калифорния», а через трехмильный пролив с захваченного уже Сайпана по острову била сухопутная артиллерия.

24 июля началась десантная операция. Японцы яростно сопротивлялись. Тщательно укрытые орудия нанесли ущерб американским кораблям: 22 прямых попадания в броненосец «Колорадо» (43 убитых и 97 тяжелораненых), 6 попаданий в эсминец «Норман Скотт» (20 убитых, в том числе командир, и 50 раненых).

В боях на Тиниане японцы применили хитроумные минные ловушки, в которых приманкой послужили самурайские мечи, банки с пивом и т. п. Однако атакующие понесли небольшие потери благодаря практике, которую они прошли на Сайпане. Неделию спустя после вторжения 2 американские дивизии оккупировали четыре пята острова. Формально овладение островом было провозглашено 2 августа 1944 г., но еще целых 3 месяца продолжалась охота на японцев, совершавших дерзкие вылазки из пещер и гротов, в которых они укрылись. В результате этих действий погибло около 500 японцев. За 9 дней боев американцы потеряли около 400 человек убитыми, 2 тысячи человек получили ранения. Было похоронено около 5 тысяч японцев, в плен взято 252 солдата императора.

Американцы торопились расправиться с японцами. Поэтому еще до окончания боев так называемые «мор-

ские пчелы», или инженерные войска Соединенных Штатов Америки, начали строительство крупного аэродрома для «летающих крепостей». Через 13 месяцев после вторжения, впервые в истории человечества, с острова поднялась в воздух атомная смерть. Именно отсюда, с Тиниана, стартовал широко известный бомбардировщик «Энола Гэй», пилотируемый полковником Тиббетсом, который 6 августа 1945 г. сбросил атомную бомбу на Хиросиму; здесь же четырьмя днями позже на борт самолета Б-29 погрузили вторую бомбу, которая обрушилась на Нагасаки.

Я беспомощно топтался в комнатке среди пассажиров, которых оставил здесь Брэнди. Я прекрасно понимал, что при имеющейся «плотности» населения на Тиниане нечего и думать о каком-нибудь автобусе или другом виде транспорта. Я мечтал прежде всего осмотреть знаменитую каменную колоннаду — интереснейший памятник доисторической культуры.

— Where are you from? («Откуда вы?») — услышал я вопрос.

Передо мной стоял мужчина средних лет и несколько скучающего вида, который с непосредственностью, характерной для американцев, представился как Мик Ли.

Представившись, я объяснил, что оказался здесь проездом на несколько часов. Мик предложил мне показать все, что здесь вообще можно посмотреть.

— Это будет не так много, не рассчитывайте на чудеса, — предупредил он, подводя меня к довольно потрепанному пикапу, — у меня как раз есть немного времени, потому что знакомый, которого я встречал, не прилетел. Может быть, прилетит последним рейсом Боба Брэнди.

Мы двинулись по неожиданно хорошей асфальтированной дороге.

— Наследство американских саперов, — с готовностью сообщил Мик. — Прямая как стрела и не слишком переполнена транспортом: как видите, здесь не очень много машин.

В поле зрения была всего одна машина, и то наша.

Мик, как выяснилось из беседы, был старым айслэндером, как здесь принято называть белых людей, которые прожили в Океании много лет.

— В тысяча девятьсот сорок четвертом году тут была бойня, приятель. Наши закопали около пяти тысяч трупов, а остальные косоглазые растаяли в воздухе.

— Как это?

— Очень просто. Мы недосчитались почти четырех тысяч человек из их гарнизона. Правда, в пещерах на том берегу довольно многие из них покончили с собой, а остальные — наверное, кто на лодках, а кто влпавь — отправились на соседний остров Рота. Скорее всего они утонули. А до чего акулы были упитанные! Если хотите, можно подъехать к какой-нибудь пещере.

— Знаете, Мик, — пытался я осторожно перевести беседу на интересующую меня тему, — я уже видел достаточно военного лома на Сайпане... Вы слышали что-нибудь о колоннах?..

— А-а, latte stones. Опоздали почти на четверть века. Этих колонн больше нет. Правда, что-то там еще стоит. Если хотите — поедем. Это совсем близко. Война ведь не только эти камни перевернула. Городишко Тиниан тоже был сметен с лица земли. Теперь деревушка Сан-Хосе дослужилась до ранга столицы, и как раз там-то и стоят эти колонны.

Мы въехали в Сан-Хосе. Небольшая церквушка, почта, несколько разбросанных тут и там построек — типичная американская провинция. Городок жарится под солнцем, заливающим зноем весь остров. Мик с шиком подкатил к довольно большому зданию, сложенному из деревянных готовых блоков. Я посмотрел на часы — 12 часов пополудни. Святое время для американцев: ленч. Услужливый хозяин единственного заведения в поселке, не то японец, не то кореец, быстро приготовил нам сэндвичи, включил музыку. В помещении с охлажденным воздухом холодное пиво доставило нам невероятное удовольствие. Мы быстро справились с закуской и поехали дальше.

Я хорошо запомнил увиденную на Сайпане гравюру, изображавшую колоннаду; поэтому то, что предстало моему взору, очень опечалило меня. Из восьми колонн, которые много веков назад, вероятно, поддерживали крышу какого-то солидного здания или церемониальную платформу, уцелела только одна. Остальные лежали на земле. Четырехугольная (единственная) колонна была увенчана тяжелой капителью, сделанной в форме высокой лохани. Все вместе весило, должно быть, несколько тонн. Каким образом устанавливались такие

тяжести в давние времена? Зачем? Древняя, неизвестная цивилизация? Загадка по масштабам равная происхождению таинственных статуй острова Пасхи.

Я сделал несколько снимков и попросил Мика увековечить на пленке и меня. Затем мы направились к машине.

— Поедем к берегу. — В нем окончательно проснулся гостеприимный хозяин. — Я как-то видел там несколько углублений в виде лоханей, к которым точь-вточь подходят эти капители.

Действительно, углубления были именно такие, как говорил мой гид. Казалось, огромные верхушки колонн были вынуты отсюда, как косточки из сливы. Но если предположение Мика верно, то интересно, как это было сделано. Мы оба были никудышными археологами. Дискуссия нам ничего не дала.

— В этом месте была самая большая искусственная гавань, какую когда-либо строили на островах Тихого океана. Вот остатки волнореза, там мол для погрузки. Все хорошо продумано...

Я рассматривал причалы, протянувшиеся на много сотен метров, фундаменты огромных складов.

— Сюда заходили даже такие крупные корабли, как броненосец «Колорадо» и большие эсминцы. — Мик был так горд, словно он сам построил эту военную базу.

— А что это за маленькое суденышко на песке?

— Никакого отношения к военной базе оно не имеет. Года три назад, почти сразу после моего приезда в эту дыру, разбушевался тайфун. Судно было выброшено на берег. Если не ошибаюсь, тогда погибло два человека.

Мы снова мчались по уже знакомой мне саперной дороге, на этот раз в противоположную сторону, на другой конец острова.

Местность представляла собой пустынную, слегка холмистую равнину, простирающуюся по обе стороны дороги от одного берега до другого. Лишь в одном месте промелькнули строения какой-то фермы. Наверное, как раз здесь выращивались овощи, которые поставляли на Сайпан, о чем мне сообщил Вэл.

— Этого нельзя пропустить, — говорил мой проводник, почти как Ашман утром. — Я хочу показать место, где стоит маркер в память старта первой атомной бомбы; конечно, если я его найду — я не был там очень давно.

Я проехал через весь остров, протянувшийся кило-

метров 15 в длину, по его продольной оси, и оказался в плоской местности, где густые заросли в нескольких местах были пересечены полосами бетона шириной с автостраду. Они соединялись сетью более узких подъездных дорог. Мик пересек одну, затем другую полосу: они буквально перерезали поперек весь остров, от одного берега до другого.

— Эти взлетные полосы по пять и более тысяч футов длиной; здесь брали разбег тяжелогруженные «летающие крепости»... Подождите, я, кажется, заблудился.

Мы свернули один, потом другой раз. Бетон, полупавшийся от времени и от проросших корней деревьев, казался мне везде одинаковым. Но Мик знал, что ищет.

— Есть! — обрадовался он.

На небольшой цементированной площадке, которая 30 с лишним лет назад служила стоянкой для крупных бомбардировщиков, возвышался невзрачный столбик с металлической табличкой: «Пункт погрузки атомной бомбы». Такими словами начинался текст, сообщавший, что в этом месте на такой-то самолет такой-то авиачасти была погружена бомба, которая в 02 часа 45 минут вылетела в направлении Хиросимы.

Лаконичный текст, которым отмечено начало новой эры на нашей планете. Обычный цементный столбик, за ним пальма, куст гибискуса и огромная взлетная полоса. Здесь круглый год благоухают гибискусы, а в Японии после того трагического дня надолго перестали цвести вишневые деревья.

— Вот, кажется, и все, что я могу вам показать на острове, — с сожалением сказал Мик. — Приезжайте через год. Тут начнется новая жизнь. Вы, наверное, слышали, что Марианские острова будут выделены из подопечной территории...

Я кивнул.

— ... Весь Марианский архипелаг меняет статус и на основе содружества с Соединенными Штатами Америки будет превращен в стратегическую базу под контролем Пентагона. Недавно я прочитал, что здесь, на Тиниане, предполагается строительство базы снабжения, крупного склада различного снаряжения и учебного центра для маринес. Снова угробят кучу денег.

Мы садились в машину, когда над морем показался самолет Брэнди. Моя поездка на Тиниан подошла к концу.

В последний день моего пребывания на Сайпане безотказный Вэл пригласил меня на бокал вина в роскошный отель «Сайпан-Бич» и после торжественной прогулки вдоль западного берега острова отвез на аэродром. Современные здания аэропорта построены в стиле древних не то гавайских, не то японских хижин, в целом производивших приятное впечатление и к тому же практичных.

Оранжево-белый реактивный самолет, принадлежащий «Эйр Микронезия», уже ждал на поле. Эта машина должна была доставить меня на Яп, остров в западной части Каролинского архипелага, расположенный на расстоянии около 450 морских миль от Сайпана. Улетая со знойного аэродрома, я уносил в сердце образ столичного острова с возвышающейся над ним обрывистой Скалой самоубийц и вездесущей травой танган-танган, покрывающей сплошным ковром некогда плодородную землю.

ОСТРОВ КАМЕННЫХ ДЕНЕГ

Огромный транспарант, установленный в аэропорту скаутами, подтвердил, что я попал как раз туда, куда надо. «Приветствуем вас на Япе, острове каменных денег!» — с удовольствием прочитал я. Итак, легендарный остров здесь, под моими ногами. Однако пока что экзотики не так много. Толпа зевак, два пикапа, которые развозят приезжих в два городских отеля. Я выбрал тот, который переправил меня вместе с котомками в «Раи-Вью» — скромное пристанище на берегу большой лагуны. Я не ожидал никаких сенсаций и не ошибся. Яп считается «гористым» островом, но несколько лысых холмиков, мимо которых мы проехали, были ничем не привлекательны. Дорога тоже не слишком хороша; и лишь остов японского истребителя «Зеро», ржавеющий вблизи бывшего аэродрома, чуть будоражил воображение. По пути не видно ни хижин, ни даже пальм. Остров казался необитаемым.

Столичный поселок Колония показался минут через 10 езды. И тоже не произвел впечатления. Отовсюду видная протестантская церковь, несколько бетонных коробок, прохладные деревянные бунгало, 2 магазинчика, филиал Гавайского банка и отель на несколько номеров, где я остановился. С главной улицей городка мне довелось познакомиться позднее.

Яп — небольшой остров, вернее, как это часто бывает в Микронезии, сразу 4 острова, окруженные коралловым рифом. Территория Япа не превышает 100 квадратных километров, причем его возвышенности достигают неприступной высоты — 200 метров. В современный округ Яп, разумеется, входит множество других островов и атоллов с такими благозвучными названиями, как Улити, Элато, Волеаи, Сатаваи и др. Эти куски скал и коралловых рифов разбросаны на пространстве более 1000 километров, а общее число населения округа насчитывает около 8 тысяч человек. Из них на Япе живет

почти половина, а, например, атолл Нгулу населяют 8 жителей. Крошечный Яп гордится своей отличной от остальных островов историей: он не раз бывал предметом крупных дипломатических споров, даже с участием папы; на нем размещалась телеграфная станция; ему случилось стать ареной многих захватывающих событий.

Яп представляет собой место, где сохранились старые, добрые обычаи, которые уже, как правило, исчезли в других частях Микронезии. Это уважение к собственному прошлому воплощено на Япе, с точки зрения чужестранца, прежде всего в существовании *тху* и *бу*.

Тху — кусок хлопчатобумажной ткани в форме шали, который служит местным мужчинам и юношам одеждой. Его повязывают вокруг бедер, оставляя длинные свободные концы спереди и сзади. Эти детали местных «брюк» весело плещутся на ветру, который постоянно дует на остров с океана. Тху, опоясывающая бедра, может быть одна, но иногда надевают сразу 7 таких повязок.

Бу — не что иное, как бетель. На Япе это деликатес, которым лакомятся с грудного возраста до глубокой старости. Бетель с Япа считается лучшим на островах Тихого океана. Это тем более интересно, что бетель с Япа употребляют еще зеленым, тогда как, например, во многих регионах Юго-Восточной Азии используют зрелый. Благодаря славе японского бетеля на здешнем аэродроме можно наблюдать, как почти все вылетающие пассажиры несут с собой гигантские связки листьев бетеля.

Когда-то жители Япа употребляли бетель постоянно, совсем как американцы жевательную резинку. Современная молодежь меньше увлекается бетелем и предпочитает пиво, кока-колу и сладости. Однако мужчины более зрелого возраста все-таки не расстаются со своими плетеными из листьев корзиночками, в которых, как в огромном портсигаре, всегда можно найти вышеупомянутый бу, коралловую известь, или *вах*, а также листья бетеля *габуи*. В моих многочисленных поездках по острову мне не раз приходилось наблюдать, как жители Япа вынимали из корзиночки лист бетеля, сыпали внутрь известь, щепотку табаку, затем свертывали лист и с наслаждением вкладывали в рот. Итак, японский бетель славится повсеместно, но еще более широкую известность получил остров благодаря удивитель-

ным, похожим на мельничные жернова деньгам. Жители Япа с давних времен собирали на острове эти в буквальном смысле тяжкие деньги, твердую валюту.

Мне не терпелось посмотреть их, и тотчас по получении номера в «Раи-Вью» я помчался в ближайший японский «банк». Я совершил прелестную прогулку до деревни, расположенной в 10—15 минутах ходьбы от столичного поселка Колония. В густой пальмовой роще, вдоль тщательно вымощенной камнем дороги лежали огромные деньги — каменные «монеты» всевозможных размеров с дыркой в центре. Одни уже поросли мхом и лишайником, другие были поновее, но, казалось, обработаны не так тщательно. *Фэи* и *раи* — так называются на острове каменные деньги — имели форму круга, более толстого к центру и стесанного к краям. Небольшие камни напоминали метательные диски легкоатлетов.

В прежние времена по такой «банковской» дороге могли ходить только знатные островитяне. Зато в определенных случаях простолюдинам разрешалось появляться в общинном доме — *фалу*, где принимались важные для всей деревни решения. Фалу был построен на возвышении, сложенном из камней, с просторной площадкой вокруг дома, сплошь утыканной камнями, напоминающими европейцу надгробия. Оказывается, площадка представляла собой не что иное, как «кресла» для старейшин, а «надгробия» служили просто-напросто удобными спинками, особенно на бесконечно длинных «заседаниях».

Однако японская архитектура в целом не привела меня в восторг, особенно потому, что во многих местах здесь уже понастроили эту пакость — цементные коробки с жестяными крышами. А вот к каменным деньгам я проникся искренним и глубоким уважением, тем более что их так интересно описал в польской прессе Кубари еще 100 лет назад. Поэтому я не дал себе отдыха, пока не осмотрел все наиболее крупные «банки», в частности на островке Рулунг, где собраны самые крупные из известных раи. Там можно найти диски размером около 4 (!) метров высотой и 40 сантиметров толщиной. Все они, разумеется, *раи ни нгокол*, т.е. названы именами собственными, что значительно повышает их стоимость.

Каменные деньги неразрывно связаны с представлениями об острове Яп и всегда вызывали удивление белых людей, попадавших сюда в прошлом столетии. Да-

вайте дадим высказаться на эту тему прежде всего Кубари, который лучше других может познакомить нас с проблемой фэи. Впервые он побывал на Япе в 1870 г.

Кубари на монетном дворе

«Культура острова Яп, — писал ученый, — характеризуется обычаем строить постоянные жилища, каменные дороги и плотины, наличием регулярного земледелия, знанием гончарного искусства и варки пищи, но прежде всего *наличием средств обмена, аналогичных нашим деньгам*, не говоря уже о развитом искусстве судостроения и мореплавания, в котором более или менее преуспевают в массе своей микронезийцы.

Отправляясь на Пелау (в настоящее время Белау) в поисках денег, островитяне отбирали для путешествия самые крупные лодки, называемые *чугопин*, и ждали постоянных юго-восточных ветров. Путешествие, как правило, проходило удачно, так как расстояние составляет едва 250 миль, и лодки заходят на лежащие на пути острова Нгулу. Каждая лодка обычно сильно перегружена, так как по прибытии одна часть людей обтесывает камни, другая, благодаря обилию строительного леса, строит дополнительные лодки, необходимые для транспортировки камней. Местные жители не жалуют японских пришельцев и зачастую заставляют их оплачивать „добычу денег“ различными работами, что значительно сокращает время, нужное им для собственных целей. Часть прибывших рассеивается по окрестным коралловым островкам к югу от Белау в поисках необходимого материала и тщательно обследует хаотические, трудные для преодоления нагромождения скал. Материал, который они ищут, — это кристаллическая известь (арагонит)¹⁵. Обычно он располагается в небольших количествах в верхних твердых слоях коралловых скал и лежит почти горизонтальными прослойками, достигающими 12 дюймов толщины. Жители Япа разыскивают самые крупные и наиболее *доступные для извлечения большими плитами, из которых было бы можно вытесать диски до 6 футов в диаметре*. Поскольку у работников нет соответствующих инструментов и они поль-

¹⁵ А р а г о н и т — минерал состава Са [СО₃], кристаллизующийся в отличие от кальцита. Из арагонита состоит значительная часть жемчуга и перламутрового слоя раковин многих моллюсков.

зуются кусками старого железа и топорами, неудивительно, что работа тяжела, подвигается медленно и требует неимоверного упорства. Работник выдалбливал скалу долгими месяцами, трудясь с восхода до заката солнца и довольствуясь при этом скудным пропитанием, часто состоявшим из одних моллюсков, которые он должен был сам добывать, так как жители Белау отнюдь не оказывают гостеприимства приезжим с Япа. Лишь изредка удается предводителю экспедиции достать немного таро, которое тщательно распределялось между всеми рассеянными по окрестностям группами. Даже бетель становится огромной редкостью, и к концу работ весь состав экспедиции обнаруживает явственные признаки истощения...»

Мы видим, что Кубари в деталях знал, чем занимается местный «монетный двор», и живо описал тяжелые работы жителей Япа на чужих островах, которые они предпринимали, чтобы добыть сырье для каменных дисков и обработать их. Между тем дело не кончалось только изготовлением фэй.

«Количество дисков соответствует числу лодок, так как каждая лодка может поднять лишь определенный вес, равный либо одной большей монете, либо несколькими меньшим. Когда крупные монеты, которые станут собственностью вождя, отправившего экспедицию, уже готовы, приступают к изготовлению дисков меньшего размера, от одного до трех футов в диаметре; часть из них становится собственностью работников, так как по возвращении на Яп деньги делятся публично между членами экспедиции и семьями, заинтересованными в ней. И наконец, транспортировка этих камней весом в несколько центнеров каждый с высоты в десятки футов на берег моря, а затем погрузка в лодки требует также немалых усилий. Следует принять во внимание неровную поверхность и часто отвесную крутизну скал, где не на чем ноге опереться, чтобы признать упорство и силу япцев. Люди прокладывают и сглаживают трассу, ломают мешающие уступы, валят стоящие на пути деревья и с помощью канатов и палок спускают, валят и несут вожаделенные сокровища на собственных спинах в свои утлые челны, чтобы еще раз пройти всю меру единоборства с океаном...»

Из дальнейших сообщений Кубари следует, что стоимость фэй была высокой. Одна крупная каменная «монета» диаметром около 2 метров равнялась стоимости

большой лодки, которая для островитян — огромное достояние. Вероятно, ценность фэй определялась кроме размера трудом и опасностями при изготовлении и доставке. Любопытно, что вместо каменных дисков с дырками в центре на острове употреблялись как платежные средства полированные раковины *гау* и *яп*.

Однако больше всего ценились, несомненно, каменные деньги. Между прочим, об этом свидетельствует и тот факт, что польский ученый во время экспедиции на Корор насчитал на «монетном дворе» острова свыше 400 жителей Япа, занятых обработкой «каменных коржиков с дыркой». Эта значительная группа островитян составляла 10 процентов тогдашнего населения острова.

Трудовую жизнь островитян коренным образом изменил, а также вызвал инфляцию каменных денег белый человек по имени Дэвид Дин О'Киф. Однако, прежде чем мы займемся историей этого предприимчивого негодяя, пожалуй, стоит остановить внимание читателя на сенсационном факте наличия оборотных средств платежа на таком маленьком острове, где к тому же имела место семейная и индивидуальная автаркия. Несмотря на многочисленные исследования крупнейших ученых, до сих пор не выявлены причины, по которым именно на Япе производились эти самые необычные в мире деньги.

Благодаря работам Кубари европейской науке стало известно, что на Западных Каролинских островах деньги играли огромную роль. Здесь оплачивались деньгами все товары широкого потребления. Обычное право предписывало продавать даже собственные изделия, например лодки, и покупать таковые у соседа. Деньги употреблялись в качестве военного выкупа, как компенсация за совершенное преступление, деньгами оплачивались заклятия колдуна, погребение умерших и ряд других услуг. Деньги подносились в качестве пожертвований духам, будущей жене, плотнику или девушке. Разумеется, социальное положение вождей и других начальников определялось количеством и значимостью принадлежащих им раи.

«Царь» О'Киф

Всю иерархию ценностей на Япе, выработанную столетиями, подорвал потерпевший кораблекрушение и с трудом спасенный жителями Япа Дэвид Дин О'Киф,

американец ирландского происхождения, которому за убийство грозила виселица. В Джорджии он оставил жену, малолетнюю дочь и отправился в путешествие по морю. По воле судьбы корабль, которым он командовал, в 1871 г. разбился на рифах Япе, и он один из всех членов экипажа живым добрался до берега острова. Его выходил и вылечил от ран колдун Канифай, и О'Киф, надо признать, остался ему верным другом до конца жизни.

Пожалуй, не стоит описывать идиллическое время, которое провел белый капитан на Япе, но следует упомянуть, что, немного поправившись, на попутном корабле он добрался до Гонконга, где раздобыл суденышко, затем попал на Науру, откуда привез себе жену.

Дело в том, что О'Киф наладил самое трудное дело из всех, какие в конце XIX в. совершались на Тихом океане: он предложил свое суденышко и свои услуги для перевозки каменных денег с «монетного двора» на Япе. Вскоре фэй заполонили остров. Преобладали крупные экземпляры, самые ценные, диаметром в 2, даже в 3 метра, которые очень трудно было перевозить на утлых челнах. Островитяне работали как безумные (в настоящее время на Япе находится несколько тысяч каменных дисков), а капитан О'Киф все возил и возил каменные монеты. Разумеется, не даром. За свои услуги он требовал копры и трепангов. С количеством перевезенных камней росла и масса продуктов, которые в виде платы получал ирландец. Переправляя все это на продажу в Гонконг, бывший неудачник теперь получал баснословные прибыли. На отдельном острове поблизости от Колонии он построил себе прекрасный дом (от него теперь не осталось и следа) и жил в «тропическом раю» по-царски. Бывшей жене он посылал лишь чеки, так как все еще боялся виселицы, которая грозила ему в США.

«Его величество» счастливо прожил последние годы господства испанцев на Каролинских островах, некоторое время преуспевал при немецкой администрации, пока не вступил в конфликт с властями, которые потребовали, чтобы «царь» О'Киф поднимал на корабле не свой личный красочный флаг, а немецкий. Как известно, ирландцы упрямы. Конфликт зашел настолько далеко, что «его величество» забрал на корабль семью и в 1901 г. покинул остров. Несколькими днями позже все они погибли во время тайфуна.

Живописная личность ирландского владыки немного напоминает поляка — «Белого вождя Кинавы» (остров поблизости от Гаити) Фаустуса II — поручика Фаустина Виркуса, который, однако, не извлекал выгоды из своего положения, но, выбранный вождем, достойно правил вплоть до 1929 г., до вынужденного отречения от власти. После этого «царь» вернулся в Соединенные Штаты Америки и поселился в Бруклине. О нем не забыли. После смерти его останки были торжественно перенесены из обычной могилы на Арлингтонское кладбище.

Теперь о предприимчивом «царе» острова Яп напоминает лишь бар под названием «Оазис О'Кифа». Он находится в главном поселке острова, поблизости от административных зданий округа и «Раи-Вью». Каждый вечер здесь можно встретить много интересных людей, собрать много разнообразных сведений и узнать последние сплетни. Именно тут мне рассказали, что в 1929 г. на Япе был произведен подсчет всех раи. Оказалось, что их количество превышало 30 тысяч. В течение полувека число раи уменьшилось примерно наполовину. Так, во время второй мировой войны японцы употребляли каменные диски при постройке береговых укреплений и дорожном строительстве. Некоторые «большие деньги» намеренно уничтожались, в наказание дерзких островитян, недостаточно рьяно выполнявших распоряжения оккупантов. Значительная часть фэи попала в музеи и ... европейские банки в качестве забавных экспонатов.

Однако каменные деньги на Япе еще можно увидеть почти на каждом шагу. Огромные каменные диски стоят перед жилищами островитян как свидетельство благосостояния хозяев. Почти в каждой деревне есть свой «банк». За каменные диски еще и сейчас можно купить свинью или участок земли, однако новая валюта больше не изготавливается на Белау. Островитяне пользуются также, правда не без отвращения, бумажными долларами.

«Эрозия» древних обычаев Япа прогрессирует так быстро, как никогда раньше. Магазины завалены одеждой, продуктами, побрякушками, которые совсем не нужны островитянам, но благодаря своей новизне порождают желание обладать ими.

Натуральное хозяйство здесь давно исчезло, и жители уже не в состоянии прокормить себя. Отсюда — им-

порт продуктов питания. При отсутствии рабочих мест деньги, необходимые для этой цели, поступают в форме дотаций. Остальные средства получают благодаря занятости населения в чрезвычайно разросшемся административном аппарате. Так и течет жизнь на Япе — довольно сытно, но лениво. Никто рыболовством не занимается, ведь можно купить японские консервы, никто не выращивает кокосовые пальмы, потому что есть возможность получить не меньше денег, проводя положенное время «работы» за столом в учреждении. Так внезапно Яп в числе других островов Микронезии опутали щупальца гидры бюрократии, совершенно чуждой до недавнего времени островному обществу.

Фалу и митмит

Я основательно осмотрел Колонию, так как весь поселок легко обойти во время небольшой прогулки. Бросил взгляд на развалины старого испанского форта, на месте которого расположилась больница, немного стоял над развалинами немецкого центра связи, соединявшего некогда остров с Гуамом, Целебесом (Сулавеси) и Шанхаем, сровненного с землей артиллерийским огнем английского корабля «Минотавр» в августе 1914 г.

Война белых людей охватила и этот островной мир, как будто ему недостаточно обычных тайфунов, периодически уничтожавших имущество островитян. Так, например, одним из них в 1925 г. были снесены практически все жилища на Япе. В то время под покровительством международного права японцы перестраивали Яп и другие острова Микронезии на свой лад. Для жителей Япа это означало, между прочим, принудительные работы. И они рыли в своих зеленых холмах туннели для крупнокалиберных пушек, охраняющих порт, строили взлетные полосы для японской авиации и добывали из скудных залежей никель, предназначенный для военной машины Японии.

Это были скверные времена для островитян. Число жителей уменьшилось наполовину при самом низком показателе рождаемости и самом высоком уровне смертности во всей Микронезии.

В этой связи не без удивления отмечается второе нашествие подданных Страны цветущей вишни на ост-

рова уже в наши дни. На сей раз его осуществляют люди, нанятые на работы по расширению порта и углублению гавани. Трудолюбивые, прекрасно оснащенные техникой, японцы выполняют поставленные перед ними задачи. Что ж, им это обходится наверняка дешевле, чем американским фирмам, их предложения более выгодны, и вот они строят здесь почти то же, что теперешние заказчики-американцы разбомбили в 1944 г. Так живет микронезийский мирок.

В один прекрасный день я поднялся на небольшую возвышенность Мирмар, господствующую над главной лагуной Колонии. В старом общинном доме разместился городской музей. Старый фалу, расположенный, как водится, на каменном возвышении, представлял собой изумительную постройку. Разумеется, в ней не было ни единого гвоздя и ни единого деревянного колышка. Все балки, поддерживающие огромную крышу, искусно связаны лыком и веревками, плетеными из кокосового волокна. Постройка, безусловно, отвечала самым высоким требованиям музеев шедевров деревянного зодчества. Экспонаты, пожалуй, не столь интересны и представлены не лучшим образом: немного выцветших фотографий, несколько фэи внутри и снаружи, циновки, корзины, домашняя утварь, гребни, немного раковин каури. Однако все это косвенным образом свидетельствовало о том, как, в сущности, немного было надо человеку для вполне сносной жизни на острове Яп. Старый фалу имел еще одно огромное достоинство: в нем прохладно, несмотря на полуденный зной. Да здравствуют древние зодчие!

Рассматривая музейные «сокровища», я вдруг услышал молодые голоса, доносившиеся с тропинки. Я выглянул наружу и сразу забыл о пыльных экспонатах. По тропинке двигалась большая группа молодежи в прелестных одеждах: девушки в коротеньких или длинных юбочках из крашеной травы или волокна, с венками из ярких, свежих цветов на шее и голове, великолепно контрастирующими с шоколадным цветом лица и груди. На некоторых были надеты европейские платья, блузки и юбки. Я, естественно, с любопытством пошел следом за островитянами. Путь был недалек, все направлялись в католическую церковь на какое-то праздничное богослужение.

Я подробно заснял все торжества, не экономя пленки. Особенно меня занимали островитянки в празднич-

ных одеждах. Мои манипуляции возбудили любопытство священника. Как только он установил, что имеет дело с соотечественником новоизбранного папы, отношение ко мне сразу изменилось в лучшую сторону.

Кроме главной церкви священник отправлял службу в часовнях, разбросанных по всему острову. Я часто сопровождал его и, пока он занимался своим душепастельным делом, бродил по округе, разглядывая все, что попадалось на пути. Иногда любезный священник отдавал свой вездеход в мое полное распоряжение, и тогда я носился в одиночку по самым отдаленным уголкам общин Гилиман, Томил или Гагил. Я осмотрел американскую станцию Лорану, руины японского маяка и новые «банки» фэи. Они весьма интересны, особенно в районе Гилиман, где каменные монеты лежали в пальмовых рощах, поблизости от влажных полей таро, и были покрыты зеленой плесенью. Ведь это же остров Яп — деньги валяются здесь прямо под ногами!

Святой отец подарил мне красивую традиционную одежду микронезийцев — *лаву-лаву*, сплетенную из волокон бананового дерева и гибискуса, происходящую с атолла Улити, места, где в 1731 г. начала деятельность первая католическая миссия испанцев. К сожалению, менее чем через год выяснилось, что все члены миссии — 13 человек — убиты островитянами.

Священник показал мне также свои интереснейшие коллекции яр и гау, а также другие местные достопримечательности. И, что самое главное, рассказал много интересного об обычаях островитян. Их тут великое множество, поскольку почти каждая община, каждая деревня отмечает одни и те же праздники по-своему.

Важнейшим событием в жизни общества на Япе всегда был *митмит* — нечто вроде торжественной встречи двух деревень. Время празднования митмита обычно назначается заранее, года за два до торжества.

Хозяева митмита обычно одаривают гостей раковинами, каменными деньгами, лава-лава, а в последнее время также консервами и спиртными напитками. Встреча, конечно, сопровождается обильным угощением и танцами, которые готовятся деревенскими хореографами и танцорами в течение многих месяцев. Существует неукоснительное правило: гости, побывавшие на митмите и получившие подарки, обязаны ответить тем же, пригласив хозяев на аналогичные торжества в свою деревню. В старые времена на острове было не принято

спешить, и случалось, что ответный митмит отмечался... лет двадцать спустя. Митмитом обычно сопровождалась постройка в деревне нового фалу.

Кроме митмита на Япе существует еще три вида светских «приемов»: *мрурвол*, *мит* и *гуйвол*, причем мрурвол и мит — это более интимные приемы, которые дает одна семья, тогда как в митмите и гуйволе участвует вся деревня. Мрурвол совершается при рождении ребенка или обручении. В этих случаях приглашают родственников, которые не приносят, как это принято в Европе, а получают подарки в виде фэи на торжествах, объявленных в их честь. Мрурвол собирают и в случае смерти бедняка. Если же умерший принадлежал к богатой семье, объявляется гуйвол — поминки, на которые приходят все жители деревни. В этом случае родственники умершего обычно одаривают каждого приглашенного раковинами каури. В результате семье приходится идти на огромные расходы, и хозяева гуйвола не подают угощения. Во время этих торжеств необходимо строго соблюдать многочисленные ритуалы. Известно, что и когда танцуют на митмите, а также какие блюда приносят с собой гости, участники гуйвола. Это сложнейшие правила, недоступные европейскому разуму.

То же самое касается магии, существующей на острове веками. В служители «тайных знаний» посвящаются лишь немногие. Магию, распространенную на острове, можно разделить в основном на «белую» и «черную», и у каждой есть свои специалисты. Одни колдуют, вызывая дождь, заклинают тайфуны и отгоняют эпидемии. Только они знают, какой камень и каким образом надо перевернуть, чтобы пошел дождь, или какой веткой помахать, чтобы отогнать эпидемию. «Основные материалы» магов острова Яп — это ящерицы, листья кокосовой пальмы, крабы, камни, шипы скатов и др.

Жителям Япа известны любовная магия, приговорные зелья и другие приемы, помогающие привлечь женщину. Были у них также «специалисты» по бесплодию, называемые *дафн-гоц*. Из «специалистов» магии можно отметить магов-*трур*, несущих удачу в рыбной ловле (неплохо бы и нам занять таких), и магов-*плув*, обеспечивающих счастливое плавание. Таким образом, островитяне с Япа при некоторых расходах в деньгах-раковинах «гарантировали» себе успех почти во всех областях жизни. Мы, европейцы, находимся в значительно худшем положении,

В Европе, к огорчению мужчин зрелого возраста, появляются все новые и новые (иногда несколько в год!) и, главное, все более живые танцы. Положение на Япе в этом смысле абсолютно стабильно. Правда, здесь тоже существуют системы, стили, но всегда сохраняются четыре основных танца: танец с бамбуком, танец подвижный (на ходу), танец сидя и танец стоя. Следует добавить, что первые два танца исполняют мужчины и женщины вместе, а последние два — отдельно мужчины и отдельно женщины. Так что на Япе с этим все просто, и пожилым мужчинам не грозят мучительные вихляния всем телом на вощеном паркете. Они могут спокойно сидеть под пальмами, вспоминая прежние времена, когда настоящие мужчины еще татуировали тело.

Кстати, эта традиция, как и многие другие, была тоже строго регламентирована. Татуировать верхнюю половину тела разрешалось лишь мужчинам благородного происхождения. Татуировка — это своего рода униформа, которая с первого взгляда определяла высокий социальный статус носителя. Ноги, татуированные до самого паха, всегда одним рисунком, — знак принадлежности к воинам-специалистам междеревенских битв. Остальные виды татуировки могли украшать любого жителя острова.

Как видим, в японском микрокосме во всем был определенный порядок и жизнь островитян текла без неожиданностей, в соответствии с древними правилами, установленными на основании опыта предков. И вот этих-то людей называли «дикарями» белые негодяи, некогда рыскавшие в поисках наживы по Тихому океану.

Наступил день, и мне пришлось покинуть остров. Я явился в аэропорт, как и все другие пассажиры, с корзинкой бу для микронезийских друзей и с тенью грусти на челе. Перед самым вылетом мне сказали, что на Япе безвозвратно исчез пользующийся всеобщим уважением институт *меспил*, или девушек, которых Кубари назвал «фаворитками».

С незапамятных времен их похищали с согласия родителей, делали это очень романтично, например во время купания, и забирали в фалу, часто в соседнюю деревню. Фалу служил своеобразным мужским клубом, в котором пребывало до 20 девушек, являвшихся собственностью завсегдатаев клуба. Пребывание похищенной девушки в таком «клубе» было вполне приятным, по-

скольку ей запрещалось выполнять тяжелые сельскохозяйственные работы, которые были уделом ее ровесниц, не попавших в фалу. Меспил пользовалась уважением посетителей фалу, являлась свидетельницей их танцев и бесед, рассказов о морских путешествиях, знакомилась с приезжими с других островов. Пребывание меспил в клубе было абсолютно добровольным и могло продолжаться от нескольких месяцев до трех лет. Стаж девушки в фалу поднимал ее престиж в глазах жителей родной деревни. Меспил часто выходила замуж за одного из завсегдатаев клуба, а если возвращалась в родной дом, ее щедро одаривали ценными подарками.

Немецкая администрация максимально приблизила обычай меспил к европейским вкусам, а японцы совсем запретили деятельность меспил и татуировку тела. В последующие годы никому в голову не пришло заняться возрождением былого. Я выслушал с сочувствием историю обычая меспил от одного островитянина, который сохранил в памяти, как он выразился, «старые, добрые времена».

В роскошном отеле «Континенталь» я оказался случайно, в порядке моих туристических странствований по острову Корор. Это обернулось удачей: за стеклянными дверьми кафетерия промелькнула дородная фигура Джима Болдена, с которым я подружился еще на Япе. Он любил рассказывать любопытные истории об островах Микронезии таким новичкам, как я. Джим, кажется, был каким-то сановником в администрации подопечной территории и поэтому постоянно скитался по островам. На Япе он подробно ознакомил меня с личностью «его величества царя О'Кифа», поэтому я не без оснований полагал, что и здесь предложит мне что-нибудь «вкусненькое», и без проволочка присел к его столику.

Джим искренне обрадовался:

— Вы и сюда забрались? Прекрасно, а то здесь сегодня что-то совсем пусто, ни одной знакомой физиономии. Что ж, сойдет и европейская, — пошутил он на свой лад, несколько грубовато, и занялся уничтожением стоящей перед ним порции мороженого. Тем временем я стал осматриваться и вдруг увидел настоящее чудо: в кафетерии стояла пышная, высокая, до самого потолка, елка! Ведь наступили рождественские праздники! Деревце было целиком сделано из больших «ветвей» белого коралла, украшено шариками и ракушками. Я долго не мог отвести глаз от этой необычной елки.

— Видите, какие у нас тут чудеса морские! Поэтому, наверное, не удивитесь, что есть у нас люди, и среди них я, которые доходят до инфаркта, как подумают, что как раз здесь вскоре будет нефтяной суперпорт Океании.

— Я действительно слышал о таком проекте. Расскажите, пожалуйста, подробнее, — попросил я.

— Это настоящее свинство, — вспыхнул Джим. — Здесь, в этом дивном уголке мира, каких уже практи-

чески совсем не осталось, японцы и нефтяники США хотят построить гигантский перевалочный порт для супертанкеров, а как следующий этап — какие-то очистительные сооружения, заводы искусственных материалов и другие такие же вонючие установки. Зачем? Известно зачем. Не хотят гадить у себя, вот и подсовывают это нам, да еще рядятся в перышки, изображают добрых дядюшек. Проклятие! Завод, порт можно создать везде, но кто воссоздаст эту неповторимую природу, когда она будет уничтожена нефтью и вонюю? А она не должна, черт побери, не может погибнуть! Посмотрите туда!

Вид из огромного окна был чарующим. С высокого откоса, на котором построен отель, сквозь яркие цветы виднелась группа крошечных островков, рассыпанных по тихой воде бухточки. Они были похожи на блюда с изумрудными букетами в стиле икэбана или на плавающие в воде вазы. Снизу они подточены приливами и прибоем; при такой низкой, как сейчас, воде ряд островков выстроился на коротких известковых ножках подобно грибам с большими зелеными шляпками. Все это залито лучами уже заходящего солнца. Виднеющийся вдали маленький парус завершал высокохудожественную композицию, которой природа могла гордиться.

— Настоящая флотилия плавающих островов. К югу от Корора этих островов уйма. И все пропадет к дьяволу, как только сюда влезут нефтяники. — Чтобы успокоиться, Джимми заказал себе еще одну порцию мороженого.

Уничтожив ее, он начал подробно излагать, что я смогу, что должен и что обязан посмотреть на островах Палау. Я постарался реализовать этот список с поправкой на мои финансовые возможности.

Архипелаг Палау насчитывает около 200 островков и объединяет около 10 процентов всех островов Микронезии. Палау обладает также самым крупным по размерам массивом суши — островом Бабелтуап. Этот гигантский «материк» имеет 43 километра в длину и от 6 до 12 километров в ширину. Если учесть, что по гористому, густо поросшему лесом острову разбросано лишь несколько деревушек, придется признать, что столица архипелага — остров Корор, лежащий по соседству, хоть и меньше размерами, но во многих отношениях значительнее.

Впрочем, с тех пор как мы знаем историю этого юго-

западного уголка Микронезии, всегда складывалось так, что остров Корор играл решающую роль, и, пожалуй, не без оснований, так как расположен примерно в середине цепи этих островов, растянувшихся более чем на 200 километров и населенных в настоящее время почти 30 тысячами жителей.

Считается, что острова Палау открыл в начале XVI в. испанец Падилья, но, возможно, еще Дрейк во время его знаменитого путешествия видел часть архипелага. Первое подробное и правдоподобное сообщение об этих островах стало известно в Европе лишь во второй половине XVIII в. после крушения английского парусника «Антилопа». Это была история, которая разошлась по всему тогдашнему миру и в особенности расстрогала британцев. В конечном счете героем ее стал один юный микронезиец, который оказался исторической личностью.

Трогательная история юного Либу

В XVIII в. в Европе погибло от черной оспы 60 миллионов европейцев и один житель Микронезии. Либу, сын правителя острова Корор, расположенного в архипелаге Палау, называвшегося прежде Пелеу, умер в Лондоне в декабре 1784 г. А вот «любопытная и трогательная история» юного Либу, которая впервые вышла из печати в 1788 г., в течение десятков лет многократно переиздавалась и стала бестселлером целых двух столетий.

Все началось в августе 1783 г., когда английский парусник «Антилопа» под командованием капитана Генри Уилсона разбился на рифах неподалеку от небольшого островка Аулонг, входящего в группу островов Палау и находившегося под непосредственной властью правителя острова Корор. Однако капитан не пал духом и с экипажем из 33 человек тут же после катастрофы приступил к постройке меньшего судна из останков погибшего корабля, употребив на строительство местный лес. Работа продолжалась 4 месяца и дала желаемые результаты, а тем временем капитан Уилсон снискал дружбу и симпатию правителя главного острова в архипелаге Корор. Англичанин оказал помощь властителю по имени Ибедул при сведении счетов с соседями: одолжил ему часть экипажа и огнестрельное оружие.

В середине ноября 1783 г., когда до отплытия домо-рошенного суденышка, которое получило название «Ороолонг», оставалось всего несколько часов, на его борту появился еще один пассажир — Либу (Уилсон записал его как Lee Boo), сын правителя Ибедула, который, следуя приказу отца, отправился в страну белого человека. По словам Уилсона, это красивый, хорошо сложенный юноша 16—18 лет. Как и все его ровесники-островитяне, он был прекрасным охотником, умел отлично метать копьё и, кроме того, как признавал капитан, обладал незаурядным умом и чувством юмора. Либу оказался исторической личностью на борту «Ороолонга» — первым микронезийцем, отправлявшимся в Европу.

Зачем отец послал Либу в путешествие, разумеется, точно неизвестно, однако можно предполагать, что в голове у вождя сложилась некая комбинация. Ему, вероятно, представлялось, что Либу по возвращении не только привезет богатые дары, но и станет всемогущим колдуном, а это укрепить власть Ибедула и его семьи. Видимо, поэтому владыка Корора послал своего младшего сына в Европу, так как старший ему был нужен на острове; похоже, отец делал в этой игре на Либу довольно высокую ставку.

Отец любил своего младшего сына. Из записей Уилсона известно, что Ибедул возложил на капитана всю полноту родительской власти и взял обязательство ухаживать за Либу в случае его болезни. Ибедул приставил к сыну малайца по имени Боям, жителя острова, чтобы тот прислуживал юноше. Малаец исполнял также роль переводчика, так как сначала Либу говорил лишь на родном языке, а корабельный переводчик знал малайский.

Состоялась прощальная церемония и визит вождя на судно. Затем суденышко Уилсона было проведено через рифовый барьер, который погубил «Антилопу», и легло курсом на Макао. Либу занял место одного из англичан, решившего остаться на острове. Несколько дней спустя Либу переоделся в европейское платье, тем более что стало прохладнее. Вскоре он заболел морской болезнью. В эти дни Уилсон записал в журнале, что юноша мылся по 3 раза в день, что приводило в изумление всю команду. В пути Либу прилежно изучал английский язык. 30 ноября «Ороолонг» вошел в португальский порт Макао. Здесь капитан продал свое суденыш-

ко-спаситель за 700 испанских долларов, расплатился с экипажем, уведомил своего судовладельца, Ост-Индскую компанию, о гибели «Антилопы» и вместе с Либу отправился на Британские острова.

Первая остановка пришлась на Кантон. Здесь Либу впервые увидел себя во весь рост в зеркале и с этих пор очень полюбил это занятие. Естественно, пребывание в Кантоне стало для него великим событием. Его интересовало здесь все: китайские дети, английские леди, животные, особенно лошади. После осмотра конюшни, куда отвел его капитан Уилсон, он сразу же решил, что лошади очень пригодились бы на Короре, так как помогли бы отцу в борьбе с врагами. Однажды во время прогулки Либу увидел сильно пьяного матроса; когда ему объяснили, что это результат действия алкогольных напитков, он проникся к ним отвращением и навсегда от них отказался, даже не попробовав, что чрезвычайно обрадовало его приемного отца, который тоже предпочитал алкоголю чай.

Из Кантона Либу направился навстречу своей судьбе на борту судна Ост-Индской компании под названием «Морсе». Это было приятное плавание, при хорошей погоде. Микронезийский юный вождь сумел за это время добиться новых успехов в изучении английского языка. Наконец 14 июля 1784 г. в Портсмуте Либу ступил на английскую землю. Огромное впечатление произвела на него поездка в дилижансе в пригородный (в то время) поселок Ротерхис, где находился дом капитана Уилсона на Парадайз-Роуд, 20.

Мальчик завоевал большую симпатию миссис Уилсон. Она завела для него строгий распорядок дня, учила хорошим манерам. Терпеливая женщина объясняла ему, что не следует отдиравать обивку со стульев, рисовать ножом на столе красного дерева, а также показывала, как пользоваться ножом и вилок. Либу называл добрую женщину матерью, и она была этому рада.

Прогулки по Лондону, разумеется, производили на Либу огромное впечатление и давали большие возможности для наблюдений капитану Уилсону, который внимательно следил за реакциями приемного сына на окружающую действительность. Так, сообразительный юноша сразу же заметил классовое расслоение среди лондонских жителей, охотно подавал милостыню из своих карманных денег, однако никогда — молодым нищим; он пытался поддерживать материально лишь стариков,

По праздникам Либу со своими опекунами отправлялся гулять в парк Сент-Джеймс, где по субботам бывал «весь Лондон», а также посещал воскресную службу в соседнем храме святой Марии. Уилсон отмечал, что микронезиец с большим вниманием слушал непонятные ему проповеди священника и «никогда не зевал». Либу был также свидетелем первого, следовательно, исторического полета воздушного шара в Лондоне, совершенного итальянским аэронавтом Луарди. Это событие не произвело на него сильного впечатления.

— Зачем человеку летать, как птице? — спрашивал он с удивлением.

В доме Уилсонов Либу встретился с писателем Джорджем Китом, который позднее стал биографом микронезийца и автором будущего бестселлера об островах Палау. Либу снискал его симпатию благодаря «врожденному уму и манере держаться с достоинством».

В декабре 1784 г. в дом на Парадайз-Роуд пришла черная оспа. По недосмотру капитана Либу не была вовремя сделана прививка, и он пал жертвой болезни. В те времена лечение страшной болезни ограничивалось теплыми ваннами и обертыванием. Либу страдал молча. Однажды он встал и увидел свое отражение в большом зеркале. Оттуда на него смотрело изменившееся лицо. Все тело было покрыто струпьями. Тогда Либу спокойно сообщил, что скоро умрет, и попросил передать отцу: он сделал все, чтобы побороть болезнь. Либу очень сожалел, что он не сможет рассказать о своих приключениях родителю и передать те знания, которые получил в Лондоне. Вскоре после этого сын далеких островов скончался, как сказал лечивший его врач, «со стоическим спокойствием». Он оставил после себя в доме Уилсонов глубокую печаль и... коллекцию косточек от фруктов, которые ел в Лондоне. Он собирался отвезти их на Корор.

С той минуты в воображении Джорджа Кита начинает формироваться образ Либу — «благородного туземца». И 4 года спустя в Лондоне вышла в свет книга о нем. Сразу же она была переведена на другие европейские языки. Эта книга — классический пример приключенческой литературы о путешествиях XVIII в. В ней рассказывалось о крушении «Антилопы» и судьбе юного микронезийского вождя. Вот ее полное название: «An Account of the Pelew Islands Situated in the Wes-

tern Part of the Pacific Ocean, Composed from the Journals of Captain Henry Wilson and Some of His Officers Who, in August, 1783, where Thare Shipwrecked in the „Antelope”».

Эту книгу взяла с собой экспедиция из двух кораблей, «Пантер» и «Эндовер», направившаяся в 1791 г. к островам Корор, для того чтобы по желанию руководства Ост-Индской компании сообщить Ибедулу о судьбе и гибели его сына. Экспедицией командовал шотландец Джон Мак Клер. Он и передал отцу печальную весть о смерти Либу. Отец не был поражен. Как выяснилось из последующей беседы, он знал о кончине сына со слов деревенского колдуна и считал, что тот погиб еще раньше, по дороге в Лондон.

Несколькими днями позже наступил главный момент пребывания экспедиции Мак Клера на островах Палау: с соблюдением соответствующего церемониала от имени покойного сына капитан вручил Ибедулу богатые дары в виде различных орудий и других полезных предметов, которые вызвали восторг островитян. Но в истинный экстаз привели жителей Палау животные, доставленные на корабле. Привезенные дары для них были настоящим сокровищем. В этом смысле поездка Либу, который уже несколько лет покоился на лондонском кладбище, оказалась ненапрасной.

Спустя несколько десятков лет один из приезжих белых случайно нашел на Палау в каком-то старом сундуке книгу Кита, вероятно ту самую, которую привез Ибедулу Мак Клер. Томик оказался сильно попорчен временем и белыми муравьями. Однако до сих пор память о славном Либу жива, ведь даже после своей смерти он сумел принести своему племени на островах Палау дары.

Памятные доски

Я бродил по Корору, разыскивая следы прежних дней, но так и не нашел их. Как и во многих других местах Микронезии, «военный тайфун» все смел, а теперешняя администрация воздвигла на этих местах такие «интересные» объекты, как новехонький суперсам, два филиала банков и бетонированная набережная. Корор — небольшой остров, а сам поселок не оставляет буквально никакого впечатления; такой городок мог бы существовать в любом месте умеренного пояса.

Все еще пытаюсь отыскать следы минувших времён, я отправился со случайным знакомым, водителем машины, в здешний морской порт Малакал. Современные механизмы, бетонные покрытия, контейнеры. Примерно сто лет назад здесь жил Кубари. Я вступил в беседу с береговым боцманом, и вдруг меня словно током ударило слово «Кочановски». Так и есть. Оказывается, польские океанические линии добрались и сюда. Примерно за полгода до моего приезда в Малакал здесь бросило якорь фрахтовое судно «Кочановски», которое доставило какие-то товары в рамках поставок на только что открытой линии Южной Океании.

— Это самый крупный корабль, который зашел сюда за всю историю острова, — с гордостью заявил разговорчивый боцман.

Несколько воспрянув духом, я вернулся в город. Пока в него можно попасть только на пароме, но уже заканчивается строительство моста, который заменит неудобную переправу. Поблизости находится любопытный бар, расположенный в известковом гроте. Я уверен, что хотя бы часть наших замечательных моряков посетила его и, так же как и я, отведала фирменный коктейль под названием «Пещерный сок».

Этот напиток навел меня на блестящую мысль, что прошлое должно быть «законсервировано» в музее. Небольшая прогулка привела меня к зданию, в котором я без труда узнал знаменитый палауский *абай* («общинный дом»). Разумеется, это реконструкция, но она была сделана по лучшим образцам древнего строительного искусства. Самая интересная деталь постройки — высокий шипец крыши, состоящий из положенных горизонтально досок, на которых изображены какие-то сцены, скорее всего из жизни древних островитян.

Профессиональным взглядом свежеепеченного специалиста по деревянным постройкам на Япе я сравнивал абай на Палау с уже знакомым мне фалу. Сходство большое, особенно в способе связки балок и обшивки крыши. Основное различие состояло в том, что абай строится не на каменном фундаменте, а на толстых бревнах. Специфика здешней постройки — доски с пиктограммами, которых не встретишь на остальных островах Микронезии.

Я решил узнать об этом поточнее в Музее островов Палау, расположенном возле абай. Снова представившись земляком Кубари, я встретил большой интерес и

доброжелательство со стороны директора музея, изящной мисс Мэри Косолеи, которая уделила мне много времени и лично показала всю экспозицию. Снова предметы домашнего обихода, украшения, фотографии — и почти ничего о Кубари. Я упрекнул директора в этом пробеле. Далее она обратила мое внимание на разукрашенные «памятные доски». Пространная лекция мисс Мэри Косолеи полностью прояснила обстановку. Оказывается, с незапамятных времен местные жители увековечивали на этих досках важнейшие события в жизни островов Палау, а также старинные легенды и мифы. Таким образом, безымянные художники создавали нечто вроде исторической хроники для последующих поколений. Мисс Косолеи объяснила содержание большого числа старых «памятных досок», хранящихся в музее, а новые я прочитал сам. Так, из одной я узнал о бомбардировке островов американскими самолетами, из другой — о строительстве прекрасного моста, который впервые соединил самый большой остров Микронезии Бабелтуап с Корором. Но я никак не мог понять смысла рисунка на одной из досок, так как он изображал крокодила на операционном столе!

— Вам необходимо запомнить, — объяснила мне директор Музея островов Палау, — что во всей Микронезии лишь здесь, у нас, водятся крокодилы, и даже целых два вида. Один эндемичный или завезенный в древнейшие времена, другой — так называемый новогвинейский, попавший сюда во время японского владычества. Крокодилы время от времени нападают на местных рыбаков. Их у нас называют «иус эр а Белау». В 1965 г. как раз такой иус напал на рыбака, ночью ловившего рыбу в лагуне.

— Ночью?! — удивился я.

— Конечно. Местные рыбаки ночью, на мелководье, с копьем «охотятся» на рыб, — сказала мисс Мэри Косолеи. — На следующий день, — продолжала директор, — на коралловом песке пляжа обнаружили тело несчастного рыбака с оторванной рукой. Началась охота на крокодила-убийцу. Для этого соорудили клетку с приманкой — точно такую, какую вы видите на доске.

Действительно, здесь была изображена ярко раскрашенная бамбуковая клетка, а в ней словно живая сидела собака. У крокодила пасть была раскрыта.

— Когда клетку доставили на Корор, встал вопрос о подтверждении виновности, — продолжала комменти-

ровать события и рисунок директор. — Думали-думали и решили... сделать рентген пойманному крокодилу, чтобы установить, виновен он в смерти рыбака или нет.

— Наверное, это был первый крокодил в мире, которому в больнице с почестями делали рентген, — сказал я.

— Вероятно. Но мысль оказалась правильной. Было точно установлено, что в желудке животного находится человеческая рука, значит, поймали действительно крокодила-убийцу.

— Надеюсь, он не предстал перед судом? — пошутил я.

— Нет, до этого дело не дошло, — рассмеялась мисс Мэри, — но и без того была страшная суматоха: выдвинули предложение не убивать крокодила, а продать где-нибудь на континенте в цирк, деньги от продажи, несколько тысяч долларов, передать семье погибшего рыбака.

— Пожалуй, в этом есть смысл, — согласился я.

— Но прежде чем его продали, кто-то дал крокодилу ночью отраву и погубил животное, — продолжала директор.

— Месть членов семьи?

— Скорее всего. Но крокодил-убийца все-таки покинул наши острова, так как его отправили в Институт Смита, где он оказался под стеклянным колпаком.

Я наклонился над доской, и, хотя она оказалась довольно длинной, окончание истории иус эр а Белау на ней не было отражено. Последняя пиктограмма изображала операционный стол, на котором лежал крокодил, лампу и двух склонившихся над ним врачей.

Насладившись памятными досками, я бесцеремонно продолжал пользоваться добротой мисс Мэри. Благодаря ей я осмотрел богатую коллекцию фотографий того периода, когда островами Палау владели японцы. Без колебаний заявляю, что, судя по фотографиям, остров Корор выглядел благополучнее, чем сейчас. Здесь ходили автобусы, а улицы содержались в чистоте. Были построены большая радиомачта и рыбацкий порт. Уютные дома, обсаженные деревьями улицы — все говорило в пользу прежней столицы Микронезии. Другие снимки показывали действующую шахту фосфатов на острове Ангуар (в южной части архипелага), а также консервную фабрику по обработке ананасов и ферму, где искусственно выращивали жемчуг,

— Сейчас от ананасов не осталось и следа, рыболовство не идет ни в какое сравнение с тем, что было, фосфатов тоже не добывают, — услышал я от мисс Мэри. — Теперь деньги поступают от администрации и... туристов. Экономическая активность ничтожна, но мы живем в достатке.

И здесь положение, типичное для всей Микронезии. Хорошо развитое здравоохранение, система образования, но ни сельское хозяйство, ни рыболовство не имеют никаких шансов на развитие.

Когда я прощался с директором музея, она неожиданно сразила меня таким вопросом:

— А вы знаете, что в настоящее время у нас на острове есть несколько человек, которых зовут Кубари?

Я был настолько поражен, что замолчал и стал ждать дальнейших разъяснений.

— Да, да, фамилия Кубари употребляется у нас в качестве... женского имени. Надо сказать, что у нас на островах вообще встречается много удивительных имен. Попадают и мужчины и женщины с именами: «Случай», «Радио», «Папироза». Иногда эти странные имена состоят из словосочетаний, например «Может Быть», «Люби Меня», или наречия «Осторожно». Чаще всего это английские слова. А теперь мне пора идти. До свидания, мистер, благодарю за посещение нашего музея.

Симпатичная директор музея исчезла в конторе, а я, направляясь к выходу, начал составлять разные комбинации имен по-польски типа «Чайник Ковальски», «Поцелуй Меня, Малиновски», или, наконец, «Жаба проклятая (двойное имя) Зеленьска».

Кубари на Палау

Почти 100 лет спустя после Уилсона на острова Палау прибыл одинокий поляк, состоящий на службе у немцев. Об этом событии выдающийся немецкий этнограф Августин Кремер в своей обширной монографии, касающейся этих островов, писал: «Это был 1871 г., год приезда Кубари в Микронезию, который стал вехой в истории острова».

Действительно, как утверждают биографы Кубари, на Палау приходится «самый светлый период деятельности Кубари». На этих островах Яном Кубари написаны его самые выдающиеся работы, здесь он собрал

Я. Кубари в период работы на островах Океании

Медаль, выпущенная в честь Я. Кубари
обществом международных связей «Полония»
(худ. Мечислав Хойнацки)

Планшетка, установленная на цоколе памятника Я. Кубари
на Понапе (худ. Мечислав Хойнацки)

Князь Ли Бу
с острова Корор

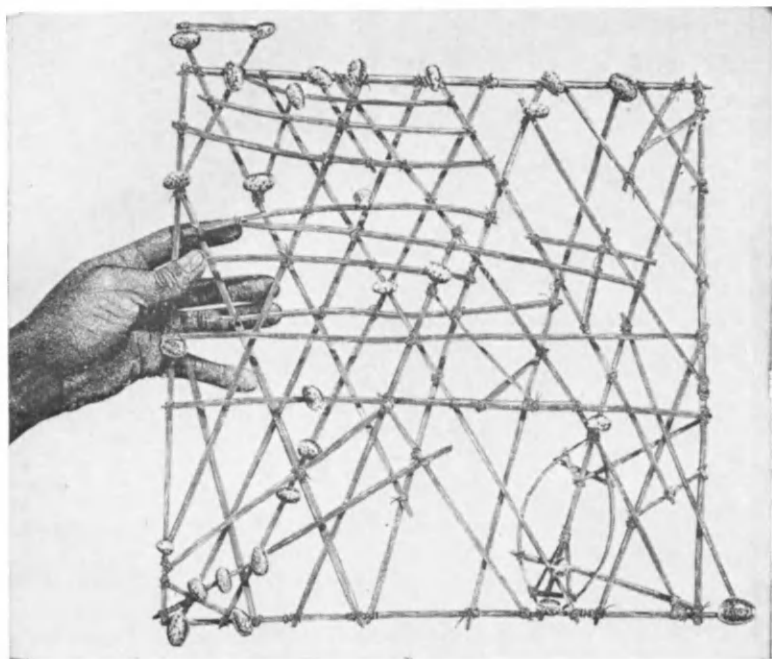
Так выглядела
ныне несуществующая
древняя колоннада

Географическая
«карта» из палочек
(Маршалловы острова)

Эниветок —
ракетный полигон
Маршалловых
островов

Отсюда стартовал
на Хиросиму самолет
с первой атомной
бомбой на борту

Остров Гуам.
Кладбище
американских солдат,
павших в боях
во время второй
мировой войны

Аэровокзал на Гуаме

Гуам.
Японская пушка
времен второй
мировой войны

Отели на Гуаме
славятся отличным
обслуживанием
туристов

Сайпан.
Административное здание
на Капитолийском холме

Сайпан.
Напоминание
о страшной войне

Укрепление,
построенное
на Сайпане в скале,
во время второй
мировой войны,
стало братской могилой

Сайпан.
Скала самоубийц

В наши дни
островитяне
уже не носят
традиционную одежду

Микронезийская красавица

Сайпан. Здание современного аэровокзала

Тиниан. Древние сооружения островитян,
разрушенные артиллерией во время второй мировой войны
Последняя дошедшая до наших дней
древняя загадочная колоннада на Тиниане

Житель Япа с неизменной корзиночкой для бетеля на фоне «фэй»

Так «украшает» остров Яп цивилизация

Дети в традиционных тху

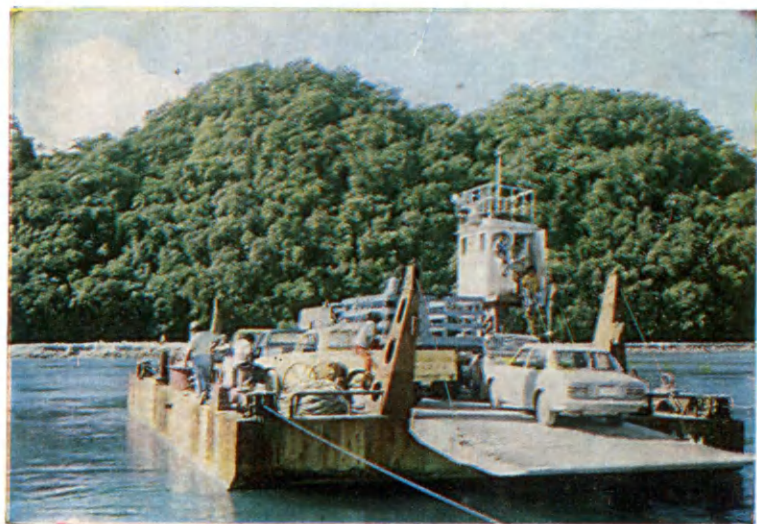

Вид из окна
отеля «Континенталь»

Остров Корор.
Городской пейзаж

Переправа на пароме
на Малакал

У островов,
окруженных
кольцом рифов,
особое очарование

Следы
второй мировой
войны на Трук

Деревушка
на острове Мозн

Церковь
св. Ксаверия —
бывший центр
связи
японской армии

Военный
транспортный
самолет
на маленьком
острове Трук

Вид на знаменитый остров Йокай

На Понапе везде вас окружает буйная растительность

Колокольня старой разрушенной церкви

Пенсл на развалинах Нан-Мадола

Автор среди развалин Нан-Мадола

Современное здание
почты в Колонии

Дерево пандануса —
в прошлом
одна из основных
культур Океании

обширный научный материал и больше всего экспонатов для своих работодателей, наконец, тут во время очередного пребывания на острове (в июле 1883 г.) родилась его дочь Изабелла. Немаловажное значение имеет и тот факт, что именно на островах Палау, как мы уже писали, Кубари был возведен в ранг рупака — «правителя острова», или «великого вождя».

Однако с самого начала своего пребывания на острове Кубари встретил затруднения. Местные жители приняли его холодно, и хотя позволили ему поселиться в местном «Хилтоне», т. е. в длинном доме общины, предназначенном для мужчин и почетных гостей, но наш путешественник чувствовал себя там неуверенно и первую ночь проспал, держа палец на взведенном курке. Жители острова Корор, исходя из прежнего опыта контактов с белыми, старались заручиться помощью приезжего в их счетах с соседями и в войнах и в то же время назойливо домогались всякого рода подарков, которые старались выудить в пропорциях, абсолютно не соответствовавших услугам, которые оказывали коллекционеру. Однако Кубари, к тому времени уже опытный исследователь, за какие-нибудь 20 дней сумел организовать экспедицию на север, которая имела целью исследование восточного побережья острова Бабелтуап. Его сопровождали вооруженные жители Корора, которые как в этой экспедиции, так и в последующих старались изолировать Кубари от аборигенов других деревень, расценивая белого как могущественного потенциально-го союзника в политической игре.

Кубари решил перенести свою стоянку на соседний остров Малакал. Однако, прежде чем это сделать, он произнес воинственную речь, в которой, между прочим, сказал:

— Время подарков кончилось. Даром не дам ни крошки. Тех, кто попытается применить ко мне силу, буду считать своими врагами. Пороха и пуль у меня достаточно, так что я никого не боюсь. Если хотите поступить со мной как с капитаном Чейном, которого убили, то приходите. С этой минуты я запрещаю всем жителям Корора высаживаться на Малакале, если у них нет ничего для меня полезного. Ни одна лодка не должна приближаться к берегам острова ночью. Но с каждым, кто захочет со мной дружить, я стану дружить.

Так Кубари прожил некоторое время в стороне от

островной жизни и конфликтов, приводивших к братоубийственным войнам. Положение изменилось, когда на Палау вспыхнула эпидемия гриппа, которую, вероятно, завезло на остров судно «Сусанна», находящееся на службе «Дома Годафруа», то самое, которое доставило для Кубари продукты и снаряжение. Эпидемия достигла значительной силы, и многие островитяне лишились жизни. Инфекция не пощадила и вождей. С походной аптечкой Кубари поспешил на помощь местным жителям, и ему удалось многим спасти жизнь. В результате такой деятельности его авторитет сильно возрос. Кубари был возведен в уже упомянутое звание рупака и в качестве дара получил так называемый *барак*, т. е. местные деньги. Теперь наш исследователь мог спокойно и, главное, плодотворно работать. На лодке он совершил много интересных экспедиций, добрался до острова Пелениу, который приобрел столь печальную известность во время второй мировой войны. Кубари нашел также доброжелательных и дружественных островитян, жителей деревни Молегоиок (в настоящее время Мелекеиок), представлявших собой в те времена отдельное племя. Нашего исследователя приняли там необычайно приветливо, с большим почетом.

«Прием, оказанный мне, — писал Кубари, — привел меня в смущение: ни один из вождей не смел громко говорить в моем присутствии, а достойные белобородые старцы издали кланялись мне в пояс. Меня ожидали с большим почтением, и мне не приходилось ни к чему прикладывать рук. Когда наступило время трапезы, верховный вождь Иракеи изрек, что вся пища принадлежит мне, и я по обычаю ответил, что она должна быть разделена между вождями. В соответствии с высоким рангом верховному вождю запрещается есть или пить из посуды, принадлежащей другим, и, в свою очередь, никто не смеет пользоваться его посудой. Тем временем великий вождь с большим почтением обменялся со мной прибором и пил из моего кубка, а мне оказал честь личной скорлупой кокосового ореха. Прием продолжался до поздней ночи, каждый вождь произнес речь, и все были серьезны, искренни и дружественны; в окружении этих „каннибалов“ и „отравителей“, как пытались представить их жители Корора, я был более счастлив, чем когда-либо на острове Корор. Так, как тот день, выглядели и все остальные с момента нашего прибытия..»

Как видно из этих записей, Молегоиок оказался для

Кубари местом, где он чувствовал себя великолепно и где нашел людей хотя и примитивных, но обладающих врожденным благородством. И на прощание снова великий вождь преподнес ему настоящее сокровище — 4 тысячи (!) корней таро, а это было по тем временам целое состояние. Весть об этом неслыханном дарё с быстротой молнии облетела острова Палау, приводя жителей всего архипелага в благоговейное изумление.

После более чем двухлетнего пребывания на острове, в мае 1873 г., Кубари покинул его, чтобы снова вернуться на Понапе. Он увез бесценные записи, коллекции, а также великолепно составленную карту, которая потом была опубликована в Гамбурге, вызывая удивление редкой по тем временам точностью и скрупулезностью записей местных названий.

Следующее, почти двухлетнее пребывание Кубари на островах Палау в 1882—1884 гг. — также весьма плодотворный в научном отношении период в жизни исследователя. Но теперь Кубари работал уже по инерции, к тому времени он потерял место, не имел денег, жил прежними заслугами в большом доме поблизости от резиденции великого вождя Иракеиа. Исследователь, отрезанный от всего мира, вместе с семьей влачил жалкое существование. Он был лишен книг и необходимых вещей. Однако благодаря расположению жителей острова он продолжал свои научные исследования. Из-под его пера выходят многие работы, и написаны они были твердым, ровным почерком.

Пелену

По совету Джима Болдена я решил отправиться на юг, на остров Пелену. Я знал, что там бывал капитан Уилсон и во время второй мировой войны десантные отряды американцев получили там взбучку от японцев. Однако более всего соблазнил меня на эту поездку отрывок, который я прочел в дневнике Кубари, где тот так описывал свое пребывание на острове Пелену:

«Тем временем вождь уже узнал о нашем прибытии, и тотчас принесли огромный бук — „деревянный сосуд местной работы“, — красиво отделанный перламутром, наполненный питьем, предназначенным для моих людей. Этот напиток называется „обулок“ или „аиланг“, и делается он из воды и сиропа, приготовленного из сока

надрезанного цветка кокосовой пальмы. Это единственный известный здесь напиток, который играет главную роль на всех приемах и тому подобных торжествах.

Для меня вождь прислал маленький, очень красивый сосуд, а мой аиланг был подогрет и приправлен цветами и листьями апельсинов и лаванды.

Вскоре после этого нам было прислано большое количество деревянных мисок, полных таро, рыбы и птицы. Признаюсь, транспорт понравился мне больше, чем сами блюда, — длинная вереница дочерей острова при свете факелов медленно двигалась к месту, где я сидел на полу со скрещенными ногами. У каждой из них на голове, которую украшала сложная фантастическая прическа из волос цвета воронова крыла, стояла миска, время от времени придерживаемая точеной ручкой, обнаженной, блестящей, покрытой тонким рисунком татуировки. А глаза, эти черные глаза — черные алмазы в перламутровой оправе, эти груди, доступные взору, эта гармония, миниатюрность, округлость всех форм, словно заимствованных у Венеры...»¹⁶.

Мне захотелось посмотреть, есть ли действительно еще на Пелену «эти груди, доступные взору, эта гармония, миниатюрность, округлость всех форм...» Поэтому с несколькими туристами я сел в моторную лодку, которая за два часа должна была доставить нас на знаменитый остров. Перед отплытием местный лодочник все поглядывал на небо и бормотал что-то о плохой погоде, но, как видно, желание заработать восторжествовало, и мы тронулись в путь.

Скорость была большой, поездка приятной. Полчаса спустя мы оказались среди россыпи островков в районе Тоиклемадаола. Там я мог вблизи наблюдать прекрасные творения природы, подобные тем, которые показывал мне Болден из окна «Континенталья». Бесчисленные клумбы зелени, выступающие из воды на известковых ножках, на малом расстоянии были, пожалуй, не столь декоративны, зато идеально прозрачная вода позволяла рассмотреть все разнообразие подводного мира. Это была настоящая оргия красок и форм, поэзия композиций кораллов и актиний, рыб и других морских организмов. Подводный мир островов Палау живо напомнил мне Большой Барьерный риф. Теперь я не удивлялся, что Джим вскипал при одной только мысли, что

¹⁶ Wędrowiec. № 152, 1852.

кому-то захотелось построить здесь нефтяной порт. Нефть немедленно уничтожила бы эти чудеса.

Залюбовавшись сказочной картиной, я не обратил внимания на то, что небо приобрело совсем другой оттенок голубизны и влажный воздух пронизала не то дымка, не то странно поляризованный блеск солнца. Наш лодочник беспокойно завертелся и, как мне показалось, в нерешительности стал поворачивать руль моторки то в одну, то в другую сторону. На коричневом лице островитянина выступили капельки пота.

— Ветер большой, ветер, он идет, — проговорил он, не переставая маневрировать среди плавающих «садов». Через несколько минут он, как видно, принял решение и уже не колеблясь повернул руль. Мы возвращались на Корор.

— Плохо, очень плохо на такая маленькая лодка, — объяснил он.

Ни я, ни семеро остальных туристов ничего не возразили. Капитан всегда прав.

И это было к лучшему. Когда мы уже почти подплыли к берегу, небо вдруг покрылось тучами, ветер усилился. Правда, это был не тайфун, какие описываются в книгах Дж. Лондона, но, когда я возвращался в отель, вокруг меня носились оторванные ветки и сучья деревьев, гнущихся под напором ветра.

В XVIII в. капитан Уилсон и его матросы своими мушкетами поддержали на Пелеуи воинов правителя Ибедула в борьбе за власть на островах Палау. 200 лет спустя на том же острове разыгрались события, которые стали частью борьбы за обладание Тихим океаном, его островами и прилегающими материками. Японцы, наученные в боях за Иво Джима, взяли на изготовку свои «мушкеты», американцы — свои. О фортификации и обороне японцев почти ничего не было известно, так как острова умышленно полностью изолировали от мира. Воздушная разведка оказалась недостаточной. Однако наступление было назначено на 15 августа 1944 г. Два дня продолжался артобстрел Пелеуи из морских орудий, а затем началась высадка морской пехоты.

Наступление было тщательно подготовлено. Всем казалось, что оно пройдет без особых осложнений. Группа адмиралов и других представителей высшего командования Америки собиралась наблюдать за вторжением на этот маленький остров. Оно рисовалось им легкими маневрами, прогулкой к острову.

В назначенный час загрохотали орудия линкоров, слышались разрывы бомб, сброшенных с самолетов, доставленных авианосцами. Клубы пыли, пламя взрывов и дым закрыли маленький клочок суши. На нем находилось около 5500 японских солдат под командованием полковника Накагавы и большое количество вспомогательных войск.

Пелеу был хорошо подготовлен к обороне. После вторжения на Иво Джима японцы научились наносить большой ущерб десантным войскам. Береговые заграждения сыграли свою роль, но наиболее опасную преграду представляли бункеры, глубоко врытые в коралловый песок и покрытые бетоном. Кроме того, соответственно подготовленные пещеры в коралловых скалах были отлично оснащены оружием, боеприпасами и провiantом, в особенности те, что находятся в небольшой горной цепи Умурброгол.

Баржи и амфибии двинулись в бой. С американской стороны наступление развивалось по обычной схеме. Дождавшись второй волны высадки, японцы открыли по берегу шквальный огонь из хорошо укрытых огневых точек, в том числе из пещер Умурброгол. Контратаки японцев не дали возможности американцам укрепиться на запланированной штабом позиции для ведения боя на следующий день. Потери оказались тяжелыми. Только в начале боя было убито 210 американских солдат и свыше 900 раненых отправлено в тыл.

Новые отряды, посланные на берег в сумерки, попали под шквальный минометный огонь и вынуждены были возвратиться на свои суда. Однако ночная тьма и отсутствие компасов на средствах доставки десанта привели к тому, что многие лодки до самого утра оставались в море в районе боев. Эта ночь оказалась нелегкой и для тех отрядов американских войск, которые остались на острове. Небольшие группы японцев постоянно тревожили американцев, которые время от времени просили осветить местность прожекторами с эсминца «Гонолулу». Кораблю приходилось также поддерживать их огнем из орудий.

В результате бои продолжались больше недели, прежде чем американцы захватили аэродром на Пелеу и отремонтировали его. Цена за эту операцию была немалой: японцы уничтожили около 4 тысяч американских солдат.

Однако Пелеу целиком не был оккупирован, так же

как крупный остров Бабелтуап, где свыше 25 тысяч японских войск были отрезаны от своих в результате преобладания американцев на воде и в воздухе. Эти войска сдались только после капитуляции в 1945 г. Зато на Пелеиу американцам пришлось в течение многих недель атаковать пещеры с замысловатой сетью ходов сообщения в горах Умурброгол. Они применяли огнеметы и замуровывали входы в пещеры. Однако хорошо вооруженные японцы не собирались капитулировать. Как выяснилось позднее, в одной из наиболее крупных пещер скрывалось более 1000 солдат. Эти люди еще в декабре уничтожили большое число американцев, которые отправились в пещеры на поиски военных сувениров. Организованная оборона прекратилась в конце ноября, когда полковник Накагава совершил самоубийство вместе со всем своим штабом. Последние 5 японцев из пещер Умурброгол сдались лишь в феврале 1945 г. Ходили слухи, что многих солдат живьем замуровали в гротах.

Другой аэродром, построенный японцами на Бабелтуапе, служит островитянам и американцам до сегодняшнего дня. Даже удивительно, до чего там оживленно. Причем туристов там не больше, чем транзитных пассажиров. Наоборот, большинство составляют островитяне. Как видно, они ни во что не ставят свои лодки и предпочитают навещать своих родственников и знакомых на реактивных самолетах, о существовании которых не имел никакого представления юный Либу, когда наблюдал первый полет воздушного шара в Лондоне. Вместе со мной к самолету направился владелец отеля, в котором я остановился. Они с женой решили совершить кругосветное путешествие. Что ж, оказывается, острова Палау — это настоящий маленький большой мир.

ТРУК — ГИБРАЛТАР ТИХОГО ОКЕАНА

Вероятно, пилотов «Эйр Микронезия» специально обучают так называемой «туристской» манере летать. Во всяком случае, самолет, на котором я отправился в путешествие, опустился сравнительно низко, метров на 200, может, 300 над поверхностью лагуны, и, хотя аэродром лежал прямо по курсу, сделал большой круг, затем второй и третий. Командир корабля, обращаясь к пассажирам, стал называть объекты, достойные особого внимания. Он давал объяснения как заправский экскурсовод, пересыпая свою речь шутками.

Внизу, правда, было на что посмотреть: несколько десятков островов, замкнутых в большом коралловом кольце диаметром около 400 миль, изумрудные лоскутки суши, одни гористые, другие плоские, как вафли, третьи — горящие шафраном песчаных пляжей. Пилот сообщал их названия: Мозн, Удот, Дублон. Эти чудесные малютки — часть дистрикта Трук.

В голубой бездне, окружавшей островки, время от времени мелькали овальные тени. Командир снова бросал какие-то названия, на этот раз японские. Оказывается, овальные пятна на дне лагуны — это остовы японских судов, которые закончили здесь свою военную карьеру с помощью американского воздушного флота.

До начала второй мировой войны лагуна Трука поверхностью в 500 квадратных миль была превращена в японский Гибралтар Океании. Чего здесь только не было: эскадры эсминцев, базы подводных лодок и гидропланов, самый крупный радиоцентр на всем Тихом океане, вместительная якорная стоянка для всех типов судов, включая японские мастодонты.

Лагуна Трука — уникальное образование акватории Тихого океана. Геологами установлено, что примерно 10 миллионов лет назад атолл Трук представлял собой один большой остров. В отдаленные времена, ве-

роятно в результате вулканической деятельности, остров погрузился в море, и теперь лишь прежние горные вершины выступают над водой. Природа подарила им прекрасный коралловый барьер (140 миль в окружности), который ограждает их от гнева океанских волн. Так в зоне Великого океана возникло настоящее озеро. Глубина лагуны достигает 100 метров, а в коралловом кольце имеется 4 глубоководных прохода. Если к этому прибавить несколько гористых островов, на которых разместились наблюдательные пункты, огневые точки артиллерии, радиостанции и множество других установок, придуманных военными специалистами, то острова Трук вполне можно признать за настоящий Гибралтар Тихого океана.

Разумеется, японские стратеги с первого взгляда оценили военные преимущества этого уникального образования. Готовясь ко второй мировой войне и имея в распоряжении много времени, они превратили эту природную крепость в мощный форт обороны. Во время войны на островах Трук находилось около 40 тысяч солдат и гражданских лиц — рабочих (главным образом с Окинавы). Это их руками построены аэродром, подземные ангары, доки, асфальтированные дороги, в скалах сооружены укрытия для военных кораблей. Не были забыты и огневые точки зенитной артиллерии, командные пункты, госпитали и т. п. Лагуна Трука стала, казалось бы, неприступной военной базой. Японцы без всяких опасений ввели сюда такие суда, как линкоры «Ямато» и «Муссаки», самые крупные в мире по тем временам. В 1944 г. в лагуне находились корабли 4-го императорского флота, командование 6-го подводного флота и большое количество бомбардировщиков, гидропланов и истребителей, размещенных на островах, окружающих лагуну. Японцы чувствовали себя здесь в полной безопасности. Но наступил день, когда голубое небо «обрушилось» на головы сынов Ниппона.

17 февраля 1944 г., на рассвете, воздух над островами Трук наполнился ревом моторов. Началась операция «Хилстон». Американские истребители на бреющем полете палили из всех стволов по японским самолетам, стоящим на взлетных полосах аэродромов. Те несколько машин, которым удалось вовремя подняться в воздух, сразу же были сбиты и исчезли в прозрачных водах лагуны, оставив за собой лишь длинные косы дыма. Неожиданность была полной. Американские летчи-

ки, стартовавшие с авианосцев в 100 милях от японского Гибралтара, в течение нескольких минут практически целиком уничтожили воздушную оборону архипелага Трук. Затем они уступили место бомбардировщикам, которые уже совсем спокойно могли расправиться с японскими военными сооружениями, а также кораблями всех типов, стоящими в лагуне на якоре.

Японские крейсера и эсминцы пытались как можно быстрее выйти в открытое море, но было поздно. Самолеты и подводные лодки противника не упустили момента. Крейсер «Нака» и эсминцы «Тахикасе», «Фумузуки» и «Оите» затонули сразу по выходе из кораллового кольца. В лагуне пошло на дно более 30 крупных кораблей и много небольших. За два дня было уничтожено около 300 самолетов, потоплены 2 крейсера, 4 эсминца и свыше 200 тысяч тоннажа вспомогательного транспорта. После этого острова Трук, 30 лет находившиеся под властью японцев, перестали приниматься в расчет как военная база. Теперь американцы могли приступить к подготовке для вторжения на Марианские острова. Гибралтар Тихого океана оказался полностью нейтрализованным. Операция «Хилстон» зачеркнула ценность Трука как военной базы, а оборонный потенциал этих островов так и не был восстановлен Японией, тем более что лагуна Трука в течение последующих месяцев все еще продолжала оставаться целью для налетов американской авиации. К концу войны, в 1945 г., на дне живописной лагуны покоилось более 60 кораблей, не считая тех, что нашли свой конец на мелях и коралловых рифах.

Словоохотливый командир умолк и всерьез занялся своим основным делом — повел самолет на посадку. Сквозь маленький иллюминатор воздушного корабля немного увидишь, но на последнем повороте к посадочной полосе я очень ясно разглядел крошечные фигурки на ней.

Приземление прошло без осложнений. Командир посадил машину спокойно, без толчков. Когда я вышел из самолета, то понял, что окружающий меня в тот момент пейзаж необходимо показывать в каждом фильме о Южных морях. Я увидел пальмы, смеющихся людей с коричневой кожей, кусочек моря цвета синьки и белое кружево пены, обозначающее рифы. Было жарковато,

но естественная вентиляция — слабо веющий пассат — мгновенно будила желание остаться здесь как можно дольше. Правда, недоставало лишь звука *укулеле* и нескольких длинноногих полунагих девушек.

Вместо сладкой музыки я услышал плач двух подростков, которых тащил за уши молодой человек в форменной рубашке. Оказалось, что из окна иллюминатора я видел людей на посадочной полосе. Это были дети, а с ними несколько свинок и кур. Как видно, вся компания жаждала посмотреть на самолет вблизи: ведь посадка — всегда событие. Этих ребят с полосы прогонял рассерженный чиновник. Он громко кричал на детей, и из его слов я понял, что местные поклонники авиации уже не первый раз оказываются на взлетной полосе во время посадки рейсовых самолетов.

В тени, под крылом самолета, я спокойно ждал, когда появятся мои чемоданы, затерявшиеся в багажном трюме. В этом райском уголке реактивный самолет выглядел незваным гостем, который случайно приземлился на коралловом рифе. Этот прилепленный к острову Моэн аэродром поднимался над водой сантиметров на 20—30. Только теперь я понял, зачем покрыты тефлоном два бело-оранжевых «Боинга-727», которыми пользуется «Эйр Микронезия»: на таких аэродромах на самолеты постоянно попадают брызги соленых волн и без предохранительного покрытия жизнь машин стала бы слишком короткой.

Тефлон, поросята, детишки, рифы, призраки затонувших кораблей, Кубари, пассат — и среди всего этого я. Все это было похоже на истинно тропический коктейль с неповторимым привкусом.

Приятно сознавать, что я, стоящий под крылом самолета, покрытого тефлоном и похожего на блестящую сковородку, по всей вероятности, второй поляк, попавший сюда после Кубари. «Острова Рук в Тихом океане» — вот название статьи Кубари, опубликованной в 1882 г. в «Тыгоднике иллюстрированом». В ней заключалась часть наблюдений, которые наш великий земляк провел в течение 17-месячного пребывания на этих островах в 1878—1879 гг.¹⁷

Я поселился в отеле «Марамор». Оборудованный в местном стиле, удобный и недорогой, он во всех отно-

¹⁷ Отрывок из работы Я. С. Кубари под названием «Wyspy Ruk Oceanie Wielkim», напечатанной в 1882 г. в «Тыгоднике иллюстрированом». В то время острова назывались Рук, а не Трук.

шениях подходил мне значительно больше, чем стандартный роскошный отель «Трук Континенталь», построенный в красивой, но отдаленной части острова. Кроме того, в «Мараморе» были куда более интересные постояльцы, которые не любят скоростного автомобильного туризма. Я подружился с двумя американскими студентами, которые жили за стеной и оказались заядлыми любителями подводного плавания. У них был целый склад «оборудования» — ласты, баллоны, лампы, маски, редукторы и т. п. Они мечтали осмотреть как можно больше судов, затонувших 30 лет назад.

Уже на следующий день после моего визита в администрацию дистрикта выяснилось, что я смогу войти в компанию с Биллом и Родни. Милые люди из правительственных барачков на Сайпане, оказывается, дали знать о моей скромной персоне сюда, на Моэн (остров — резиденция властей дистрикта). Поэтому со мной встретился мистер Эрмее Сиалес и ни мало ни много предоставил на целый день лодку в полное мое распоряжение, а также машину, чтобы я мог объехать столичный островок. Я сразу же подумал о моих молодых друзьях. На следующий день у них была лодка, а у меня акваланг, с которым я научился обращаться еще на Карибском море. Конечно, я понимал, что не могу сравниться с тренированными молодыми людьми в искусстве свободного плавания на глубине, но все же надеялся, что хотя бы брошу взгляд сверху на какое-нибудь затонувшее судно.

В небольшом, но очень неплохо оснащенном порту острова нас ожидала лодка с симпатичным шкипером. Мы сообща долго обсуждали маршрут путешествия. Наконец остановились на поездке к островам Фефан и Дублон. Оба эти острова находятся на расстоянии 20 миль от Моэна; где-то поблизости — остов затонувшего большого транспорта, легкодоступный для аквалангистов. Студенты сияли, я тоже был доволен, ведь Фефан — остров, на котором долгое время работал Кубари.

Лазурная могила

Мы отправились в плавание на Фефан и Дублон. Жара спала, теплый ветер ласкал нас, а прохладные волны разбивались о борт лодки. Наш шкипер Джо

оказался профессиональным рассказчиком. Видневшийся вдали остров Удот он представил нам как «Остров любви», затем сообщил, что Фефан во времена японской оккупации носил название «Аки Сима», что означает «Осень», а Дублон величали «Летом». Джо было известно также, что в 1942 г. здесь стоял на якоре «Ямато». Он пустился в воспоминания о сильных тайфунах, которые случаются в этих местах. Затем прочитал лекцию о рыбах и таинственных чудовищах, которые якобы водятся в водах лагуны. В последнее мы не очень-то поверили. Родни и Билл буквально разинув рот слушали о том, что находится на затонувших кораблях. Плутиска Джо говорил о чем угодно, только не о том, куда нас везет и какой корабль решил показать.

Солнце зажигало на воде все новые мерцающие искры, с близких берегов нам кланялись косматые пальмы, время от времени рядом с лодкой раздавались всплески рыб, нарушая спокойствие гладкой поверхности моря. Мерно стучал мотор. Мы плыли довольно медленно, и меня это вполне устраивало, ведь осуществлялась мечта моей юности: Тихий океан, атолл, лагуна...

Джо говорил без конца, не замолкая ни на минуту, совсем как мотор его лодки. Одна из наиболее интересных его историй — это рассказ о судьбе японского подводного корабля I-169, который оказался одной из жертв войны в лагуне Трука. История этой лодки не закончилась вместе с капитуляцией императорских войск. Ее судьба еще более 30 лет занимала как Японию, так и американскую администрацию Микронезии.

Судно I-169, построенное в Кобе в 1935—1936 гг., было одной из крупнейших подводных лодок своего времени: 1785 тонн надводного водоизмещения и 2440 подводного, скорость 23 узла на поверхности и 9 узлов при погружении. На поверхности моря подводная лодка могла преодолеть 14 тысяч миль со скоростью 10 узлов в час. Это было очень ценное судно, созданное специально для действий в океане. Подводная лодка I-169 принимала участие в нападении на Пёрл-Харбор, где ее экипаж пережил в высшей степени драматические минуты, когда лодка запуталась в сетях заграждения и около 50 часов боролась за свое существование.

Однако роковым днем для экипажа лодки оказалось 4 апреля 1944 г. В то время лодка была на якорной стоянке между островами Фефан и Дублон и находи-

лась в готовности к боевому погружению по тревоге. В тот день часть экипажа отправилась на берег. Однако по сигналу воздушной тревоги 1-169, как и весь дивизион подводных лодок, спокойно пошла под воду и легла на дно на глубине 130 футов. Когда объявили отбой, 5 лодок снова поднялись на поверхность, а 1-169 осталась лежать на дне. В ее корпусе было заперто 77 человек команды.

Командование флотилии немедленно приступило к спасательной операции. Под воду спустился водолаз, который сообщил, что 2 кингстона задраены не до конца и затоплены рубка и центральный отсек. Стук изнутри говорил, однако, о том, что в отсеках с ненарушенной герметичностью еще много живых. В надежде, что лодка не набрала слишком много воды, сравнительно быстро доставили плавучий кран. Однако или расчеты оказались ошибочными, или неудачны были действия людей, находившихся в нервном напряжении в ожидании очередного налета, но спасательная операция провалилась: не выдержали толстые стальные тросы.

Несчастный экипаж 1-169, вероятно, пережил страшные часы. Находиться так близко от базы и в то же время так далеко. Люди оказались замурованными в корпусе лодки, в полной темноте, воздух с каждой минутой сгущался, вода поднималась, так как герметичность переборок на истерзанной лодке была нарушена. После неудачной попытки спасти экипаж наступила абсолютная тишина. Ничего нельзя было сделать. Свистящее дыхание, последние глотки воздуха. Время остановилось. Смерть приближалась неумолимо. Спасательная группа водолазов прислушивается понапрасну. Из недр стальной сигары не доносилось никаких звуков.

На базе, которая подвергалась беспрестанным атакам неприятеля, для погибшего экипажа почти ничего не могли сделать. О поднятии со дна 1-169 нечего было и думать. Водолазы открыли люки и извлекли 32 мертвых тела. Остальной экипаж остался внутри судна навсегда. Водолазы наглухо завинтили люки подводного гроба, где находилось около 50 их товарищей. Опасаясь вторжения (которое так и не состоялось), месяц спустя командование отдало приказ забросать 1-169 глубинными бомбами. Однако и эта работа была выполнена недостаточно тщательно.

Многие потери военных лет, многие трагедии преданы забвению, но о лодке 1-169 помнил Ко Маки-сан,

ветеран боев на Тихом океане, участник спасательной операции на островах Трук. Бывший моряк дождался, пока послевоенная экономика Японии окрепнет, и после долгих мытарств все-таки добился, что правительство предоставило дотацию в 3 миллиона иен на извлечение I-169 со дна моря.

В то время острова Трук уже широко рекламировались как райское место для туристов-аквалангистов, которые обследовали множество кораблей, затонувших в лазурной могиле лагуны. Родившиеся уже после войны молодые люди имели возможность рассматривать в прозрачной воде заржавевшие мины, остовы потопленных истребителей, бортовые орудия и даже танки, а также разные мелочи, в том числе китайский и японский фарфор. Число аквалангистов, посещавших острова Трук, множилось в геометрической прогрессии, так что администрация дистрикта была вынуждена объявить лагуну запретной зоной, приравнивая ее по значению к национальному парку, точнее, историческому памятнику, состоящему из затонувших здесь судов. Соответствующий приказ несколько ограничил действия распоясавшихся аквалангистов, запретил обирать корабли и ломать их. Тем не менее посещения лодок не прекратились, особенно после открытия постоянной авиационной линии на остров Мозн и постройки здесь современных отелей. Однако все уже было подчинено машине, обслуживающей туристов: «13 дней и 12 ночей всего за 900 долларов. Подводные прогулки по палубам кораблей затонувшего 4-го императорского флота. Вторник — подводная экскурсия на „Хейян Мару“, пятница — на груженный боеприпасами „Синкоку Мару“. Незабываемые впечатления — подводные джунгли, красивейшие в мире кораллы».

В 1971 г., впервые после окончания войны, покой I-169 нарушила группа кинематографистов, которая снимала фильм о подводном кладбище. Операторы сняли эффектные кадры о затонувшем корабле «с экипажем, находящимся на борту» со времен второй мировой войны. Но кинематографисты все же ничего не нарушили, хотя много лазали по кораблю и снимали останки погибших. Затем все люки снова наглухо задраили.

На следующий год японцы начали официальные переговоры о разрешении извлечь останки моряков с I-169. Они хотели разрезать стальной корпус лодки ав-

тогеном и в случае необходимости применить небольшие заряды взрывчатки. Власти Трука им в этом отказали. С одной стороны, ввиду реальной опасности подобных операций — ведь лагуна буквально начинена военным снаряжением, минами и артиллерийскими снарядами. С другой стороны, устав о подводной могиле запрещает существенно нарушать целостность флота-призрака. Однако японцы все-таки добились разрешения при условии, что работы будут производиться без применения взрывчатки и автогена.

В сентябре 1973 г. специализированная японская фирма приступила к работам на лодке 1-169. В операции участвовали лучшие аквалангисты, оснащенные первоклассным снаряжением. Операция проходила при участии представителей телевидения и большом интересе жителей островов Трука. Группе удалось извлечь останки многих людей, личные вещи, принадлежавшие несчастным морякам, которые 40 лет назад спустились под воду. При участии родных, приехавших из Японии, на острове состоялась кремация тел погибших. Их прах был доставлен в Токио и погребен в Могиле неизвестного солдата.

Однако на этом история 1-169 не закончилась. Годом позже роковая лодка поглотила еще одну, надо полагать последнюю, жертву. Ею стал молодой аквалангист, который вместе с товарищем проник внутрь корпуса. Там он заблудился и не мог найти выход к открытому люку; возможно, он застрял в каком-то тесном проходе, а кислород у него кончился. Через час после того как наступила смерть, несчастного нашли и подняли на поверхность.

Джо закончил свой рассказ и посмотрел на обоих внимательно слушавших его рассказ юношей. Я не сомневался, что многие его слова были адресованы к ним, он взывал к разуму обоих ныряльщиков.

— Так вот, эта лодка находится неподалеку отсюда, — добавил Джо.

Но юноши не дали ему договорить до конца.

— Джо! — закричали они в один голос — Плыдем! Плыдем туда, непременно! Будь человеком! Слово честно — мы лишь сверху посмотрим, без баллонов! Джо?!

Шкипер позволил уговорить себя. Он повернул руль, мы подошли чуть ближе к берегу и оказались между островами Мозн и Дублон.

— Здесь — воскликнул Джо и заглушил мотор.

Раздался двойной всплеск — оба студента исчезли под водой. Свое слово они сдержали: глубоко не ныряли, плавая с трубками вокруг лодки. Я тоже не выдержал — натянув маску, как страус, опустил голову в воду и, стараясь спокойно дышать через трубку, попытался что-нибудь рассмотреть. Вода была чистая, освещенная солнцем. Однако прошло довольно много времени, прежде чем я различил расплывчатые очертания «сигары», лежащей далеко внизу в темно-зеленой бездне. Лодка покоилась почти на ровной площадке — стальная братская могила нескольких десятков моряков, у которых война отняла жизнь. Я почувствовал чье-то прикосновение — это Джо напоминал мне, что пора отправляться в путь.

Снова мерно застучал мотор, опять нас ласкали ветер и солнце. Теперь мы направлялись к месту, лежащему между островами Фифан и Дублон.

— Поплывем в направлении острова Этен. Вот он, смотрите, слева по борту. А оттуда рукой подать до «Фуджикава Мару», — раскрыл свои планы Джо.

— Ура! — пришли в восторг ребята.

Их радость была мне понятна. Я много раз слышал, как они говорили именно об этом корабле — одном из крупнейших судов, затопленных в лагуне, и к тому же сравнительно доступном. Оно лежало совсем неглубоко, до палубы насчитывалось неполных 20 метров. Бездонные трюмы были забиты военным снаряжением. Билл утверждал, что это самый интересный корабль из тех, которые затонули поблизости от Моэн.

— «Фуджикава Мару» — военный транспорт по доставке самолетов, — демонстрировал Джо свою осведомленность. — Поврежден авиаторпедой, лежит на правом борту, сто тридцать три метра. На нем даже нашли совсем целенький фарфоровый сервиз...

— Мне супницу! — завопил Родни.

Но корабль был еще далеко. Наша лодка находилась между островами Дублон и Моэн, где много рифов и мелей, впрочем не опасных для такой малышки. Немалое удовольствие смотреть на меняющую окраску в зависимости от глубины воду. Картину дополняли летающие рыбки, которые то и дело повсюду выскакивали из воды.

Время шло. Джо по обыкновению болтал обо всем понемногу. Выяснилось, что Этен во времена японцев назывался «Таке Джима» («Бамбук»). Мы узнали, что

там был аэродром на 200 истребителей; вероятно, «Фуджикава Мару» вез свой груз именно на ту военную базу.

Мы находились в какой-нибудь тысяче метров от острова Этен, когда Джо выключил мотор. Из воды выступал пятиметровой высоты шест, похожий на мачту.

— Это как раз здесь. Перед вами передняя мачта японского транспорта. Привяжите-ка кто-нибудь к ней конец, — распорядился Джо.

Ребята еще раз издали вопль, выражавший восторг, и лихорадочно принялись за проверку снаряжения. Надо признать, получалось это у них довольно ловко. Чувствовался опыт, осторожность заставляла тщательно, по два раза, проверять акваланги. К моему снаряжению они добавили еще и нож, крепившийся на икре ноги. «Плавающий», — не преминули они подчеркнуть. Мне выдали также манометр, определяющий глубину погружения в метрах. Я не собирался бить рекорды, но все-таки хотелось знать, на какой глубине достигну палубы корабля-призрака. Я был очень рад тому, что мачта выступает над водой, так как это означало, что даже я могу достигнуть судна без малейшего риска.

Аквалангисты бросились в воду одновременно с обоих бортов спинами, вернее, баллонами вниз, и лишь пузырьки воздуха показывали, что аппараты работают нормально. Не без волнения я погрузился вслед за ними. В баллонах был запас воздуха на три четверти часа.

Сначала я двигался осторожно: 5 лет перерыва — это много, тем более что никогда не был асом в искусстве подводного плавания. Однако получалось у меня совсем неплохо. Когда дыхание немного успокоилось (значит, все-таки волновался), я почувствовал себя совершенно свободно и постепенно забыл, что нахожусь в чуждой мне стихии. «В это время дня судно будет хорошо видно», — вспомнил я слова шкипера. Он оказался прав. Солнце, стоявшее почти в зените, создавало отличную видимость. В освещенной бездне были видны четкие очертания его корпуса. Корма с торчащим стволом орудия была видна так хорошо, что я различал кораллы или водоросли, которыми она почти полностью обросла. Надстройка казалась почти нетронутой. Вокруг корабля вились стайки разноцветных рыбок, пожиравших не то растения, не то водоросли.

Огромные скопления рыбок то возникали в отвесных

лучах солнца, то снова исчезали, видимо, в провалах стальных гротов. Я медленно кружил метрах в 3 от поверхности, постепенно набирая уверенность. Меня охватило приятное чувство абсолютной свободы, когда в этом трехметровом пространстве я начинал парить в любом направлении, переворачиваясь иногда на спину, словно резвящийся тюлень, или отвесно ныряя вниз, как баклан. Больше всего меня восхищали все новые и новые рыбки, которые подплывали к самой маске, бесцеремонно тычась в нее носами. Они с любопытством заглядывали мне в глаза и совсем не торопились удрать, даже если я протягивал к ним руки.

Подо мной светились лампы Билла и Родни. Время от времени они надолго меркли, когда оба юноши, опустившись на палубу, исчезали в утробе огромного судна. Я тоже стал медленно погружаться в бледно-зеленую бездну. По мере того как я опускался вниз, облик судна менялся, проступали новые детали. Наконец я оказался на палубе затонувшего транспорта! Прибор на руке показывал — глубина около 15 метров! Теперь обзор как бы расширился. Вверху вырисовывался силуэт обросшего водорослями креста, как будто специально воздвигнутого на этом кладбище кораблей. Крест здесь казался вполне уместным, и прошло много времени, прежде чем я понял, что смотрю на заднюю мачту «Фуджикава Мару», обвитую словно шалью косяком мелких рыбок. Картина была удивительной, необычной... Выше мачты виднелся странный овал — днище нашей лодки с четко обозначенным рулем.

Я медленно передвигался по наклонной палубе с чувством, что совершаю святотатство. Я думал не о погибших моряках, а об этом огромном корабле, обросшем водорослями и губками. В жизни мне пришлось немало поплавать на самых разных судах, и странное впечатление произвели на меня разноцветные губки, притулившиеся в неожиданных местах, крупный морской окунь, который выглянул вдруг из окна рубки, где, должно быть, часто стоял капитан. Я так увлекся созерцанием этой необычной картины, что совсем забыл о товарищах, которые были здесь, на корабле. Поэтому я едва не выронил мундштук, когда моего плеча коснулся человек-лягушка. Им оказался Билл, он знаками звал меня за собой. Я слегка оттолкнулся от палубы, без труда миновал совсем целый реллинг и через огромную брешь в борту заплыл прямо в трюм величи-

ной с два ангара. Сверху через продырявленную, лишенную обшивки палубу в это обширное помещение пробивался призрачный свет. Повсюду свисали гирлянды каких-то неизвестных мне не то растений, не то животных организмов, придавая помещению вид заброшенного в джунглях много веков назад храма, разрушенного всепроникающей растительностью. Стальные колонны, наклонные плиты еще более усиливали это впечатление. Странная, волнующая картина предстала нашим взорам.

Однако Билл прервал мое созерцание, и мы двинулись дальше. Теперь я уж и не припомню, как мы преодолели одну-две перегородки. Внезапно я снова оказался в огромном трюме, залитом светом. Это Родни освещал нам необыкновенную картину: перед нами стояли целые, словно готовые к вылету истребители, скорее всего знаменитые «Зеро». Впечатление этой готовности еще больше усиливало множество пропеллеров, тщательно уложенных рядом с самолетами.

И снова стальной, обнаженный скелет корабля везде, сколько хватал глаз... Еще одна дыра в перегородке. Теперь светил Билл. Боеприпасы! Обросшие водорослями снаряды калибра (на глаз, конечно) не менее 12 миллиметров! Целые штабеля. Рядом заржавевшие автоматы, наверное тоже для монтажа на самолетах. Было похоже, что «Фуджикава Мару» напрасно вез из далекой Японии дорогое снаряжение. Транспорт затонул, не дождавшись разгрузки.

Осторожно, очень осторожно мы выбирались из опасного люка. Путь назад довольно прост: один легкий толчок, несколько движений лапами — и вот я снова парил над палубой в носовой части корабля. В свете ламп вездесущие кораллы, водоросли, губки образовали великолепный сад, полный ярких красок и резких теней. Наверное, уже наступил полдень. Солнечные лучи падали отвесно, колыхались в воде словно вуаль, сотканная из света, а на поверхности разбегались искристыми зайчиками. В этой феерии света еще резче вырисовывалась задняя мачта «Фуджикава Мару», как кладбищенский крест над гигантской могилой японского флота в лагуне Трука.

Когда мы вынырнули из воды, Джо, конечно, сладко дремал под навесом нашей лодки. Однако он сразу встрепенулся и быстро приготовил из взятых нами продуктов роскошный ленч. Плоды хлебного дерева, немно-

го вяленой рыбы, крабы, кусочки ананаса, бананы исчезали с невероятной быстротой, а что до меня — то все казалось божественно вкусным: наверное, волнения, которые я пережил в лазурной могиле, особенно подействовали на мой аппетит. Завтрак завершило прохладное молоко кокосового ореха.

Я стал рассказывать шкиперу о своих впечатлениях, но тут за моей спиной раздался двойной всплеск. Ребята снова ушли под воду! Я разозлился, так как время бежало быстро, а мне так хотелось посетить не только остров Дублон, но еще и Фефан. Но что мне оставалось делать? Ведь под водой они были для меня недостижимы.

После еды Джо снова заснул, а я предался своим мыслям. После осмотра «Фуджикава Мару» мне стало ясно, что Трук и впрямь высшее удовольствие для туристов-аквалангистов всего мира. Тем не менее тот редкостный, единственный в своем роде объект — не что иное, как бомба с часовым механизмом, грозно отсчитывающая время. Я имею в виду не только потенциальную вероятность взрыва старых, проржавевших снарядов; не исключено, что после проникновения внутрь морской воды такая опасность миновала. Настоящей угрозой для уникальных островов являются гектолитры нефти, содержащиеся в проржавевших резервуарах затонувших кораблей. В наше время никто не знает, в каком состоянии эти жестянки и как велики были запасы топлива на судах до их гибели. Наверное, они достаточно опасны для экологической среды дивной лагуны, для рыб, для всего живого в подводном мире. Будущее покажет, удастся ли избежать этой катастрофы.

Существование этих искусственных рифов в лагуне Трука представляет для биологов моря большой интерес — они так же охотно посещают эти места, как и аквалангисты. Ученые тоже навещают затонувшие суда, так как они — своего рода прекрасные научные лаборатории, создающие великолепные условия для наблюдений за тем, как живут и развиваются различные виды и классы губок, кораллов, водорослей, актиний и т. д. Зная дату гибели корабля (примерно 17 февраля 1944 г.) можно точно определить прирост отдельных родов и видов флоры и фауны, а также наблюдать рост колоний и симбиозы различных представителей подводного царства. И снова Трук оказался местом,

единственным в своем роде. Страшно подумать, что еще немного — и чарующей лагуны уже могло бы и не быть, так как Трук — третья цель, для которой предназначалась следующая атомная бомба после Хиросимы и Нагасаки. Она была уже готова, и острова Трук оказались спасенными лишь благодаря уходу отсюда крупных морских и воздушных сил Японии. Этот неосознанный маневр спас прелестный островной мир от полного уничтожения, и мы можем теперь любоваться необычной красотой изумрудных островов и дном лагуны, богато инкрустированным остовами затонувших судов.

Как воевали сто лет назад

Мы плыли курсом прямо на невысокий холм, громко названный горой Толоман. Это была высшая точка острова Нацусима, или Дублон. Билл и Родни сушились на солнышке, не переставая возбужденно обсуждать нашу экскурсию по затонувшей лодке. Как только Джо отвернулся, Билл лукаво подмигнул мне, и перед моими глазами промелькнуло маленькое фарфоровое блюдечко. Ценный трофей. Однако это был непорядок, потому что на этих подводных лодках ничего нельзя трогать, а тем более выносить. Но запретный плод сладок, и Билл не устоял перед искушением. Да и велика ли была его вина? Я по себе знал, что эта лодка-призрак дышала какими-то эманациями, вызывающими целый вихрь смешанных чувств, и хотелось иметь какое-то свидетельство этих переживаний. Я уверен, что любители сувениров, если было бы можно, растащили бы оттуда все вплоть до унитаза (я видел там совсем целый) и держали бы его в гостиной, убежденные в том, что он спокойно вписывается в элегантную обстановку помещения.

На всякий случай я погрозил Биллу пальцем, и на этом инцидент был бы исчерпан, если бы не тот факт, что через несколько дней после отъезда студентов в моей сумке не обнаружилось второе, точно такое же блюдечко. Позор! Однако на пути Микронезия — Европа эта «летающая» тарелочка разбилась на мелкие кусочки.

Мы причалили к острову Дублон у какого-то полуразвалившегося мола. Повсюду — растрескавшийся бетон. Может, наша скромная лодка причалила там, где

из шлюпок выходили на берег матросы японской экспедиционной флотилии, которая 12 октября 1914 г. принимала здесь наследство, доставшееся ей от имперской Германии? Вскоре после этого японцы построили на острове фабрику, которая вырабатывала консервы из тунца, значительно повысили производство копры, а потом... начались безумства. Японцы стали строить здесь бункеры, убежища, склады, набережные, базу для подводных лодок, порт для гидропланов. На этот небольшой остров в 10—12 километров длиной ушло огромное количество цемента. На побережье под каждым кустом — бункеры, фундаменты разрушенных построек, гектары потрескавшегося бетона. Я возвращался к лодке расстроенный.

Природа на островах Трук, как и везде, удивительна. Но то, что натворили здесь люди, кажется жалким, бесцельным. Все заброшено, забыто, развалено, поросло скудной растительностью: остатки госпиталя, резервуаров. Людей здесь немного — 2500 человек, даже Джо не может точно сказать, чем они занимаются.

— В общем делают сувениры для туристов, ловят рыбу, но все-таки здесь есть школа.

— Я знаю, раньше тут жили замечательные мореходы.

— Это верно. Но сейчас лодок делают очень мало, редко кто выходит за рыбой из лагуны. Предпочитают покупать консервы из тунца. Это вкусно и дешево.

Вот так штука! Микронезийские воды считаются в мире одними из самых обильных тунцом. Американские и японские рыболовные суда выгребают отсюда тысячи тонн рыбы в год, а местные жители!..

— Скажи, Джо, ты ведь помнишь времена японцев: жители Трука выходили с ними в открытое море?

— Что вы, нет! Нет! Команды состояли из японцев или из рыбаков с Окинавы. Немного наших работало на производстве консервов. В основном были заняты обработкой копры.

— А чем занимались здешние жители в старое время?

— Тогда они очень часто воевали.

«...Война на островах Рук вспыхивала часто из-за ссоры. До тех пор пока не пролита кровь, ссоры выражались во взаимных оскорблениях и поклепах. Тяжелое ранение или убийство не зависело от повода и справедливости происшедшего, требовало отмщения, и тогда

война становилась неизбежной, если племя чувствовало свою силу.

Как и на большей части островов Океании, война для местного жителя — увеселение, которое он любит и на которое является разряженным. Самые красивые пояса, узорчатые гребни, длинные серьги, новые, только что раскрашенные накидки — все вынимается из тайников. Тело они умащивают маслом и покрывают толстым слоем куркумы¹⁸, а перья морских орлов наряду с петушиными высоко торчат из тщательно причесанных волос. Оружием служат обточенные камни, которые бросают с помощью петли, гладкие копья, сделанные из ствола кокосового дерева, и копья, снабженные ядовитыми зазубринами и шипами. Во время битвы накидку обвязывают вокруг пояса. Она защищает от камней живот — самое слабое место на теле. Если границы воюющих сторон проходят по суше, то бой происходит на границе. Почти все острова усеяны каменными валами, которые называются *орор*. За ними скрываются жители, бежавшие с побережья. Обычно нападающая сторона прибывает морем на многочисленных лодках, обороняющаяся сторона ожидает на берегу. Обе стороны стараются громкими криками запугать друг друга. Челны приближаются к берегу, вытянувшись в длинный ряд, чтобы пространство, на котором происходит высадка, было как можно более растянутым, и таким образом разделить силы обороняющихся. Эти последние ждут с петлями и запасом камней, чтобы принять нападающих градом снарядов. Они представляют собой базальтовые камни, отшлифованные в форме яиц, которые иногда весят около фунта и представляют собой оружие хотя и примитивное, но опасное, как убедили меня в том черепа, собранные во время моего пребывания на островах.

Нападающие, главной целью которых является высадка, слабо обороняются, так как изо всех сил гребут к берегу. По мере уменьшения расстояния между противниками праща уступает место гладкому копью, которое бросают с большой ловкостью и с не меньшей отбивают. Обычно сухопутный воин имеет запас из 5 ко-

¹⁸ Куркума (*Curcuma*) — растение из семейства имбирных, известно свыше сорока его видов. *Curcuma longa* содержит краситель оранжевого цвета — куркумин, применяющийся в красильном деле. Это растение употребляется также как приправа к пище, лекарство и при производстве ликеров. — (Примеч. авт.).

пий, которые держит левой рукой, а бросает правой; когда запас их истощается, он собирает копья, брошенные врагами, и бьется дальше. В лодках, как правило, только один или двое воинов бросают копья с помоста, остальная команда гребет или разжигает сражающихся криками. Сторона, обороняющая берег, имеет большие преимущества, и поэтому прибывающий отряд должен быть силен числом и терять в начале боя много, но обороняющиеся знают, что после высадки врага условия боя станут равными.

Женщины нападающей стороны принимают участие в начале сражения, поддерживая боевой дух воинов и разжигая врага оскорблениями и непристойными жестами. Как только лодки врагов причаливают к берегу, начинается собственно сражение. Женщин и движимое имущество переправляют тогда за холмы в глубину острова, а на берегу остаются лишь сражающиеся мужчины. Аборигены хотя и бьются с криками и со смехом, истинной храбростью не обладают; самая легкая рана делает воина неспособным к бою, и часто один или двое убитых решают исход сражения. Или нападающие возвращаются в лодки, которые охраняет часть воинов, или обороняющиеся отступают за песчаное побережье, к жилищам, увлекая за собой победителей. Последние обычно удовлетворяются полным уничтожением жилищ и плантаций покоренной деревни, не трогая ее воинов, засевших на укрепленных холмах.

После такой победы все кокосовые пальмы, хлебные деревья, таро бывают срублены, дома сожжены, а лодки становятся добычей победителей. Пленных — и раненых, и здоровых — независимо от пола и возраста убивают. Такие нападения повторяются, пока не наступит настоящий мир (*фер*), которого просит более слабая сторона и который заключается вождями обеих сторон. Если предметом распри было убийство, побежденные должны понести потери в несколько или хотя бы одного человека; если войну вызвали споры из-за земли, она становится собственностью победителей...»

Приближался вечер. Было часов около пяти, когда мы снова сели в лодку. Поскольку в экваториальной зоне в 6 часов вечера уже наступает темнота, стало ясно, что осмотреть остров Фефан в тот вечер мне не придется.

Прогулка по лагуне на склоне дня оказалась не менее захватывающей, чем зрелище затопленных подвод-

ных лодок. Мы вышли из-за острова в открытое море. Заходящее солнце было подобно круглому экрану цветного телевизора. Маленькие облачка служили декорациями, отражающими все оттенки золотого, оранжевого и полную гамму цвета пламени, которое излучало солнце. Европеец из-за дыма, туч, домов почти никогда не видит горизонта, поэтому с трудом может представить себе это красочное зрелище на «солнечном экране»; огромный шар, необыкновенно быстро падающий в океан, — такое забыть невозможно.

Когда на небе уже зажглись первые звезды, мы подплывали к берегам Моэна. Отовсюду до нас доносились возгласы женщин, которые пришли купаться в лагуну. Здесь в воде плескались и девушки, и звезды.

Обе «стихии» всегда играли существенную роль в жизни мужчин с островов Трук, особенно прежде, в давние времена, когда искусство мореплавания в Океании достигло высшего расцвета. Правда, женщины, совершив обрядовый плач на берегу моря, оставались на суше, но звезды постоянно сопровождали замечательных мореплавателей в их долгих океанских экспедициях.

Мореходы и звезды

Филологи давно отмечали тот факт, что языки народов Полинезии и Микронезии богаты морскими и навигационными терминами. Это языки настоящих исследователей и великих мореходов. В них содержится множество обозначений, связанных с навигацией, маневрированием и, наконец, с метеорологией, космографией и океанологией.

«Это просто несчастливое совпадение обстоятельств, — писал Алан Вильер, один из лучших знатоков мореплавания в наше время, — что такие замечательные мореходы никогда не строили крупных судов, потому что, располагая чем-нибудь, обладающим лучшими мореходными качествами, чем лодки, мореходы Южных морей наверняка совершали бы путешествия в Азию и в Европу намного раньше, чем к ним прибыли европейцы»¹⁹.

Знания в области астрономии у народов Океании значительно обширнее тех сведений, которые имели в

¹⁹ *Villiers Allan. Morse Korallowe. Gdansk, 1970, с. 40.*

то время европейские мореплаватели. Учеными установлено, что замечательным покорителям океана были известны расположение, координаты на востоке и время восхода в разные времена года около 200 звезд; знали, над какими островами они проходят, и умели проложить курс в открытом море от одного острова к другому. Мореходы не нуждались в компасе, так как ночное небо заменяло им часы.

Ян Станислав Кубари был поражен мореходным искусством островитян, тем более что сам совершал далекие путешествия на утлых судах микронезийцев. По своему обыкновению он приступил к систематическому сбору материалов на эту тему. Результатом этой работы стал большой очерк²⁰, опубликованный в Польше в 1882 г. в журнале «Вшехсвят». Он был написан на островах Трук и до сих пор представляет собой ценный вклад в мировую этнографию. Во вступительной части этой работы Кубари останавливается на конструкции местных лодок:

«... Как все лодки в Океании, *мелиук*, или *мессу*, Каролинских островов состоит из собственно лодки и внешнего поплавка, удерживающего в равновесии саму лодку, а также помоста, соединяющего обе части. В каноэ, предназначенных для морских путешествий, есть еще и четвертая часть, своего рода помост на подветренной стороне, на котором помещается нечто вроде крыши, где наиболее ценный груз и капитан с лоцманом находят укрытие во время путешествия. Собственно лодка *уа* помещается в середине всего каноэ, она и несет его, имея на подветренной стороне *зпен*, т. е. вышеупомянутый помост с крышей, а на наветренной стороне балансир — *там*. Каноэ движется благодаря парусу треугольной формы и значительных размеров. Этот парус, как и повсюду в Океании, плетут из листьев пандануса, и он мало чем отличается от парусов с соседних островов. Его размеры — до 40 квадратных метров — позволяют лодке (самая большая из них не превышает 30 футов в длину) быстро передвигаться на спокойной воде...»

Далее он пишет:

«... Пока суша, от которой отплыл житель Каролинских островов или к которой он направляется, находит-

²⁰ Żegluga morska i handel międzywyspowy Karolińszczyków Centralnych (Notaty z podróży po Oceanie Wielkim). — «Wszecławiat». 1882, № 16, 17, 18.

ся в пределах видимости, управление лодкой легко и доступно почти любому взрослому жителю. Дело выглядит иначе, когда путь продолжается несколько дней по бескрайнему океану. Только здесь обнаруживается настоящее искусство мореплавания, которым владеют лишь немногие. Поэтому различается шкипер — *силеллап* и штурман — *палауи*, он не касается управления лодкой, а лишь указывает морякам дорогу.

Такой палауи — мудрец, он уважаем всеми. Палауи знает расположение звезд, может определить время суток, разбирается в местоположении Каролинских островов и к каждому из них может указать путь... Основное, что помогает ему ориентироваться в море, — это знание расположения звезд, на которые опираются все его представления о географии и астрономии...»

В своей работе Кубари собрал много сведений не только по навигации, но также в области астрономии и языка. Так, например, он писал, что у жителей Каролинских островов существует 8 названий стран света. Север — это *эффенг*, восток — *этуу*, юг — *иэр*, запад — *лотоу*. Соответственно северо-восток называется — *этуу-эффенг*. Другие изыскания касаются отсчета времени, принятого на Каролинских островах.

«...Время между восходом двух созвездий определяется и называется *марам* — по положению Луны, которая за этот же период прошла все фазы. Это время разделено на 30 дней, вернее, ночей, так как лишь положение Луны служило для определения каждой ночи. Таким образом, каждая ночь получает свое название в зависимости от конфигурации лунного диска. Первая ночь месяца приходится на новолуние, когда Луны не видно на небосводе, и поэтому называется *сикауру* от *сио* — „ничто“ и *оре* — „видеть“...»

Кубари приводит названия всех остальных 30 ночей, среди которых, например, 8-я — *руопонг*, 19-я — *сапас*, а 25-я — *ара*.

Кубари писал, что отдельные звезды в определенное время указывают путь к конкретным островам. Так, например, мы узнаем, что Полярная звезда на островах Трук называется Фисамакит, указывает направление на северную часть Каролинских островов и приводит к Сайпану.

«...Умея различать эти звезды, жители Каролинских островов прекрасно ориентируются ночью на море. Кроме этого эти люди должны обладать точными знаниями

направления ветров, морских течений и перемен в погодных условиях. Звезды помогают им ориентироваться лишь ночью, днем человек может опираться только на свой опыт. Перед тем как отправиться в путь, штурман не только просит своих *ану* (богов) послать ему успех, но и тщательно изучает расположение звезд на небе и течений на море. Еще на суше он определяет силу ветра и прикидывает, возможно ли двигаться курсом, который он наметил. По листьям кокосовых пальм он старается узнать, окажется ли выбранный день счастливым для путешествия. Малейшая неуверенность заставляет откладывать отплытие, и так повторяется до тех пор, пока все приметы не предскажут успешного плавания.

Мореплаватель зависит от самой незначительной перемены ветра, и поэтому ему так необходимо умение быстро это заметить. Определить направление ветра и его изменение в открытом море для здешнего островитянина было бы невозможно (ведь он обходится без приборов), если бы ему не помогало знание природы волн, которые он режет носом своего углого каноэ. Ему прекрасно известны океанские течения, и на поверхности воды он великолепно различает волну, вызванную ветром, — она всегда изменчива — и волну подводную, т. е. образованную течением, — она неизменна. Задача морехода — в самом начале путешествия установить соотношение этих двух видов волн. Волна, поднятая ветром, — короткая, быстрая, идет по ветру. Волна, вызванная течением, покрыта ветровой волной и как более длинная появляется на поверхности с большими промежутками времени в виде немного возвышающегося пенистого вала. Ее направление постоянно, она идет против ветра. В хаосе волн наметанный глаз жителя Каролинских островов быстро различает оба вышеуказанных типа, а также угол их пересечения. Изменение направления ветровой волны говорит о перемене ветра. Кроме того, мореход имеет верный ориентир в виде волны, образованной постоянным течением, направляющимся на восток или на запад, которое лодка должна пересекать под определенным углом. Океанское течение (*зот*) этих широт не только известно местным жителям, но и принимается мореходами во внимание при расчетах курса. Они знают, что в месяце *тамур* оно сильно в восточном направлении, и ждут до самого конца *ле эффенг*, когда течение становится менее мощным; во

Всякомъ случаѣ, они стараются пускаться въ плаваніе при спокойномъ ветре и рулятъ подъ ветеръ или отъ него, смотря по обстоятельствамъ, чтобы восполнить потери скорости из-за силы течения...» — писалъ Кубари.

Такимъ образомъ, какъ следуетъ изъ вышеприведенныхъ отрывковъ изъ работы Кубари, островитяне, вечно прикованные взоромъ къ небу и морскимъ волнамъ, были настоящими мореходами. Они черпали силы въ хорошемъ знаніи законовъ моря, поведения морскихъ птиц, океанскихъ теченій, въ умѣннн различать волну, отбитую отъ берега, отъ ветровой волны. Островитяне, какъ «черные следопыты» Австраліи или американскіе индейцы, умѣли читать слѣды животныхъ, ни о чемъ не говорящіе взору бѣлаго человека. Они были настоящими энциклопедистами въ области познаній законовъ моря и суши, изучали положеніе планетъ и звездъ, обладали способностью наблюдать за окружающею ихъ природою и имѣли верный глазъ.

Къ сожалѣнію, искусство мореплаванія въ Океаніи до нашихъ дней не дошло. Еще сто лѣтъ назадъ Кубари писалъ:

«...В настоящее время искусство мореплаванія аборигеновъ Каролинскихъ острововъ приходитъ въ упадокъ. Жители высокихъ острововъ забросили обычай путешествовать за пределами ихъ рифовъ, знаніе расположенія звездъ среди нихъ также встречается все реже, и на многочисленныхъ островахъ этой группы не найти опытнаго *палауи...*»

«Любовные трости»

После отъезда студентовъ прошло несколько дней. Однажды мнѣ захотѣлось выпить немного пива. Правда, я не такой ужъ большой любитель этого напитка и въ тропикахъ всегда предпочитаю употреблять мѣстные плоды, напримеръ молоко кокосовыхъ ореховъ, но именно въ тотъ вечеръ я «загорелся» идеею полакомиться пивомъ.

Въ кафе отеля «Мараморъ» я уже успѣлъ подружиться со старшей официанткой (а можетъ быть, владелицею) и ее помощницами. Женщины обращались съ постояльцами довольно бесцеремонно и, какъ правило, принимали заказъ, опираясь на плечо приезжего, и мило обсуждали съ ними меню и способъ приготовленія блюдъ.

— Пожалуйста, подайте мнѣ большую кружку пива, — нетерпеливо произнесъ я, все время поглядывая въ

сторону бара, откуда должен был появиться долгожданный нектар.

— Пожалуйста, а есть ли у вас карта? — услышал я в ответ.

— Какая такая карта? Я прошу пива!

— Правильно, хотеть пива, надо иметь «идентификацион кард», — последовал ответ на плохом английском языке.

Я почувствовал, что начинаю терять терпение, а пива хотелось все сильнее.

— Никакой «идентификацион кард» у меня нет, а есть паспорт, — пытался я терпеливо объяснить, но говорил уже громко.

— Не иметь карты — не иметь пива, — заметила официантка. Она повернулась и ушла.

Как раненый зверь бросился я к стойке — пиво в тот момент казалось мне нектаром богов.

— Пиво! — заорал я. — Большую кружку!

— А карта есть? — И игра началась сначала.

После нескольких вопросов и ответов на тему об этой карте я окончательно сдался. Бармен снабдил меня большим формуляром, который необходимо было заполнить, и обещал оформить эту проклятую карту за четверть часа. Потягивая отвратительно сладкий *орандж*, я начал заполнять анкету.

Холодное питье застряло у меня в горле, когда я начал читать формуляр. Чего там только не было! Одним из наименее непотребных были вопросы: «Не алкоголичка ли твоя мать?» и «Не было ли у твоего отца белой горячки?» Я ответил на все вопросы, постепенно приходя в ярость, тем более что жажда выпить кружку пива достигла апогея. После описания самого себя — рост, вес, цвет глаз — я уперся своими глазами прямо в бармена. Наверное, в моем лице было что-то не совсем обычное, потому что он схватил формуляр, выбежал из зала и... быстро вернулся.

— Это стоит доллар, мистер... — залепетал он.

Я достал из кармана деньги и передал ему. Он тут же исчез.

Через четверть часа он появился с чем-то вроде маленькой легитимации в одной руке и... бутылкой пива в другой.

Я жадно пил то, чего мне так долго не давали, и через пену над бокалом одним глазом читал документ, обязательный в дистрикте Трук: *Alcoholic Beverage Con-*

sumption Identification Card. Temporary Permit nr... дата выдачи... срок действия один месяц. Дальше следовала фамилия, адрес (Варшава, Польша), гражданство, возраст, рост, вес... Пиво уже кончилось, а я все читал. На моем «пропуске в бар» стояла подпись шефа полиции.

За второй бутылкой некрепкого, но вкусного пива я задумался. Все это смешно, конечно, но зачем нужны эти ограничения? Что за этим скрывается? На следующее утро я получил некоторое объяснение от мистера Сиалеса.

Оказывается, под этим запретом скрывались глубокие социальные корни — острова Трук не нуждаются в рабочих руках. Я сам наблюдал за группами молодых мужчин, которые целыми днями слонялись без дела. Проблема стоит настолько остро, что администрация вынуждена идти на крайние меры — разрешать продажу более крепких напитков лишь по особым официальным документам, т. е. уже по известным «идентификацион кард». Вероятно, власти опасаются, что праздношатающиеся молодые люди, перебрав немного пива, могут учинить большие неприятности. Такое разрешение обязаны иметь при себе и все приезжающие сюда иностранцы.

Похоже, что в прежние времена островитянам жилось гораздо лучше. Они без ограничений попивали свой любимый *кава*, да и продуктов питания у них было в изобилии. Благодаря Кубари нам известен также тот факт, что на архипелаге Трук — в противоположность другим островам Микронезии — земледелием занимались только мужчины, тогда как в других местах — исключительно женщины. Из 100 островов и островков, составляющих дистрикт, заселена была лишь половина (так же, как сейчас); остальные представляли собой огороды или кокосовые плантации и своего рода свиноводческие фермы.

В настоящее время все здесь изменилось к худшему. Большая плотность населения, запустение земель заставляют администрацию дистрикта импортировать продукты питания. Таким образом, с одной стороны, излишек рабочих рук, с другой — отсутствие перспектив, например, для рыболовства, которое процветало перед второй мировой войной. Доходы от расширяющегося туризма лишь в малой части попадают в руки островитян.

У архипелага Трук интересная история. Она отражена в легендах и устных преданиях, созданных задол-

го до появления здесь первого белого человека. В 1565 г., вероятно, им стал Алонзо де Ареллано. Из этих историй следует, что предки жителей Трука прибыли сюда с маленького островка Кусаие, расположенного на несколько сот миль восточнее лагуны Трука. Этот затерявшийся в Тихом океане архипелаг был практически неизвестен европейцам до начала XIX в., когда здесь появилось судно Дублона (1814 г.). Позже к берегам этих островов причаливали суда многих мореплавателей, а среди них в 1824 г. и француз Дюпре. Потом сюда прибыл сам Дюмон-Дюрвиль. Совершая длительное путешествие, он завернул в эти места и имел много неприятностей с жителями Трука, нападавшими на его матросов. Много лет спустя великий первооткрыватель опубликовал свои довольно скудные сведения о Труке. Так что Европа обязана знаниями об этом архипелаге прежде всего Я. Кубари, который начал писать о нем с 1881 г. Ученый провел на островах свыше 14 месяцев (1878—1879). Нельзя также забывать и о его исследованиях, проводимых на островах Мортлок (теперь они находятся в составе территории Трука). Даже всегда недоброжелательно относящийся к Кубари немецкий этнограф Отто Финш вынужден был признать: «Сведениями об островах Трук мы обязаны прежде всего Я. Кубари...»

Давайте и мы обратимся к первым исследованиям Кубари (теперь уже неповторимым), которые касались, например, такой привлекательной темы, как женщины архипелага Трук:

«...Девушка обычно живет с матерью или ее сестрами и очень рано начинает работать: уже 7—8-летние девочки помогают взрослым женщинам собирать на берегу мелкую рыбу и моллюсков. Этим они заняты каждый день, а часто и по ночам, что составляет их первоочередную постоянную обязанность, к которой добавляется еще изготовление *тапы* и плетение сетей для ловли рыбы.

С момента наступления половой зрелости для молодой девушки начинается новый период жизни — она становится *феапун*. Ее наряжают, родственники подносят ей дары. В родительском доме девушке устраиваются публичные смотрины: сидя на циновке, девушка принимает визиты друзей и соседей. Таким образом, теперь все знают, что она готова к замужеству.

Вследствие особенностей племенной организации отно-

шения между полами сформировались весьма своеобразно. Мужчины идут искать общества женщин в соседние деревни, а женщин, которым запрещается покидать родные места, навещают мужчины из других деревень. Сохранение таких любовных отношений играет здесь огромную роль и составляет занятие почти исключительно молодежи. Когда старшие и женатые люди работают или отдыхают, молодежь ищет любовных приключений...»

Большую роль в этих ночных приключениях играли *фелаи* — «любовные трости». Они были и среди экспонатов, собранных Кубари, но многие ученые мужи в музеях Европы приняли их за оружие. Это тонкие, покрытые узором палочки, длина которых не превышала метра. Если даже и признать *фелаи* оружием, то это было всего-навсего оружие амура.

Впервые я увидел «любовные трости» в магазине, откуда одна молодая японка вынесла целую связку *фелаи*. Мне стало интересно, как же употреблялись эти «любовные трости», ставшие теперь предметом массовой продукции для туристов. Способ оказался весьма простым. Влюбленный юноша, желая под покровом ночи встретиться с избранницей сердца, подкрадывался к хижине и сквозь тонкую, сплетенную из циновки стенку просовывал свою резную трость. Проще говоря, *фелаи* благодаря индивидуальному резному рисунку, сделанному именно для этого юноши, служил ему настоящей... визитной карточкой. Разбуженная девушка ощупывала рукой рисунок и могла безошибочно установить, кто предлагал ей руку и сердце — местный «Стах» или «Анек». Установив личность поклонника, она решала, отправляться ей в условленное заранее место свидания или нет. Молодой человек был тоже огражден от ошибки: ведь никто, кроме них двоих, не знал условленного места свидания. Существовала целая система переговоров с помощью трости, которой пользовались любовники. Если она втягивалась внутрь хижины до отказа, это означало, что девушка согласна на свидание, если трость выталкивали назад — отказ. Шифр *фелаи* был разнообразен, и различные движения тростью означали: либо «приходи попозже, когда заснет мама», либо «выйду на рассвете» и т. д. Так или иначе, но система *фелаи*, вероятно, действовала безотказно, раз сохранилась до наших дней, а население острова... все увеличивается.

Однако вот что пишет об этом Кубари, первый этнограф островов Трук:

«...Желая заполучить девушку в жены, мужчина должен придерживаться следующих правил: предварительно договорившись с возлюбленной, он просит ее отца принять его. Затем он приходит в дом девушки с подарками и без дальнейших церемоний и обрядов остается там жить до тех пор, пока эти отношения ей нравятся. Во время своего пребывания в доме жены он должен ее содержать, а если его деревня находится поблизости, то время от времени он забирает ее с собой и живет там некоторое время. Иногда такой образ жизни супружеской пары способствует более тесной связи соседних деревень».

И далее:

«...Обычно вождь имеет много жен. Они живут все вместе в его доме. Более молодые мужчины тоже могут иметь несколько жен, но те живут отдельно, в своих родных деревнях, и муж обязан их всех содержать и навещать. Многоженство пользуется всеобщим уважением и придает мужчине вес, но оно возможно только для богатых...

Внешне супруги не проявляют по отношению друг к другу никакой нежности. Проявление ее считается непристойным. Однако часто супруги глубоко привязаны друг к другу и хранят память после смерти. Вождь острова Этен, на котором я прожил несколько месяцев, продал мне скелеты трех своих умерших жен. При виде одного из черепов, которые он хранил в дымоходе очага, он стал превозносить достоинства покойной, которая была его любимой женой».

Как видим, Кубари был энтузиастом и при сборе экспонатов не останавливался ни перед чем, случалось даже, что он вносил своего рода переполох в жизнь островитян, что следует из дальнейших строк его статьи:

«...Вообще местные жители почитают останки дорогих им покойников. Лимит, вождь из Сопоре на острове Фифан, — старик лет 70. Однажды я прибыл в его деревню. Он сказал мне, что его жена умерла много лет назад и тело ее похоронено неподалеку от его дома. Узнав о моих остеологических приобретениях, бедолага так испугался за кости своей жены, что тотчас сделал вид, будто собирается в морскую поездку на Нему. В действительности же он решил бросить прах возлюбленной в морские волны...»

Далее он пишет о погребальных обрядах островитян:

«...Тела покойных или топят в море, или хоронят на суше. Способ захоронения зависит от воли вождя, который, в свою очередь, руководствуется положением умершего в племени.

Похоронить в море считается более надежным, так как во время войн в случае победы враг не только уничтожает живых, но и глумится над могилами побежденных. К телу покойника, тщательно умащенному куркумой, одетому в торжественный наряд и завернутому в циновку, привязывают камни и затем бросают в море.

У аборигенов нет твердых погребальных обычаев, так что действия в каждом конкретном случае зависят не только от лиц, участвующих в обрядах, но и от местных условий. Одни племена предпочитают захоранивать своих покойников в море, другие — в прибрежном песке, а третьи — на вершинах холмов. Иногда тело усопшего оставляют на высокой скале на необитаемом острове.

В случае смерти вождя его тело торжественно выставляют на обозрение и все соседи приносят посмертные подарки, которые складываются возле покойного. Затем они становятся собственностью родственников умершего вождя. В деревне в течение нескольких месяцев траур, во время которого в деревню запрещено входить посторонним людям. В случае смерти рядового жителя траур короче. Плоды, накопившиеся за это время, считаются собственностью осиротевшей семьи. Несмотря на то что внешне родственные связи выражены слабо, лица, которых смерть земляка касается непосредственно, открыто демонстрируют свое горе. Так, вдова обычно сидит или чаще всего несколько недель лежит в доме. При этом она беспрестанно и громко плачет, причем голова ее покрыта куском материи, чтобы не видеть людей. Она добровольно голодает. Родственники всячески проявляют свою печаль и постоянно вполголоса повторяют имя умершего...»

Кубари увековечил обычаи жителей Трука не только пером — он запечатлел их на фотоснимках. Между прочим, на его снимках мужчины этого архипелага предстают перед нами в удивительных накидках, на редкость похожих на южноамериканские пончо. Он фотографировал также и женские костюмы, великолепно выделанные из лыка гибискуса. Это были главным об-

разом узорчатые юбки. Изделия с этих островов составляли важнейшую статью межостровной торговли.

По сообщению Кубари, жители лагуны Трука вообще не знали права собственности и жили своеобразной «коммуной». Например, если один строил лодку, его сосед без смущения отправлялся на ней на рыбную ловлю, не спрося у хозяина на это разрешения. Однако и строитель лодки, в свою очередь, не говоря «спасибо», съедал часть пойманной рыбы.

Многое мы узнаем от Кубари о куркуме, игравшей значительную роль в жизни островного общества. Исследователь различал две основные ее функции: она служила в качестве красителя одежды, а также употреблялась при раскрашивании тела. Вторым ее существенным достоинством была способность защищать от moskitov и холода. Поэтому клубень куркумы растирали куском коралла, затем полученную массу заливали водой. Образовавшийся осадок скатывали в виде лепешек, сушили и таким образом придавали им черты обменного товара и даже денег, которые назывались *таик*.

Кубари описывает также маски с Трука двух типов: женские и мужские, которые, как считал исследователь, были магическими предметами и хранили от ран на войне, от тайфуна, злых духов и болезней. Местный кооператив налаживает массовое производство этих масок в миниатюре наряду с «любовными тростями» и продает их толпам пассажиров с реактивных самолетов. При этом жители Трука получают вполне нормальные американские доллары, а не таики из куркумы, как их почтенные предки.

Мабуци

Мистер Сиалес любезно прислал за мной машину и водителя, поэтому в тот день я мог отправиться на «покорение» Моэна. Остров похож на равнобедренный треугольник со сторонами 8—10 километров. По углам «треугольника» расположены: старый маяк, построенный еще японцами, отель «Континенталь» и аэродром, поблизости от которого возвышается самая высокая гора острова — Тонахав. Местный Эверест поднимается почти на 400 метров. На южном берегу дороги не было, так что объехать весь остров не представлялось возмож-

ным. От «Марамара» я мог поехать только на юг, т. е. к отелю «Континенталь», или на восток — по направлению к маяку. Я, конечно, выбрал последнее направление.

Дорога была вполне сносной, а 400 метров горного склона Тонахава выглядели довольно живописно. Крутые откосы горы покрыты девственным тропическим лесом и очень декоративны. Первая крупная деревня, встретившаяся на нашем пути, — Тунок. Она ничем не напоминала те поселения островитян, которые здесь увидел Я. Кубари. Перед нами стояли стандартные домики с жестяными крышами и толстыми «противотайфунными» стенами, которые исключают использование «любовных тростей». Современная архитектура домиков совсем не располагала к романтическому уходуванию. В центре деревни возвышалась католическая церковь и двухэтажный дом приходского священника. Все сооружения выкрашены куркумой в ярко-оранжевый цвет.

Берега острова, вдоль которых вела мощенная красным щебнем дорога, были ничем не примечательны. Прибрежные воды, поросшие тростником и мангром, усеянные едва прикрытыми рифами, выглядели печально, тем более что их не оживляла ни одна лодка под парусом, а возле самого берега увязли в песке несколько небольших каноэ. Сомнительное украшение побережья — узкие и длинные мостки вдавались далеко в море. В конце каждого стояла какая-то жалкая будка. Подобные постройки я уже видел на Самоа и ничуть не сомневался в том, что это уборные, усердно внедряемые санитарными властями. Возможно, они вполне соответствовали стандартам гигиены, но тут не соблюдались принципы безопасности. Во всяком случае, я не решился бы воспользоваться этими удобствами в безлунную ночь.

Где-то поблизости от бухты Номенук, недалеко от устья маленькой речки, водитель предложил мне осмотреть живописный водопад. Посмотрев на реку, я понял, что ничего интересного меня не ждет, и не ошибся. С горы небольшой струйкой стекала вода — ничего общего с Ниагарским водопадом.

Дорога все круче поднималась вверх, открывая прекрасный вид на лагуну. Мы преодолели еще несколько сот метров зарослей, и вездеход оказался на вершине пологого холма. Нашему взору предстала довольно

странная постройка — воздвигнутый в соответствии с лучшими достижениями инженерного искусства двухэтажный бункер с толстыми железными ставнями и стальными дверьми, напоминающими банковский сейф, уместный на Уолл-стрит, а не на райском острове в центре Тихого океана. Статуя св. Франциска Ксаверия на фоне этой красоты еще больше запутывала дело. Интересно, что же общего с японским бункером у этого иезуита, забальзамированные останки которого я недавно осмотрел в мертвом городе бывшей португальской провинции Гоа?

Ответ на мой вопрос отчасти дала помещенная здесь же табличка с надписью «Xavier High School». Оказывается, это здание иезуитской гимназии св. Франциска Ксаверия. Непонятно, почему она расположена в форте?

Несколько десятков мальчиков выбежали на открытую площадку перед бетонным монстром. Ребята вели себя так же, как и их ровесники в Европе: они бегали, кричали, смеялись. Один из воспитателей гимназии охотно рассказал мне:

— Видите ли, мистер, в тысяча девятьсот сороковом году японцы построили этот комплекс, уничтожив католическую миссию иезуитов. По окончании войны миссионеры до тех пор писали в Вашингтон, пока в тысяча девятьсот пятьдесят втором году, то есть через семь лет после окончания военных действий, за ними не было признано право собственности на землю и построенные на ней здания. После переоборудования иезуиты решили отдать эту крепость под школу.

— Сколько же в гимназии учеников?

— Более ста человек.

— Эта гимназия типа интерната?

— Разумеется. Наши ученики родом с Каролинских и Маршалловых островов. Мистер, не хотите ли подробнее осмотреть гимназию?

Я с удовольствием согласился: постройку, которая во время войны считалась суперсекретной, не каждый день увидишь. Первым ощущением при входе в помещение была приятная прохлада. Толстые стены блестяще решали проблему охлаждения воздуха. Приветливый хозяин повел меня сначала на крышу здания.

— У вас под ногами около полутора метров железобетона. А здесь вы видите единственный след от действий бомбардировщиков, много раз атаковавших это строение. Сюда попала пятисотфунтовая бомба.

Серьезных повреждений было не видно: углубление сантиметров на 20 и немного обнаженной стальной брони. Действительно, эта крепость оказалась неуязвимой для американских бомб.

Мы спустились вниз и увидели широкие коридоры и тяжелые стальные двери с заклепками: мощный центр радиосвязи, который японцы называли «Мабуци». Там, где когда-то радиотелеграфисты, не поднимая головы, отбивали срочные донесения, сейчас микронезийские мальчишки завтракают и обедают. В бывших апартаментах адмирала с давно уже не действующей ванной разместилась дирекция школы. Помещения для офицеров используются под спальни для мальчиков. Мабуци, наверное, одно из немногих военных сооружений на Тихом океане, нашедших полезное применение.

Я с удивлением узнал, что в программу здешней гимназии входит латинский язык (молодые люди знают наизусть речи Цицерона и Цезаря), а также демонстрация учебных фильмов. У мальчиков есть свой театр. В тот момент они с увлечением готовили спектакль по пьесе Шекспира «Венецианский купец», в котором костюмы были выдержаны в стиле эпохи. Чем не Итон в Микронезии!

— Есть ли у вас трудности в воспитании и какие? — поинтересовался я.

— В общем такие же, как и повсюду, — драки, иногда случаи пьянства. Мы стараемся воздействовать на учеников уроками труда и находим для них множество дополнительных занятий: они работают каменщиками, малярами. Мы ремонтируем, обновляем, ухаживаем за газонами и подстригаем кустарник. Ребята неплохие, способные, учатся охотно.

Прозвенел звонок. Ученики вернулись в классы. За ближайшей четвертьметровой толщины бронированной дверью начался урок тригонометрии.

Я обошел вокруг гимназии еще раз. Во время войны здесь стояли три радиомачты, теперь осталась одна. За послевоенные годы возле здания разрослась целая роща банановых и хлебных деревьев, но крепость возвышалась среди пышной зелени словно зловещий призрак жестокой войны. На месте некоторых амбразур были сделаны окна, но остальные — множество узких прорезей — по-прежнему снабжены стальными ставнями. Под крышей — толстый бетонный навес, предохранявший амбразуры от попадания в них осколков. Вероятно, Ма-

буци еще долго простоят на этом маленьком, в несколько десятков километров, островке, являя собой памятник военному безумию, которое докатилось даже сюда, на этот оторванный от мира клочок суши.

В соответствии с моей программой после посещения гимназии св. Франциска Ксаверия я отправился в близлежащую деревню Сапук, откуда по тропинке можно добраться до маяка, построенного еще японцами. Возле дороги стоит — иначе и быть не могло — свежеевыкрашенная японская зенитка. Проходя мимо, я увидел группу японцев, которые самозабвенно фотографировались на ее фоне. От маяка открывался чудесный вид на остров Дублон и на западную низинную часть острова. В двух десятках миль отсюда возвышался Маттерхорн, или высочайшая гора архипелага на острове Тол (426 метров над уровнем моря), притягивающая к себе живописные облака и темные дождевые тучи. На расстоянии нескольких миль к востоку был ясно виден коралловый барьер, окружающий лагуну, а также один из четырех глубоководных проходов, так называемый Северо-Восточный. Через него в гавань Мозна заходили самые крупные военные корабли.

Здесь, на мысе у маяка, кончался остров. Если пользоваться машиной и дальше, то надо возвращаться той же дорогой. Поэтому мы решили объехать гору Тонахав с противоположной стороны, после чего оказались возле строений, занимаемых администрацией дистрикта, миновали здание красивой современной больницы и подъехали к филиалу «Бэнк оф Амэрика», разместившемуся в бараке из ржавой жести. Оказывается, банкиры не всегда купаются в деньгах.

Дорога по другую сторону горы снова привела к отелю, откуда резкий поворот влево позволил двигаться вдоль берега. Теперь лагуна была справа. Мы проехали порт, знакомый мне по экскурсии на «Фуджикава Мару», затем миновали деревню Мван, которую протестантская миссия украсила церковью, а также гимназией, где совместно учатся мальчики и девочки. Стало ясно, что на Тихом океане соперничество между различными церквями продолжается. Как я понял, на Мозне оно не приобрело пока таких карикатурных форм, как, например, на Новых Гебридах, где на одном острове я нашел целых восемь различных миссий, неприемлемо враждующих между собой за души овец, заблудших в язычестве (или других верованиях).

В XIX в. эти проблемы в Микронезии выглядели значительно сложнее; во время войн, которые вели между собой островитяне, миссионеры поддерживали одну из сторон. Обычно они помогали свежее обращенным душам. При участии белых войны приобретали более жестокий и кровопролитный характер. Такая война на острове Тарава известна довольно широко. В ее ходе было убито 30 островитян. Сверх меры усердные миссионеры праздновали тогда «блестящую победу христиан над язычниками».

Вездеход катил по твердой дороге мимо стандартных домиков, превосходящих по своей уродливости все, что можно было увидеть в архитектуре острова. В какие-то мгновения меня охватывала тоска по пальмовым крышам и изящным домикам на сваях. Что ж, здесь, на острове, так называемая «цивилизация» одержала победу — минувшая война смела с лица земли все прежние постройки. Победой цивилизации можно назвать и весь комплекс отеля «Континенталь» с прекрасным пляжем, газонами, пристанью и неплохим рестораном, отделанным — о диво! — в островном стиле.

В этом уютном помещении с охлажденным воздухом я сразу же воспользовался своей «идентификационной картой», которая обошлась мне так дорого.

— Хэлло, Ян, — услышал я голос Майка Ашмана, одного из прavitельственных чиновников, с которым я познакомился еще на Сайпане. — Рад тебя видеть. Ну, как тебе понравился Тиниан?

— Прекрасная поездка, Майк! Может, у тебя есть и другие предложения? — поинтересовался я.

— Может, и будут. А вот познакомься, пожалуйста, с Джином Хессингом, генеральным директором «Эйр Майк». Завтра мы вместе летим на Сайпан. Поговори с ним...

— «Эйр Майк»? Это что — твоя собственная линия? Я и не знал, что ты такой богач...

— Не смейся над бедным чиновником государственной службы. «Эйр Майк» — это сокращенное от «Эйр Микронезия». Джин руководит этим предприятием.

Джин, как и большинство бизнесменов, оказался энергичным, немного болтливым человеком. Он кратко познакомил меня с историей своей жизни. Джин объяснил мне, что «Эйр Микронезия» — корпорация, созданная американскими авиалиниями «Континенталь», гавайской «Алоха Эйрлайнс» и капиталом «Юнайтед

Микронезия дэвэлопмэн ассошиэйшн». Предприятие владеет небольшим воздушным флотом, существует с 1968 г., обслуживает межостровные перевозки и обеспечивает прежде всего связь с Гонолулу. С 1975 г. все рейсы стали обслуживаться реактивными самолетами.

— Мы перевозим свыше ста пятидесяти тысяч пассажиров в год и обеспечиваем около пяти миллионов тоннмиль. У нас занято...

— Джин, ты надоел ему, — вмешался Майк. — Лучше послушай, что я ему посоветую. Он уже видел Гуам, Сайпан и даже побывал в этих краях. Теперь ему надо посетить Майуро!

— Золотые слова! — воскликнул Джин и больше не проявил ни малейшего интереса к моим предполагаемым поездкам, сосредоточившись на аппетитной порции тунца, которую принес официант.

Разговор зашел о различных блюдах. Пользуясь случаем, я попытался узнать побольше о традиционных кушаньях островитян.

— Таро и ямс, — не задумываясь сказал Джин. — Уже наш предшественник на тихоокеанской линии Магеллан записал, что островитяне питаются плодами, богатыми крахмалом, удивительными фруктами и рыбой. Таро и ямс до сих пор считаются на наших островах престижной пищей. За прошедшие столетия ничего не изменилось, и, кажется, только банки с консервами положат этому конец.

— Это правда, — вмешался Ашман. — На Понапе, куда ты собираешься, существует что-то вроде состязаний по выращиванию корня ямса. Тамошняя почва позволяет добиваться невероятных результатов. Величина корня измеряется количеством людей, которые могут его унести на приспособлении, похожем на деревянную лестницу. Я сам видел такие корни «человек на десять», и весили они более двухсот фунтов, но ходят слухи, что раньше попадались и такие, которые могли поднять тридцать пять человек. Настоящие гиганты!

— И я слышал об этом, — не сдавался Джин. — Здесь, на островах Трук, еще жив древний обычай, который можно было бы назвать «состязанием желудков». Каждая родовая группа старается вырастить как можно больше продуктов питания. Состязющиеся работают не покладая рук многие недели подряд. В назначенный день продукты тщательно оцениваются и объявляется победитель. Все, конечно, завершается общим пиром,

причем каждая «воюющая сторона» старается съесть все продукты, выставленные «противником». Обычно это сделать невозможно, и тогда «болельщики», т. е. вся деревня, тоже набрасываются на горы пищи.

Короче говоря, богатые крахмалом, витаминами и минеральными солями корни таро (а возделывается это растение на влажных почвах) до сих пор остаются основой благосостояния в Микронезии, особенно на тех островах, где нет аэродромов, способных принять реактивные самолеты «Континентала».

— Интересно, являются ли плоды кокосовых пальм также важным продуктом питания у островитян? — спросил я.

— Конечно, это так, кокосовые орехи просто бесценны на так называемых «сухих атоллах», потому что там они — единственный источник питья. Гибель пальм из-за тайфуна или цунами означает смерть для жителей такого атолла.

— А есть ли еще какие-нибудь блюда, типичные для этих островов?

— Лично мне, — отозвался Джин, медленно прожевывая кусок тунца, — случилось попробовать два таких блюда: летучую мышь в кокосовом соусе на Сайпане, одна порция — двадцать долларов, и жареную собаку (на Восточных Каролинах считается деликатесом). Эти животные появились здесь сравнительно недавно — их завезли сюда первые европейцы.

Майк так и не назвал ни одного экзотического блюда, но, немного подумав, рассказал о плодах хлебного дерева:

— Как известно, это сезонный плод даже на островах Тихого океана. Поэтому древние островитяне, которые часто совершали морские путешествия, придумали несколько способов его хранения. Полинезийский способ, известный на атолле Капингамаранги, состоит в том, что сушат мякоть этого плода — ее раскладывают на солнце в виде огромных блинов. Высушив, их свертывают в трубочки и таким образом хранят долгое время. Некоторые островитяне часами вымачивают плоды хлебного дерева в океане, а затем закапывают в погреб. В результате получается вонючая, перебродившая масса под названием *магр*, которая может храниться сколько угодно. Считается, что магр, так же как и коньяк, чем старше, тем лучше. Вся масса перебродившего в погребе плода датируется по самой давнишней

порции: чем старше магр, тем выше честь семьи. На По-напе есть погреба, в которых хранится магр 70—80-летней давности. Должен признаться, я сам никогда не пробовал это блюдо.

Джин молча прослушал лекцию Майка, а затем, чтобы последнее слово все-таки осталось за ним (с пивом и тунцом было давно покончено), рассказал о настоящих мужчинах с Япа:

— С давних времен на Япе существовало много обычаев и табу, связанных с едой. Некоторые из них строго соблюдаются и в наши дни. Например, земельный надел делится на части: на одной выращиваются продукты, идущие в пищу мужчины, на другой — продукты для жены и детей. Пойманная рыба также доставляется отдельно для мужчины и отдельно для членов его семьи. И уж конечно, недопустимо пользоваться общей посудой. Мужчина никогда не станет есть из горшка, в котором готовилась пища для женщин. Считается, что это может вызвать тяжелую болезнь. Прежде существовало множество обычаев, в соответствии с которыми должен был питаться «благородный» житель Япа; для простолюдинов существовали другие правила. В старину «благородный» житель Япа избегал есть за пределами своей деревни из опасения, что блюда могли быть приготовлены не в соответствии с его рангом. Но скорее всего причиной тому являлся страх быть отравленным, так как в те времена на Япе были в ходу и такие коварные способы ведения войн.

Наступил день моего отъезда. Я прибыл в аэропорт к назначенному времени. Человеческих скелетов я с собой не вез, но из моей ручной сумки торчали «любвные трости» — сувенир необычный, но абсолютно бесполезный в варшавских жилых корпусах с железобетонными стенами.

Примерно в назначенное время в воздухе раздался гул мотора, но вместо изящного «Боинга-727» в небе появился летающий вагон — четырехмоторный «Геркулес» с американскими опознавательными знаками. Гигантские размеры машины резко противоречили здешнему островному миру. Приземление чудовища было зрелищем захватывающим. Не знаю, что за дела у огромного военного самолета на микроскопическом острове, но случай сделать несколько снимков подвернулся отлич-

ный. Военные и их самолет внесли на аэродром большое смятение, которое еще продолжалось, когда опустилась рейсовая машина. Мы ждали, когда все придет в порядок. Вместе с пассажирами ожидали наши пилоты.

Я представился командиру корабля, который должен был сесть за штурвал нашего самолета, и спросил его:

— Скажите, как вам здесь работаете? И главное — как удастся посадить самолет на такой крошечный аэродром?

— Ли Майнорс, — услышал я в ответ. — Вы случайно не летчик?

— Нет, я просто любитель книг о летчиках, — ответил я.

— В таком случае не будем входить в технические детали. Без преувеличения могу сказать: здесь можно стать поэтом. Я нисколько не шучу. Послушайте, что я вам скажу: Микронезия — это последний клочок земли на белом свете, где водить пассажирский самолет — истинное удовольствие!

— В чем же оно состоит?

— Нет этих дурацких огней, нет заумных диспетчеров, зато есть пространство, воздух, свобода. Летишь... из пустоты океана возникает крошечная точка — островок! Садись! После первого, второго, третьего захода, как тебе нравится!

— Конечно, это довольно заманчиво, но все-таки посадка на этих крошечных аэродромах...

— Наверное, вы правы, но меня неплохо вышколили. Я десятки раз садился на еще меньшем клочке, каким была палуба почтенного авианосца «Хорнет». К тому же посадочная полоса подо мной качалась... Извините, меня, кажется, зовут...

Действительно, возле машины стоял какой-то человек и подавал ему знаки. Командир подошел к нему и стал что-то обсуждать, а тем временем открылся огромный грузовой люк в оранжевой машине — я никогда не видел такого огромного проема, занимавшего не менее четверти борта самолета. Началась погрузка громадных ящиков.

Авиационное сообщение на этих разбросанных в океане островах — вещь необходимая, жаль только, что она приносит с собой «вирус» цивилизации, который подтачивает обычаи островитян.

— На борту самолета вас приветствует Ли Майнорс — командир корабля, — услышали мы сразу после

старта. — Мы направляемся на Понапе, высота... полет будет продолжаться... Специально для вас мы сделаем еще один круг над островом. Посмотрите, овальное пятно внизу — это остов японского судна «Фуджикава Мару».

Я посмотрел в круглый иллюминатор — Моэн. Вон та точка — маяк, а серая коробочка — Мабуци. Вот и синий овал «Фуджикава Мару», и островок Фефан, напоминающий по форме человеческую стопу. На Дублоне я увидел даже пальму, под которой сидел, любуясь летающими рыбками. Может быть, командир прав? Видимо, здесь и впрямь нетрудно стать поэтом.

Улетая на запад, я совсем другими глазами смотрел с высоты на несколько клочков суши, замкнутых в коралловое кольцо лагуны. Какой-то пассажир громко сказал, что в этом огромном кольце легко поместились бы все острова Микронезии. Наверное, это так. Но как вместить в него все проблемы, волнующие жителей островов?

ЛЮДИ И АТОЛЛЫ

Люди, населявшие нашу планету, впервые по-настоящему узнали о существовании Микронезии в середине XX в. Впрочем, далеко не каждый отдавал себе отчет в том, что такое Микронезия, но дети, старики и женщины повторяли слова «Бикини» и «Эниветок», так как на этих забытых богом атоллах провели первые испытания атомных бомб, которые якобы должны были обеспечить людям применение ядерной энергии в мирных целях. К сожалению, сразу же выяснилось, что экспериментаторов интересует не только этот аспект при испытаниях. Тем не менее в то время слово «Бикини» стало настолько популярным, что даже проникло в область женской моды — так стал называться весьма смелый купальный костюм.

Вслед за Бикини постепенно и вся Микронезия возникла из океана незнания и привлекла внимание людей, вечно жаждущих новых впечатлений и приключений. В наши дни, когда люди одержимы страстью к передвижению, увлечены путешествиями, эти затерянные в океане кусочки суши или коралловых скал стали привлекать сонмы туристов из разных стран. Об изумрудных холмах Палау и Понапе, резном побережье Сайпана, шелковистых пляжах атоллов Микронезии узнавало все больше и больше людей. Интерес к этим разбросанным в океане двум тысячам островов все возрастал. Нашлись любознательные люди, которые воссоздали историю этих крупиц суши, начиная с времен Магеллана и кончая второй мировой войной; ученые заинтересовались языковым строем отдельных групп островитян. Археологи, этнографы, зоологи со временем сделали много сенсационных открытий. До сих пор, однако, не найден ответ на вопросы: как возникла Микронезия? Как попали туда люди? На этот счет существуют разные гипотезы, но достоверных данных нет.

Острова и надгробия

В книге «Древние путешественники в Тихом океане» новозеландский историк Эндрью Шарп писал, что острова Океании — это «множество миров в себе, миров недоступных, которые могли быть открыты только в ходе случайных миграций»²¹. В свою очередь, выдающийся знаток полинезийской культуры Те Ранги Хироа в книге «Мореплаватели солнечного восхода» отмечал, что освоение тихоокеанских островов происходило в результате запланированных и хорошо подготовленных исследовательских экспедиций полинезийцев.

Более или менее промежуточную позицию в освещении истории заселения островов Тихого океана выдвигает советский океанограф Н. Зубов. По его мнению, оно начиналось из Азии, но не океанским путем, а по цепям островов, которые в настоящее время находятся под поверхностью океана. Н. Зубов подтверждает свою теорию существованием между Гавайскими и Маршалловыми островами *гайотов*, т. е. подводных островов с плоскими вершинами. Новейшие океанографические исследования позволили составить подробные карты подводных гор, образующих так называемый Главный Тихоокеанский хребет. Таким образом, в настоящее время считается доказанным, что в отдаленные времена Маршалловы и Гавайские острова были связаны цепью мелких островов, которые некоторыми учеными назывались Гайотидой.

Слабой стороной теории Гайотиды является тот факт, что большинство затонувших островов исчезло под водой несколько миллионов лет назад, т. е. в тот период, когда на них не обитали ни человек, ни даже человекообразная обезьяна. Однако вполне правдоподобно, что часть гайотов погрузилась в океан значительно позже, уже в эпоху *sapiens*. Возможно, в недалеком будущем в результате активного изучения морского дна могут быть найдены бесспорные свидетельства существования предметов материальной культуры на гайотах. В этих изысканиях многое зависит от удачи археологов, которые, возможно, докажут, что их возлюбленная наука — это «археология, вооруженная лопатой и аквалангом».

Гайоты были открыты во время второй мировой вой-

²¹ Кондратов А. Тайны трех океанов. Л., 1971, с. 87.

ны ученым Х. Х. Хессом — он служил офицером на американских судах, оборудованных эхолотами и другими подобными приборами. Характерно, что вершины молодых вулканов, как правило, состоят из пепла и легких вулканических шлаков, а пепел и шлаки, как известно, легко подвергаются воздействию мощных волн океана.

«Пожалуй, самое крупное открытие, сделанное за последние годы океанографией, — писал в книге „Таины трех океанов“ А. Кондратов, — состоит в том, что на дне всех океанов мира высятся подводные хребты общей протяженностью более 60 тысяч километров, что равно „сумме“ всех гор суши!.. Самый крутой, южный склон Гималайских гор достигает 6 тысяч метров. А уступ материкового склона, тянущийся вдоль западного побережья Южной Америки, вместе с примыкающим к нему на суше склоном Анд превышает 12 тысяч метров, т. е. вдвое выше самого высокого склона самых высоких гор! К тому же эти колоссальные склоны тянутся вдоль материков на протяжении тысяч километров, намного превышая протяженность склонов плато и хребтов суши»²².

Начиная с Макмиллана Брауна (Великобритания), многие исследователи склоняются к мнению, что в районе Каролинских островов находился большой материк. Его обитатели создали высокую своеобразную цивилизацию, остатками которой являются монументальные памятники, обнаруженные на многих островах этой области, прежде всего на Понапе и Тиниане. Центр погибшей цивилизации, по мнению Брауна, находился в районе острова Понапе, где были открыты руины мегалитических построек. В своих выводах Браун опирается на точные науки — прежде всего на известный факт, что вся западная часть Тихого океана — беспокойный район земного шара. Здесь то и дело происходят землетрясения — свыше 100 в год на Филиппинских островах, около 500 в Японии и свыше 1000 у берегов Чили! «Можно утверждать, что совсем недавно, отчасти на памяти человечества, Тихий океан значительно увеличился за счет прибрежных частей континентов, которые как бы утонули в нем вместе с хребтами своих молодых гор. Вершины этих последних мы наблюдаем как цепь островов Восточной Азии, — писал советский геолог В. Белоусов. — Лишь по окончании последнего оледене-

²² Там же, с. 21—22.

ния, 10—12 тысячелетий назад, моря на территории Тихого океана — Японское, Охотское, Желтое, Берингово — и прибрежные моря Индонезии приобрели свой теперешний вид. Уровень океана в период оледенения был значительно ниже теперешнего. От острова к острову, от архипелага к архипелагу вели мосты суши, соединяющиеся между собой. Если даже они и не соединяли их в одно целое, то расстояния между островами были, безусловно, намного меньше, чем в настоящее время. По такой цепи островов первооткрыватели Тихого океана могли продвигаться все дальше в его центральные области, заселяя все новые архипелаги».

Таким образом, мы видим, что теорий заселения Тихого океана довольно много. Однако, как правило, хронология геологов не совпадает с хронологией историков. 100 миллионов лет для геологии — величина незначительная, тогда как в представлении историков время исчисляется тысячелетиями. Так, например, некоторые ученые считают, что впервые человек появился на островах Океании не ранее 4—6 тысяч лет назад, в то время как последние существенные изменения коры земного шара произошли после того, как период оледенения закончился, т. е. 120 веков назад. Считается, что *homo sapiens* сформировался лишь в четвертичный период, т. е. его возраст не более миллиона лет. Тем не менее подводная археология района Тихого океана имеет большое будущее. Так, совсем недавно, в 1961 г., на Тихоокеанском конгрессе было сделано сообщение, что на острове Рапануи (остров Пасхи) найден каменный уголь. Это служит бесспорным доказательством того, что в этой части Тихого океана существовал континент.

Как известно, Микронезия состоит из «высоких» и «низких» островов. «Высокие» острова — не что иное, как остатки затонувшего материка, а атоллы — это «надгробия» на вершинах гор, погрузившихся в бездну вод. Существовали ли фрагменты горных хребтов и континентов во времена, когда Микронезия была уже заселена? Пока неизвестно. Конечно, самое лучшее — это организовать многосторонние, широкие исследования, в том числе также и коралловых «построек», которые в зависимости от внешних условий «вырастают» от 17 до 37 метров... за тысячу лет!

Коралловые полипы не способны жить на глубине, превышающей 50—60 метров под уровнем тропических

вод. Эти трудолюбивые кишечнораотовые организмы размером с булавочную головку построили тысячи островов, рифов и атоллов в теплых районах Тихого, Индийского и Атлантического океанов. Полипы построили Большой Барьерный риф, т. е. барьер длиной 2 тысячи километров, шириной 150 километров и высотой 2 километра. Объем этой гигантской постройки в 100 тысяч раз больше, чем знаменитая Великая китайская стена.

Чем больше риф, чем толще коралловая скала, тем старше объект. Первые скважины, пробуренные примерно в 1897—1898 гг. на атолле Фунафути, входящем в состав островов Логунова (Эллис), показали, что толщина кораллов около 300 метров. Впрочем, возможно, она и больше — просто бурили слишком коротким буром.

На печально известном атолле Бикини летом 1947 г. удалось сделать более глубокую скважину — бур прошел на 700—800 метров, а геофизические данные показали, что толщина кораллового слоя на Бикини достигает 1300 метров! Затем при исследовании коралловых образований, из которых состоит атолл Энвевоток, геофизики определили толщину — около 1500 метров. Следовательно, с течением веков атолл погрузился в океан почти на 1500 метров!

По предложению, выдвинутому еще Ч. Дарвином и доказанному впоследствии, коралловые острова являются «памятником, построенным мириадами крошечных архитекторов, чтобы отметить место, где суша была погребена в бездне океана». Однако случается и иначе. Так, на Гавайских островах находят остатки коралловых колоний на склонах высоких гор. На острове Кауаи они обнаружены на высоте 1220 метров! Этот великолепный подоблачный памятник возведен трудолюбивыми полипами при участии Пеле — богини вулканов. До чего же подвижна и тонка оболочка нашей матери-Земли!

«Современного состояния наших знаний о строении земной коры под океанами достаточно лишь для того, чтобы отвергнуть старые и, очевидно, ошибочные гипотезы. К сожалению, эти знания еще слишком скудны, чтобы послужить основой для новых, перспективных гипотез»²³, — писал американский ученый Фрэнсис Шепард, один из основателей теории морей.

²³ Там же, с. 47.

Шутки истории

После плавания Магеллана испанские солдаты и священнослужители стали осторожно обращаться Гуам, Тайпан и Сайпан в «набожные» пустыни. Остальная часть Марианского архипелага, Каролинские и Маршалловы острова были оставлены на произвол судьбы, причем следует помнить, что Каролинский архипелаг теоретически всегда принадлежал испанской короне в соответствии с разделом мира, закрепленным Тордесильясским договором в 1494 г. Несмотря на это, испанцы не прикладывали особых усилий для колонизации Каролинских островов вплоть до XIX в., когда слишком пристальный интерес к испанским владениям, проявленный другими державами, явился для них предостережением. Однако даже тогда Испания не позаботилась о Маршалловых островах, группе плоских, рассеянных атоллов. Собственно, на этот архипелаг никто не претендовал, пока немецкие торговцы не склонили свое правительство на установление там в 1885 г. протектората. До этого острова теперешней Микронезии от Палау до Майюро не были защищены какими-либо законами.

Такое положение вещей создавало идеальные условия для деятельности всякого рода бродяг, авантюристов, скрывающихся от закона, и... китобоев. Команды этих кораблей охотно навещали укромные лагуны Маршалловых островов, уверенные, что никакая власть не помешает их «развлечениям» на суше и разбою на море. Таким образом, Маршалловы острова получили солидную порцию бед и болезней. Наряду с ними соседние Кусаие и Понапе, известные как «высокие» и, следовательно, более заселенные острова, международная банда негодяев считала особо привлекательными. Нашествие китобоев продолжалось до 1860 г., когда основной промысел переместился в северо-западные районы Тихого океана.

Наиболее прочно внедрились здесь торговцы, в основном немецкие. Они поставляли наиболее воинственным вождям Маршалловых островов оружие. В результате на архипелаге участились и ожесточились междоусобные войны. На практике в этих сражениях побеждали лишь белые пришельцы. Вследствие войн между островитянами и благодаря различным другим уловкам разбойники-торговцы создавали для себя настоящие империи, которые приносили им огромные доходы.

Впервые крупный захват земель аборигенов на Маршалловых островах совершила крупная немецкая торговая фирма «Ялуит компани». Ее официально поддержало правительство Германии, установившее протекторат. Правительство способствовало заключению торговых «договоров» с островитянами, что ставило последних во все большую экономическую зависимость. Эти мероприятия носили неприкрыто колониальный характер. Однако следует отметить, что в своих действиях на Маршалловых островах администрацию занимала прежде всего экономическая сторона дела: если обычаи островитян и их право собственности не мешали торговле и производству копры — они оставались в неприкосновенности. Немецкие чиновники и агенты работали в «Ялуит компани» и в своей административной деятельности опирались преимущественно на предводителей и вождей атоллов.

Традиции и обычаи жителей Маршалловых островов пострадали значительно больше как от американских миссионеров из «Бостон мишн», обративших почти половину жителей в протестантство, так и от иезуитов, пустившихся, в свою очередь, «в погоню за душами». Миссионеры «Бостон мишн» появились на территории теперешнего дистрикта Понапе около 1850 г. и достигли значительных успехов в насаждении своей веры. Еще немного — и Каролинские острова как страна с протестантским населением уже в то время могли оказаться под «опекой» Соединенных Штатов Америки. Однако Испания, скорее всего не без участия церкви, вспомнила о своих заброшенных подданных и выслала на Понапе гарнизон. Солдаты нашли на острове истинное царство протестантства. Прибывшие с войсками католические священники пришли в ужас и при поддержке солдат развернули стремительную деятельность. Тогда жители Понапе при обстоятельствах, которые так и остались невыясненными (вероятно, не без поддержки американских церковников), уничтожили часть испанского гарнизона. Благодаря вмешательству католических священников карательная экспедиция не предала истреблению население Понапе, а просто-напросто выгнала с острова американскую миссию. Однако вскоре после «решительного дипломатического вмешательства» миссионеры «Бостон мишн» вернулись. Испания вынуждена была считаться с возрастающей силой Соединенных Штатов Америки.

Испания стала все более энергично заявлять свои права на Каролинские острова, особенно после вторжения на эти территории немецких и британских торговцев. В 1885 г. испанский и немецкий корабли одновременно подняли свои флаги на двух аннексированных островах, одним из которых был Яп (Кубари оказался тому свидетелем). Спор дошел до папы римского, который подтвердил права Испании, но наряду с этим признал за Британией и Германией права на торговлю в этом районе мира. Несмотря на такое решение, дела Испании на Восточных Каролинских островах шли все хуже. Спокойнее (и то недолго) испанцы осуществляли власть на Палау и Япе, где также в течение нескольких веков ничего не сделали для развития этих островов. К счастью, ни китобои, ни протестантские миссионеры сюда пока не проникли. Поэтому на островах сохранились многие древние обычаи.

Продемонстрировав в 1886 г. свои права, Испания предприняла несколько неубедительных попыток установить видимость порядка, а священники, сопровождавшие солдат, без особого успеха пытались спасти отдельные не закореневшие в протестантстве души. Но уже наступил период упадка некогда величественной империи. Когда в 1898 г. американцы захватили Филиппины и Гуам, Германия немедленно приобрела оставшиеся островные владения Мадрида: Северные Марианские и Каролинские острова были присоединены к протекторату на Маршалловых островах, а вся Микронезия в целом отошла под власть колониальной немецкой администрации.

«Главным направлением деятельности немцев на островах Микронезии, — писал американский ученый Дуглас Л. Оливье, — было освоение этих островов как источника сырья и рынка сбыта для их товаров. Местные институты были нетронуты, за исключением тех, которые мешали развитию здесь промышленности и торговли. Копра — основной промышленный продукт, а ее производство возрастало благодаря предписаниям, в соответствии с которыми местные жители обязаны сажать новые пальмы. Раковины были важной статьей торговли, так же как кустарный промысел и гуано. В 1909 г. особый синдикат приступил к добыче фосфатов на острове Ангуар (Палау), на котором находились запасы высококачественного сырья, исчисляемые в 3 миллиона тонн. Орудием экономической политики Германии оста-

бались несколько крупных промышленных и торговых предприятий, многие из которых слились с мощной „Ялуит компани“. При поддержке правительства этим компаниям удалось вытеснить конкурентов с Маршалловых и Восточных Каролинских островов, но устранивших японских и британских торговцев, глубоко оковавшихся в западной части Каролинских островов, Германия не сумела».

Практически в самом начале первой мировой войны Маршалловы, Каролинские и Марианские острова были захвачены Японией. Этот акт был совершен на основе тайного договора с Великобританией. Так, Микронезия стала первой территориальной добычей в войне, которая только что началась. На мирной конференции, созванной по окончании военных действий, Япония получила мандат на управление занятыми островами с обязательством информировать Лигу наций об «опеке» над островитянами, судьба которых в действительности никого не интересовала. Японское правительство с самого начала рассматривало подмандатную территорию как место расселения «излишков» населения метрополии, место производства для нужд всей японской экономики, а также как трамплин для будущих завоеваний. Основным направлением политики стала японизация территории и элиминация местных жителей (но без жестокого истребления). Последних должны были заменить иммигранты из Японии. Это был долговременный проект, в конечном счете обрекавший на гибель слабое во многих отношениях островное общество.

Сначала управление островов принадлежало военноморскому флоту Японии, но вскоре было передано в руки чиновников правительства Южных морей, что, разумеется, ни в чем не меняло основного направления политики. Главная резиденция администрации находилась на острове Корор, а филиалы — на Сайпане, Япе, Труке и Ялуите.

Условия мандатного договора сохраняли свободу для миссионерской деятельности. И здесь Япония не препятствовала, но протестантских миссионеров из Германии постепенно заменили японскими евангелистами. Однако главной на островах Микронезии стала «религия» японской империи, политике которой было подчинено все — экономика, язык, обычаи.

Быстрее всего развивалась экономика. Японцы тщательно очистили мандатные острова от иностранных

торговых предприятий, и вся территория органически вросла в экономику Японии. Сайпан и Тиниан превратились в цветущие плантации сахарного тростника; Палау, Трук и Понапе стали крупными центрами рыболовства; началась добыча бокситов и магнезия на Роте. Разумеется, везде господствовали японские фирмы, нередко государственные. Местным жителям было оставлено лишь производство копры. Им даже помогали небольшими дотациями, если они закладывали новые плантации или строили сушильни. Острова буквально «залила» мощная волна иммигрантов с Окинавы, из Японии и Кореи.

Такие центры, как Гарапан на Сайпане или Корор на Палау, очень быстро уподобились небольшим японским городкам. Здесь выросли кинотеатры, рестораны и даже заведения с гейшами; по идее островитяне имели доступ всюду, это приобщило их к японским обычаям. Конечно, их скромные доходы препятствовали этому.

К началу второй мировой войны на островах Микронезии было около 50 тысяч местных жителей, тогда как полных жизненной энергии иммигрантов съехалось на 20 тысяч больше. К тому времени большая часть удобных земель уже перешла в руки новых хозяев, веками принадлежавшие островитянам владения значительно уменьшились. Разумеется, этот процесс происходил по-своему на разных группах островов.

Марианские острова, которые во времена немецкого владычества были менее развиты, при появлении здесь японцев пышно расцвели и стали наиболее развитым и самым богатым районом Микронезии. Там закрепилась мощная в финансовом отношении фирма, которая в короткое время превратила острова в колоссальное предприятие по производству сахара. Заодно был построен и перегонный завод. В общей сложности Марианские острова ежегодно давали 80 тысяч тонн сахара-сырца и 70 тысяч галлонов алкоголя. Под плантации сахарного тростника отнимали землю у островитян, и это отчуждение зашло на Марианских островах намного дальше, чем на каких-либо других островах Микронезии. Другой уже упомянутой областью экономики стало океанское рыболовство, центром которого являлся Корор на Палау. На Каролинском архипелаге рыболовецкий флот состоял из 400 единиц, которые достигали даже голландской (в то время) Восточной Индии. Годовая добыча только одного вида рыбы, бонито, составляла 38 тысяч тонн, и к этому надо добавить еще значитель-

ное количество тунца, не говоря уже о таких дарах моря, как трепанги и крабы.

Последовательно проводимая политика японцев приносила им все более ощутимые результаты. Коренным жителям главных островов архипелага пришлось согласиться и принять не только экономическую политику оккупантов, но и их образ жизни. Из наиболее крупных островов лишь жители Япа сумели сохранить свою древнюю культуру. Принцип землевладения и общественный строй почти не были нарушены. Ученые считают, что это произошло благодаря системе наследования земли по прямой отцовской линии (патрилинейная система), тогда как большинство островов Микронезии придерживается матрилинейного принципа.

Остров Понапе с его огромной — по микронезийским масштабам — площадью пахотных земель стал сельскохозяйственным центром, где японцы проводили эксперименты по акклиматизации всевозможных сельскохозяйственных культур. Здесь выращивали лекарственные растения, ананасы, рис, волокнистые растения. Однако в конечном счете наибольший доход приносили плоды кокосовых плантаций.

Проходили десятилетия. Испанцы и китобои, миссионеры и авантюристы, торговцы, японцы и колонизаторы — все они оставили неизгладимые следы на таких островах, как Сайпан, Трук, Палау, Понапе и Ялуит. В большинстве случаев жизнь островитян в этих главных центрах архипелага принципиально изменилась.

К счастью, неподалеку от этих центров остались «малоинтересные» с точки зрения размеров острова и атоллы, где жители продолжали существовать так же, как в те давние времена, когда денежными знаками были шлифованные раковины, а осколки коралла служили в качестве орудий. Ни испанцы, ни японцы не заинтересовались этими грудями коралловых скал, и не нужны им оказались сильные рабочие руки местных жителей. Островитян до поры до времени оставили в покое, если, конечно, это существование на кромке коралловых скал, выступающей над водой чуть выше борта каноэ, в районах, где периодически повторяются сильнейшие тайфуны и гигантские губительные цунами, можно назвать спокойным.

Однако самый страшный для всей Микронезии тайфун еще только приближался. За 30 лет владения этими островами японцы превратили острова Микронезии в

мощный оборонный вал перед родными островами. Военный вихрь, который смел японцев с островов, силой и размерами многократно превышал опустошения нескольких десятков ураганов, вместе взятых. Каменными брызгами разлетались скалы, исчезали жилища, расколотые тротилом, выжженные ипритом. Захватив острова, американцы депортировали на родину 70 тысяч японцев.

История повторилась. Мандатная территория и Лига наций прекратили существование — возникли Организация Объединенных Наций и... подопечная территория. Как и прежде, сначала управление островами сосредоточилось в руках военно-морского флота, а затем гражданских властей. Вместо Гарапана на Сайпане появился Капитоль Хилл. Совсем иной язык, но мундиры почти прежние. Снова появилась нужда в земле, чтобы строить аэродром, базу и порт. Сравнительно тихие до этого Марианские острова приобрели возможность исторического «уравнивания шансов». Новые власти особое пристрастие питают к уединенным атоллам.

1 июня 1947 г. мощная атомная бомба была сброшена с самолета на Бикини (кодовое название операции — «Эйбл»); 25 дней спустя — снова взрыв, но теперь уже под водой (кодовое название операции — «Бейкер»). Затонули линкоры, крейсера «Арканзас», «Нагато», «Принц Евгений» и другие, в том числе и авианосцы. Всего было затоплено и облучено вместе с кроликами, мышами и другими животными около 70 судов. Началась настоящая «казнь» кораблей, переживших войну, уничтожение флота-призрака.

43 атомные и водородные бомбы сбросили американцы на атолл Энветока, несчастное коралловое колечко. «Баттерст», «Мэйпл», «Багвуд», «Олив» и другие благозвучные имена носили эти смертоносные адские машины. За 1947—1958 гг. 43 раза поднимался над атоллом атомный гриб; каждый раз песок, вода и скалы Энветока подвергались мощному облучению.

С оружием в руках захватили Энветока американцы в феврале 1944 г. Спустя три года они получили от Организации Объединенных Наций опеку над атоллом и поспешно занялись проблемами островитян. Первый шаг новых властей — выселение 136 жителей Энветока на отдаленный остров Уэланг (200 километров от Энветока). Начались испытания ядерного оружия «во имя счастья человечества». Может быть, правительство США почувствовало некоторое угрызение совести и поэтому

старалось как-то очистить эту «радиоактивную помойку», чтобы вернуть жизнь кольцу микроскопических островов атолла Энветок.

Не исключено, что эта благородная деятельность была вызвана не столько укорами совести, если таковые вообще свойственны политике, сколько довольно прозаическим фактом составления доклада специальной комиссии Организации Объединенных Наций. Дело в том, что к 1960 г. стало секретом полишинеля то обстоятельство, что Соединенные Штаты Америки не сделали ровно ничего для развития островов, взятых ими под опеку. Этот печальный факт не принес славы знаменитой американской демократии, которой поставили в вину и атомные испытания, и действующий ракетный полигон на атолле Кваджалейн, куда беспрестанно падают огромные ракеты с самолетов, поднимающихся в воздух с далекого калифорнийского побережья.

На представленный в ООН доклад и большое количество дополнений и комментариев к нему власти США отреагировали вполне в американском духе: они вложили несколько сот миллионов долларов в остатки своей подопечной территории на Тихом океане. При этом они создали мощный бюрократический аппарат, который и поглотил львиную долю этих вложений. Это грубое финансовое вторжение, так же как и выгодные на первый взгляд дотации жителям крошечных островков, довольно скоро обернулось против них самих. Правительство США нарушило, вернее, в корне уничтожило хрупкое натуральное хозяйство островов, уменьшило производство продуктов питания, вызвав к жизни новые потребности, не говоря уже об изменениях в области нравов и обычаев. Даже, казалось бы, необходимая служба здравоохранения в этих микроскопических островных сообществах, организованная американцами, привела не только к одним благотворным последствиям. Правда, люди стали меньше болеть, смертность снизилась, рождаемость повысилась, но... в то же время произошло перенаселение островов, а в связи с этим возникли недостаток рабочих мест и прочие трудности.

Последние годы

В 70-е годы нашего столетия неожиданно обнаружались новые аспекты в микронезийских проблемах. В эпоху деколонизации, когда многие большие и малые

народы на всех континентах получили независимость, проблемы самой последней из возникших после второй мировой войны подопечных территорий встали значительно острее, чем прежде. В Соединенных Штатах Америки, которые продолжают нести ответственность за развитие и стабильность жизни населения двух тысяч островов, также произошли глубокие перемены, что привело к совершенно новым взглядам на подопечную территорию на Тихом океане. Короче говоря, Микронезия стала особо притягательным регионом с точки зрения глобальной стратегии, разработанной в Пентагоне. Потеря баз во Вьетнаме, вывод войск из Южной Кореи и с Окинавы, предстоящая ликвидация баз на Филиппинах и другие подобные «события» пробудили глубокий интерес американских стратегов к Микронезии.

Может, любому гражданскому лицу тот факт, что берега Калифорнии отделены от этих островов на 6 тысяч миль открытого океана, покажется явным доказательством того, что Микронезия не может представлять никакого стратегического интереса для США, однако на самом деле для военных это очевидное достоинство, а не недостаток. Считается, что от Микронезии «рукой подать» до Японии и Филиппин, да и побережье Китая не так уж далеко. Кроме того, морские пути ведут из Микронезии в Австралию и Индонезию, Сингапур и Панаму.

На Маршалловых островах уже давно разместились сверхсекретные ракетные полигоны, а на Гуаме — одна из важнейших авиационно-морских баз. Из материалов, просочившихся в американскую прессу, стало известно, что существует проект превращения района Палау в базу для атомных подводных лодок, Тиниана — в место, где будут базироваться войска, а Япа — в хорошо защищенный порт и ремонтную базу.

Разумеется, подобные намерения не вызывают энтузиазма у властей ни азиатских стран, ни Океании, ни в Организации Объединенных Наций, которая, если исходить из чисто формальной стороны дела, поручила США опеку над Микронезией. Ничего удивительного нет в том, что осуществление этого поручения Соединенными Штатами Америки возбуждает большие сомнения у мировой общечеловечности.

На 44-й сессии ООН, на заседании Совета по опеке, было принято предложение США о прекращении опеки над островами Тихого океана в 1981 г. В то же время

представитель США заявил, что его правительство настаивает на сохранении единства островов, которое наилучшим образом могло бы послужить интересам местного населения, а также на свободном союзе Федерации Микронезии с Соединенными Штатами Америки.

Тогда же, на заседании Совета по опеке, был принят доклад США о положении в Микронезии двумя голосами против одного (Великобритания и Франция — Советский Союз). На состоявшемся обсуждении доклада представитель СССР заявил, что США обязаны «поддерживать делом, а не словом» право островитян на самоопределение и не имеют права превращать Микронезию в «американскую стратегическую базу». В ответ представитель США заверил, что в данный момент на Тиниане нет ни одного американского солдата, но тут же добавил, что Соединенные Штаты Америки оставляют за собой право сохранить часть территории для «возможных оборонных целей». Однако споры на дипломатическом уровне — это одно дело, а практика — совсем другое.

Факт, что острова Микронезии необходимы США, абсолютно очевиден. Однако минули времена, когда присоединение территории можно было осуществить как простой захват. Теперь такие вопросы решаются нескостью деликатнее. Начиная с 1960 г. американские власти подкупали микронезийцев, поставляя дешевые товары и выделяя денежную помощь. Наиболее дальновидные деятели островного правительства отдавали себе отчет в том, что миллионы долларов, плывущих из вашингтонских банков в Микронезию, ведут к своего рода «национальному самоубийству» из-за резкого роста импорта и так называемых «основных потребностей», удовлетворение которых еще долго было бы не по карману микронезийцам без американской помощи. Однако стойкие привычки и эти высокие потребности уже возникли. Кроме того, американцы начали «ограждать» Микронезию (Fencing of Micronesia), применяя формулу так называемого права отказа, которое носит явно милитаристский характер. Короче говоря, дело сводится к предложению платить микронезийцам за «запрещение использовать воды Микронезии для военных целей всем государствам, кроме США». Конкретно это 6—10 миллионов долларов в год, распределенных между всеми дистриктами теперешней подопечной территории. Что ж, это не такое предложение, которым легко

пренебречь, особенно если у целого народа нет постоянного источника дохода.

«Больше независимости и меньше денег или меньше независимости и больше денег» — так резюмировал многолетние переговоры с Вашингтоном один из членов комитета по будущему политическому статусу Микронезии.

Деньги, в особенности большие, как правило, имеют особое очарование для бедняков. Поэтому в настоящее время уже нет единого органа, который представлял бы в Вашингтоне интересы всей Микронезии. Со времени, когда Северные Марианские острова на основе сепаратных переговоров предпочли статус «свободно присоединившегося к США государства», появились два новых представительства: дистрикт Палау и дистрикт Маршалловых островов, которые ведут отдельные переговоры с американским правительством, чтобы обеспечить своим дистриктам особо выгодные финансовые условия за предоставление своих островов и вод тем или иным кругам Америки. Я имею в виду главным образом Пентагон и промышленные круги. В этой ситуации истинная федерация подопечной территории выглядит по крайней мере утопией, если не камуфляжем. Ведь федерация — значит меньше денег.

Впрочем, американцы хотели бы казаться в глазах микронезийцев не только богатыми дядюшками, но и добрыми покровителями. Об этом свидетельствует, подписанный «Хитч комиссионер» в 1977 г. закон о 200-мильной зоне рыболовства для подопечной территории. Этот закон предусматривает определенные права в этой зоне и наложение штрафов, достигающих 50 тысяч долларов, на иностранные суда, которые отважатся ловить здесь рыбу после 1 июля 1979 г. При этом закон, конечно, дает право выдавать разрешение на ловлю рыбы в запрещенной зоне иностранным компаниям, но путем заключения соглашений. Закон в то же время оговаривает, что все сделки от имени микронезийцев будут осуществляться... Соединенными Штатами Америки.

Финансовая поддержка Микронезии американскими властями — это еще не все; последние стараются как-то загладить свою вину, помня о том ущербе, который был нанесен ими Маршалловым островам во время проведенных там атомных и водородных испытаний.

Таким актом доброй воли, а в сущности — элемен-

гарной справедливости является очищение «радиоактивной помойки», в которую превратились Бикини и атолл Эниветок. После проведения необходимого обследования в 1968 г. Соединенные Штаты Америки под давлением мирового общественного мнения дали разрешение на возвращение 140 жителей Бикини на родной атолл. Однако 10 лет спустя выяснилось, что необходимо вновь эвакуировать население, поскольку флора и фауна на Бикини все еще настолько заражены, что представляют опасность для жизни человека.

Что касается нового заселения Эниветока, то часть крошечных островков, на которые собирались возвращаться люди, была тщательно обследована. Рыба, крабы, растения, пальмы, животные — все, что только возможно, подверглось всесторонней проверке. В результате была подтверждена абсолютная «чистота» нескольких островов, составляющих атолл, в смысле радиоактивного заражения. Специалисты, принимавшие участие в этом интересном с научной точки зрения эксперименте, признали удивительным столь быстрое возрождение природы. Они не нашли никаких признаков извращения, мутаций в животном мире.

Наконец 15 марта 1977 г. первые 56 исконных жителей Эниветока высадились на острове Яптан. Остальное население атолла, вывезенное в декабре 1947 г., должно было возвратиться на родину до мая 1980 г.²⁴ Помимо всего прочего, к тому времени не все острова станут пригодны для заселения. Следует отметить, что 30 лет назад на остров Уэланг вывезли 136 островитян, а возвращалась группа в 450 человек. Более того, Эниветок уменьшился в своих размерах, так как в 1952 г. после взрыва водородной бомбы «испарился» один остров, а 6 лет спустя — второй. Островок Рунит до сих пор радиоактивен и опасен для жизни людей, а большая часть главного острова атолла занята под взлетной полосой длиной 8100 футов и постройки научно-исследовательского центра, где работало некогда свыше 5 тысяч военных техников. Кажется, это единственный мертвый город в наше время на планете, «призрак XXI в.».

Однако одни островитяне не желают больше ждать окончания скрупулезных и весьма дорогостоящих ис-

²⁴ В 1978 г. жителей атолла Эниветок вновь эвакуировали, так же как и с Бикини, поскольку было установлено, что вода, почва, плоды и т. п. все еще радиоактивны,

следований, связанных с определением степени зараженности островков и атоллов, другие требуют вернуть отобранные у них земли. Недавно, например, австралийская пресса под броским названием «Захват сверхсекретного острова» поместила сообщение о высадке островитян на крошечном коралловом острове Омелек, расположенном в самом центре ракетного полигона на атолле Кваджалейн. «Вторжение» совершила группа из двух десятков островитян, некогда проживавших на этом острове. Эти люди устали от судебных процессов, в результате которых им якобы должны были вернуть их собственность, и сами захватили остров. Властям подопечной территории стоило много усилий (и, конечно, денег), чтобы объяснить людям с Омелека, что рано еще возвращаться на остров, возле которого падают управляемые снаряды типа «Крузиз».

В последнее время, особенно после получения особого статуса Северными Марианскими островами, Микронезия оказалась в центре внимания политиков многих стран, которые признали, что США надлежащим образом не справляются со взятыми на себя опекунами обязательствами. Так, были обнародованы многочисленные заявления экспертов различных стран, в том числе заявление Советского правительства, которое опубликовано ООН, что придает ему значение официального документа Организации Объединенных Наций.

В заявлении говорится, что США в соответствии с договоренностью с ООН, взяв на себя опеку над островами Микронезии, обязались помочь этим территориям в социально-экономическом развитии и получении независимости. Однако тридцатилетний опыт показывает, что, игнорируя законные интересы Микронезии, американцы стремились проводить такую политику, которая позволила им укрепить свою власть в этом районе Тихого океана, а Микронезию превратить в колонию США.

В нем также утверждается, что США стремятся сохранить контроль над огромным пространством Тихого океана и укрепить стратегические позиции в этом регионе мира.

В документе подчеркивается, что США не имеют права изменять статус островов Микронезии без согласия ООН, делать это может только Совет Безопасности и, следовательно, все односторонние действия США относительно Микронезии носят незаконный характер.

ООН и ее соответствующие органы обязаны предпринять решительные шаги, чтобы народ Микронезии мог беспрепятственно реализовать свое право на истинную свободу и независимость вплоть до создания независимого государства, говорится в заключении заявления.

После проведения референдума по вопросу будущего политического статуса подопечной территории наступило своего рода правовое «похмелье», так как дистрикты Палау и Маршалловы острова отказались по окончании опеки войти в будущее островное государство, и вопрос о них должен рассматриваться самостоятельно. В результате отделения части подопечной территории для американской администрации стало невозможным рассматривать Микронезию как единое целое, что затруднило управление делами островов. До истечения срока опеки в Вашингтоне лихорадочно ищут формулировку, которая по крайней мере внешне решила бы проблему и позволила США и в дальнейшем беспрепятственно распоряжаться островами Микронезии, имеющими для них огромное стратегическое значение.

В настоящее время на бывшей подопечной территории американцы имеют дело с тремя государственными организациями (за исключением Северных Марианских островов и Гуама). Первое из них — Федерация государств Микронезии, включающая острова Яп, Трук, Понапе и Косрае. Эта федерация возникла 15 мая 1977 г., имеет свою законодательную и исполнительную власть, государственный флаг и прочие атрибуты. В ее состав, разумеется, входят и мелкие острова, относившиеся прежде к этим дистриктам. Другой государственный организм, также снабженный всеми аксессуарами государственности, — это государство Маршалловых островов, образованное двумя неделями раньше Федерации государств Микронезии. Это государство оставило своей столицей Маджуро и вскоре получит новое название — Ралик Ратак. Наконец, третье, самое молодое государство — Республика Белау, правительство которого находится на острове Корор. Прежние острова Палау стали республикой лишь 1 января 1981 г. В конституции новой державы записано, что на острове Бабелтуап в течение 10 лет будет возведена новая столица.

В конце 1980 г. США подписали отдельные договоры со всеми тремя государствами. В соответствии с ними каждое государство получает полную самостоятельность

в сфере внутренних дел и у каждого будет свой гимн, парламент, даже собственные паспорта для выезжающих за границу граждан. Однако ни один из этих государственных микроорганизмов не может проводить собственную внешнюю политику. В силу договора военный контроль и оборону «в случае угрозы» эти государства также отдают Соединенным Штатам Америки. США получают право использовать существующие базы и боевые установки и создавать новые.

ПОНАПЕ — САД МИКРОНЕЗИИ

Густая вуаль дождя до последней минуты заслоняла все вокруг. Лишь перед самым приземлением самолет осветило сияющее солнце. Только что омытый тропическим ливнем остров Понапе предстал передо мной во всем своем очаровании. Все утопало в пышной зелени.

Длинная посадочная полоса облегчила нашей машине приземление. В течение часа мы преодолели почти 700 километров, отделяющих Трук от Понапе. В прежние времена это расстояние мореплаватели проходили открытым океаном под парусами на каноэ целыми неделями. Как только открылся люк, в самолет ворвался густой, жаркий воздух. Понапе — «мисс красоты» Каролинских островов — ослепляет вновь прибывшего с первого же момента. Над посадочной полосой вздымается ввысь отвесная скала, напоминающая знаменитую Даймонд Хэд на Гавайях. Эта высокая базальтовая гора Йокай венчает островок Сокес.

Огромное впечатление произвел на меня аэродром на Понапе. Не знаю, как другие, но я был поражен контрастом между таким элегантным продуктом цивилизации, как современный реактивный самолет, и прохладным «аэровокзалом», расположенным под пальмовой крышей, держащейся на нескольких бамбуковых столбах. В такой обстановке таможенный досмотр пассажиров выглядел комично. Даже грозные выражения лиц двух таможенников не могли придать процедуре необходимую серьезность.

После прибытия самолета в «аэропорту» Понапе началось оживленное движение. Толпу людей здесь можно разделить на лиц, которые вылетают, на тех, кто прилетает, на транзитников и зевак; последние, правда, не составляют большинства. Самые суетливые пассажиры — это транзитники. Они стремятся первыми выйти из самолета и сразу же бросаются к прилавку, где во время стоянки торгуют сувенирами. Тут продают изде-

лия, конечно, местного производства: веера, ожерелья из раковин, миниатюрные модели каноэ, а также... перец в сказочно ярких пакетиках. Не знаю почему, но именно этот товар самый ходовой, и несколько десятков пачек с черными зернышками было распродано на моих глазах с такой быстротой, как будто мир все еще мечтал об открытии островов Пряностей. Новоприбывших можно безошибочно определить по тому, как они рассматривают все вокруг, и по их удовлетворенным лицам: «Наконец-то мы оказались на райском острове». Отлетающие пассажиры все время оглядываются назад, как будто с сожалением уносят что-то с собой... впрочем, я еще не знаю, о чем они сожалеют, покидая Понапе.

Изящный микроавтобус мчал нас по дамбе, соединяющей островок с волшебным названием Такатик с небольшим поселком Колония, который играет роль столичного города округа Понапе. Перед моими глазами промелькнула разрушенная колокольня храма; в просветах густой растительности просматривались кусочки лазурной воды по обе стороны дамбы, группы ярко одетых людей, сидящих в тени деревьев. В гуще всепоглощающей зелени виднелись какие-то низкие строения. С точки зрения европейца, Колонию нельзя назвать даже местечком. «Это хорошо», — с удовольствием подумал я. Наконец-то я увидел остров, напоминающий древние красоты Океании. Молодой человек за рулем микроавтобуса совсем не похож на владельца отеля «Поэнпэи», в котором я решил остановиться по совету мистера Ашмана.

Я многого ждал от рекомендованного мне «островного стиля» гостиницы, но никак не мог предположить, что получу в свое полное распоряжение отдельную просторную хижину, да еще с душем. Хижина имела также веранду, за пользование которой, по-моему, надо было бы брать дополнительную плату. С нее открывался чарующий вид на остров Сокек. Много дней на восходе и закате солнца я наблюдал картины несравненной красоты. Не раз я торопился вечером поскорее добираться домой, чтобы не пропустить ни единого мгновения великолепного зрелища. Домики, составляющие отель «Поэнпэи», разбросаны по склону морского берега и утопают в зелени: хлебные деревья, бананы, папайя, а также цветы таких размеров и красок, какие можно увидеть лишь в тропиках. Это буйство жизни, видимое

устремление растений вверх, в погоне за солнцем были куда сильнее на этом маленьком острове, чем в тропической чаще Южной Америки.

В одиночестве человек легче поддается настроениям, чем находясь среди людей. Отделенный от всего мира на своей террасе, окруженный со всех сторон пышной растительностью, я мысленно проходил по путям первооткрывателей, пробирался тропами аборигенов, отрезанных от цивилизации, спотыкался о мачты испанских галионов. Аккомпанементом этим беспорядочным мыслям служил монотонный шум очередного ливня, туманная завеса которого низвергалась с пальмовой крыши.

В начале XVI в., а точнее, 19 октября 1529 г. остров Понапе был открыт испанским мореплавателем Альваро де Сааведрой. Он был первым исследователем, который отплыл из Мексики в Восточную Индию. Сам Фернандо де Кортес поставил его во главе экспедиции из трех кораблей. Однако для жителей Понапе эта экспедиция оказалась несущественной, они так и не узнали, что были открыты странными белыми людьми, явившимися на плавающих островах, увенчанных облаками парусов. Понапе был открыт заново в 1828 г. Открытие было сделано русским путешественником Федором Петровичем Литке, совершавшим плавание на шлюпе «Сенявин», поэтому на многих современных картах Понапе и близлежащие атоллы обозначены как острова Сенявина. Вот как писал Федор Петрович Литке о посещении им острова Понапе и контактах с его жителями²⁵.

«Около девяти часов были мы уже вплотную у кораллового рифа, облегающего высокую землю на расстоянии около полумили, и легли в дрейф, чтобы лучше осмотреться. Густые кокосовые рощи и дым во многих местах свидетельствовали о населенности острова. Вскоре стали показываться из-за северной оконечности одна за другой лодки под парусами...»

Русский путешественник вспоминал первую встречу с местными жителями отнюдь не лучшим образом:

«К борту приставали охотно, на судно же взойти на силу мог я упросить только одного, приманив его ножом. Дикае, с выражением недоверия лица, большие, налитые кровью глаза, возня и меугомонность островитян этих произвели весьма неприятное впечатление на нас, не забывших еще кроткого, пристойного обращения

²⁵ Литке Ф. П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин». М., 1948, с. 135.

друзей наших на Юалане (Маршалловы острова. — Я. В.)»²⁶.

Медленно обходя вокруг острова, «Сенявин» достиг места, где сейчас находится Колония. Об этом Литке писал:

«Следуя изгибам рифа, мы увидели около трех часов походившее на гавань отверстие... другое против оконечности острова... обещало больше, и потому мы против него остановились...»²⁷.

Под командой поручика Завалишина глава экспедиции направлял шлюпки для обследования якорной стоянки:

«... Наши шлюпки продолжали сначала покойно свой путь. Они нашли проход шириной в два с половиной кабельтова, глубиной от двадцати до двадцати восьми сажен, а за ними по всем приметам обширный и безопасный порт. Но едва только миновали они узкость, как островитяне, наблюдавшие до того движение их в безмолвии, с криком спустили на воду лодки свои, спрятанные за камнями, в один миг окружили и стеснили их со всех сторон и повторили сцены прошедшего дня, но только с большей еще дерзостью и докучливостью. Они даже закидывали веревки на руль и уключины, как будто для того, чтобы завладеть шлюпками. Холостые выстрелы не производили теперь действия, за каждым следовали крик и еще большая дерзость. Лейтенант Завалишин дал условленный сигнал, мы сделали несколько холостых выстрелов из пушек, которые также не весьма подействовали на том расстоянии, в каком мы находились; и шлюпкам нашим еще труднее прежнего было выбраться на свободу и достигнуть шлюпа.

Может быть, неугомонные островитяне и не имели враждебного против нас намерения, потому что во время самой свалки одна лодка держалась у борта судна и два или три человека находились на шлюпе, по-видимому не заботясь о том, что там происходило; может быть, любопытство, нетерпение видеть необыкновенные для них предметы или даже забота о собственной безопасности были причиной их неотвязчивости; но тем не менее поступки их были таковы, что мы не могли даже отыскать якорного места... И потому, не упорствуя далее в поисках якорного места в этой бухте, которая в ознаменование неудачи нашей и негостеприимного нра-

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, с. 135—136.

ва хозяев названа портом Дурного Приема, продолжали мы опись западного берега острова...»²⁸.

Русский корабль пробыл у берегов Понапе менее суток и отплыл на запад. На следующих страницах книги Литке приводит общие данные об острове Понапе, осмотренном со стороны моря:

«Острова Сенявина лежат между 6°43' и 7°6' северной широты и 201,5° и 202° западной долготы. В главном из них, Пойнипете, мы узнаем, несомненно, Фалупет отца Кантовы; Пулупа, о коем говорили капитану Дюперре жители островов Угай, и Фанопе, упоминаемый в рассказе Кабу... Он имеет до 50 миль в окружности. Высочайший пункт его, гора Монтесанто, названная так в память победы, одержанной адмиралом Сенявиным над турками, возвышается над водой на 458 туазов (2930 англ. футов)...

Жилищ, скрытых по большей части лесом, видно по берегу весьма мало, но дым, подымавшийся во многих местах, и обширные кокосовые рощи свидетельствуют о хорошей населенности острова, особенно в северной части; юго-западная кажется наименее населенной. К ним выезжало в разное время до 500 взрослых мужчин, и, судя по тому, все население острова, с женами и детьми, может простираться до 2000 душ...

Жители Понапе разительным образом отличаются как от юаланцев, так и от каролинцев, впоследствии нами виденных. Наружностью походят они гораздо более на народы папуасского племени. Лица широкие и плоские, нос широкий и сплюснутый, губы толстые, волосы у некоторых курчавые, большие, навывкате глаза, выражающие недоверчивость. Веселость их выражается буйством и неистовством. Всегдашний сардонический смех с бегающими в то же время по сторонам глазами не придает им приятности. Я не видел ни одного спокойно-веселого лица. Что возьмут рукой, то каким-то судорожным движением и, кажется, с твердым намерением не разжать руки, покуда есть возможность...»²⁹.

Итак, жители Понапе не вызвали у Литке большой симпатии.

Не прошло и восьми лет после посещения «Сенявина», как у берегов Понапе бросило якорь американское китобойное судно «Фалькон». Его капитан Джон Хинг-

²⁸ Там же, с. 138.

²⁹ Там же, с. 140—141.

стон однажды (а именно 7 июня 1836 г.) узнал от женщин, возлюбленных его матросов, что одно из пяти племен, населяющих остров, собирается напасть на корабль. Это были люди Мадоленигмв. Поэтому он предусмотрительно решил выйти в море. Капитан посадил экипаж в вельботы, и «Фалькон» двинулся на буксире к выходу из гавани. Однако во время этого маневра начался сильный шквал, и «Фалькон» сел на рифы поблизости от двух крошечных островов — Напали и На.

Потерпевшие бедствие бросились к кораблю, чтобы спасти с него все, что можно, прежде чем судно разобьется о рифы. В конце концов часть экипажа во главе с Хингстоном оказалась на острове На, куда сумела перенести снаряжение, остальные китобои стали лагерем на Напали.

Моряки благоразумно поддерживали с островитянами дружеские отношения, наделяя их табаком и другими подарками. Больше всего подарков доставалось Нанмварки, вождю Мадоленигмв, и Нанауа, его первому помощнику. Но однажды Нанауа показалось, что он получил даров недостаточно.

При «обсуждении» этой «темы» капитан Хингстон, у которого мускулов было больше, чем ума, обидел Нанауа, что стало непосредственной причиной нападения островитян на пришельцев под лозунгом «Убить белых». Хингстон, который в этот момент находился на Напали, не поверил в воинственные настроения островитян и первым погиб от удара палкой. Было убито еще несколько человек из членов экипажа, остальные бежали на соседний остров. Тем временем островитяне терзали тело капитана и делали это до тех пор, пока полностью не обнажили скелет.

Страшная весть молниеносно облетела весь остров. Вскоре об этом узнали и на другой стоянке, где находились три торговых шхуны: «Авон», «Ламбтон» и «Унити». Капитаны судов организовали карательную экспедицию при участии племени кити, традиционно враждебного Мадоленигмв. В этой мини-войне погибло много островитян, было сожжено много хижин, погибли хлебные деревья и кокосовые пальмы, что тяжело ударило по жизненным интересам всего населения северной части острова. Нанмварки поймали. Дольше всех преследовали Нанауа. Когда его все-таки схватили, он стал умолять белых сразу убить его. Однако решили поступить по-иному. Его препроводили на борт «Авона»

и после короткой сцены, инсценирующей заседание суда, приговорили к смерти через повешение. На следующий день Нанауа повесили на рее фок-мачты. Казнь была ознаменована выстрелом из пушки. «Справедливость» восторжествовала.

Первые шаги

Вид с террасы моей хижины был очарователен, особенно по утрам. В лучах раннего солнца на фоне чистого неба виднелась резко очерченная базальтовая скала Йокай. Дождь только что кончился, и зелень, окружавшая меня со всех сторон, была надлежащим образом вымыта, а листья и цветы сверкали ожерельями из капель воды редкостной красоты, пронизанных лучами солнца. В поселок я отправился в прекрасном настроении.

Путь занял всего несколько минут. Как только я выбрался из сада, окружавшего отель, коралловая дорога сама привела меня к цели. Было еще слишком рано. Прохожих было немного, но почти все улыбались мне, незнакомому человеку, и приветствовали словом «каселелия». На местном языке оно — эквивалент гавайского «алоха». В отличие от жителей Сайпана или Трука антропологический тип здешних людей показался мне менее выраженным. Невысокие, с несильно выдающимися губами, почти прямыми волосами, они существенно отличались от известного мне меланезийского типа или даже от жителей Тонга. Воображение рисовало образы татуированных местных жителей с копьями или дротиками в руках, в то время как мимо меня шли одетые в хлопчатобумажные рубашки с рекламой кока-колы, джинсы и яркие куртки люди. Все это — результат существования на острове аэродрома для реактивных самолетов, построенного здесь 7 лет назад.

По мере приближения к поселку я заметил, что хижин под пальмовыми крышами в гуще зелени становится все меньше. Вместо них появились стандартные деревянные постройки явно неостровного производства — помещение почты, еще закрытое туристское бюро, здание администрации с флагштоком. Я старательно отвечал «каселелия» каждому встречному и понемногу стал выспрашивать, где находится памятник Кубари. Лишь один пожилой мужчина ответил мне, что «что-то похожее» можно увидеть возле здания католической

миссии. После вчерашней поездки в отель на автобусе в памяти у меня остались полуразрушенная колокольня и развалины небольшой испанской крепости, которую без каких-либо трудностей мне удалось отыскать. Я брел вдоль старых, тщательно выложенных стен и вдруг наткнулся на калитку с арочным сводом. Заглянул внутрь. В заброшенном, поросшем травой дворике возвышалась груда небрежно сложенных обломков базальта, увенчанная покосившимся камнем с прикрепленной к нему бронзовой табличкой. Я приблизился и на уровне груди увидел портрет мужчины в очках, а под ним надпись: «John Stanislaus Kubary. 13 Nov. 1846—9 Oct. 1896».

Половина земного шара отделяет этот памятник от варшавского дома «Под крулями», откуда отправился Кубари в Океанию. Половина земного шара и почти 130 лет. На памятнике выбиты имя ученого, дата его рождения и смерти. Только и всего. Научные заслуги, борьба с безжалостной судьбой, поражения, маленькие радости, которыми жил этот человек, — все поглотила темная река времени. Немного сведений о нем дошло до потомков в пожелтевших листках его писем, но в них отражены чувства и мысли ученого. Все кануло в Лету, сохранились лишь научные труды Кубари. Они приобретают все большее значение для ученых, так как в его книгах оживает давно не существующий мир островитян. Памятник Кубари стоит теперь уже на чуждом ему, неизвестном острове, где остались прежними лишь одни обрывы Йокай.

Работая на Германию, Кубари погиб дважды как «Кубари» — вождь повстанцев против власти немцев, хозяйничавших в Океании. В связи с этим немецкие ученые даже выражали сожаление, что на имя, по достоинству вписанное в историю науки, тем самым была брошена тень. Однако, как и все, кто ценит свободу в своем собственном доме, мы думаем иначе. Кубари и «Кубари» — оба значатся в истории народов Океании как ее друзья и борцы.

Впервые Кубари прибыл на Понапе в августе 1873 г. В то время жителям Понапе уже довелось столкнуться с «благодеениями» белых, так как их остров слыл у китобоев отличным местом для отдыха. Таким образом, местные обычаи быстро увядали под «отравленным дыханием цивилизации». Как для Литке и его команды район теперешней Колонии стал портом Дурного Прие-

ма, так и первые шаги Кубари на острове были сделаны под знаком конфликта с местным предводителем — Наникином. Однако поляк отлично сориентировался на месте.

«Я заплатил ему дань водкой, как это обычно делают капитаны судов, заходящих в этих бухту, и теперь живу с ним на дружеской ноге, — писал Кубари. — Из-за несчастного пристрастия Наникина к алкоголю мне все время приходилось держать вождя в поле зрения и переносить его требования так терпеливо, как это было в моих силах. Его трудно провести, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что под действием водки он схватил свою жену, которую подозревал в неверности, привязал к дереву и убил ножом. Однажды после напрасных, как оказалось, предупреждений, которые он делал миссионерам, чтобы они оставили его в покое, он собственноручно поджег только что построенную церковь...»

Кубари даже принимал Наникина в своем доме.

«... Во время нашей беседы я заметил, что вождю свойственны здравый смысл и детская непосредственность. Наникин держался с достоинством, подобающим могущественному предводителю, а его обращение со мной было просто прекрасным. Без обиняков я выразил ему свое сожаление, что такой способный воин, как он, пребывает в столь отталкивающем виде. Я также откровенно заявил, что не потерплю ни малейшего оскорбления в мой адрес, даже нанесенного в пьяном виде. Имея собственных людей и достаточное количество товаров для торговли, я мог полностью себя обеспечить и поэтому чувствовал себя совершенно независимым. У меня не было никаких эгоистических устремлений, так что я не боялся потерять его расположение.

Наникин принял мои слова доброжелательно и заверил, что между нами должна сохраняться большая дружба. В самом деле, постепенно между нами завязались дружеские отношения. Наникин никогда не проходил мимо моего дома, чтобы не заглянуть ко мне и не надеть свой веночек из зеленых листьев мне на голову. Если случалось, что он забивал свинью, то преподносил мне переднюю четвертушку, ту, которая предназначалась для вождя; если ловил черепах, то одну обязательно отдавал мне. Никогда Наникин не представлял передо мной в пьяном виде и никогда не попрошайничал. Находясь в таких прекрасных отношениях с вождем, я

не испытывал никаких трудностей в общении с другими местными жителями».

Я тоже поспешил встретиться с местными властями. В здании, предназначенном для администрации дистрикта, не все знали о Кубари, лишь несколько человек слышали о существовании Польши, но все без исключения были ко мне очень внимательны. Главный чиновник, дистрикт-администратор, однако, не принял меня по той простой причине, что его не было в тот момент на острове. Приближались какие-то двух- или трехнедельные праздники, которые, кажется, так же как в Европе, слегка парализуют деятельность учреждений еще до наступления продолжительного уик-энда. Меня это несколько огорчило — я очень хотел как можно ближе сойтись с представителями власти, ведь в их ведении находились лодки и машины.

Несмотря ни на что, чиновники учреждения, поняв, что меня интересует, единогласно решили, что первым человеком, с которым мне необходимо познакомиться, должен стать некий мистер Пенсл Лоуренс, хранитель музея города.

С почестями, на машине меня препроводили до места, где дорога кончалась. Кстати, я узнал, что на острове вообще очень мало дорог и, несмотря на деятельность японцев и почти 30-летнее присутствие американцев, объехать на машине вокруг Понапе или отправиться путешествовать в глубь острова невозможно.

— А Нан-Мадол, — жадно спросил я, — каким образом можно добраться до этих таинственных развалин?

— Только на лодке, — гласил ответ.

Пенсл Лоуренс оказался, как и большинство островитян, человеком отзывчивым. Он недурно говорил по-английски и был услужлив, как и все островитяне. Зато музей не произвел на меня никакого впечатления: один большой зал, немного запыленных экспонатов, две или три витрины.

Мистер Лоуренс посвятил мне много времени. Я обязан ему своими знаниями об острове. Пенсл в своих сообщениях был весьма конкретен:

— Понапе — одинокая базальтовая гора, поднимающаяся со дна моря. Гора Тотолом, вершина этого вулканического образования, поднимается над океаном почти на девятьсот метров. Коралловые рифы — разумеется, результат деятельности полипов, которые самоотверженно трудятся на склонах подводной пирамиды.

Понапе, остров площадью триста квадратных километров, принадлежит к числу островов, известных самым большим количеством осадков во всей Океании с годовой цифрой, превышающей четыре тысячи пятьсот миллиметров. Почва здесь великолепная. На острове проживает около восемнадцати тысяч человек. С незапамятных времен остров делится на пять округов-княжеств: Сокус, Уэ, Нетт, Мадоленигмв и Кити. Во главе этих округов стоят вожди; традиционная система власти и кланы пережили здесь времена испанской, немецкой, японской оккупации и сейчас существуют параллельно с администрацией, введенной американцами.

Мы вместе со зрителем музея еще раз посетили памятник Кубари. Я спросил, не знает ли он, почему памятник человеку, игравшему не последнюю роль в истории острова, находится в таком запущенном состоянии.

— Это произошло прежде всего из-за того, что памятник переносили. — Лоуренс сохранял лаконичность.

— Разве сначала он находился в другом месте? — удивился я, так как об этом не знал.

— Да. При японцах его перенесли с того места, где он стоял до этого — я имею в виду уже не существующее кладбище, — и установили тут.

— Почему?

— Кажется, японцы строили во время войны какие-то укрепления и им понадобилась территория, на которой оказался памятник.

Меня это очень удивило, ведь во время военных действий в период второй мировой войны на Тихом океане у японцев были заботы и поважнее, и тем не менее памятник перенесли. Значит, местный комендант с уважением относился к исследователю Каролинских островов.

— На нашем маленьком острове произошло много удивительных событий. Видите эту каменную стену? Вид у нее очень древний, а построена она лишь в конце XIX в. Здесь у нас уже всю хозяйничали немцы, тогда как формально остров принадлежал Испании. Тут находились немецкие торговцы и протестантские миссионеры. Когда ситуация накалилась, вмешался папа и признал преимущества испанцев в Микронезии, хотя и оставил немцам некоторые права в торговле. После этого решения в Мадриде, а может, в Маниле постановили построить в этих местах стратегический пункт, защищенный каменными стенами, — Колонию де

Сантьяго — и, естественно, выгнать протестантских миссионеров. Остатки стены, которые вы видите, — работа испанцев, а те живописные развалины колокольни свидетельствуют о присутствии здесь немецких капуцинов. Когда немцы пришли сюда окончательно, то оставили в силе название «Колония», которое сохранилось и до сих пор. Больше всех «потрудились» на острове японцы. Возделывание маниоки и плантации сахарного тростника, сахарный завод — это их рук дело. Из этого сырья во время второй мировой войны вырабатывалось огромное количество спиртных напитков для нужд армии...

Мистер Лоуренс замолчал. В это время к нам подошел человек и очень тепло приветствовал Лоуренса. Они заговорили. Вероятно, это был какой-то местный язык, так как я не понял из их разговора ни слова. Однако хранитель музея показал себя светским человеком и представил меня своему знакомому, подчеркнув при этом, что тот живет на атолле Нгатик, в 100 милях от Понапе. Новый знакомый был видный мужчина — высокий, с характерным для микронезийцев оттенком кожи цвета меди и удивительно светлыми глазами. Он прекрасно говорил по-английски.

Они еще немного побеседовали, и Билли (так звали микронезийца) ушел. Они договорились с хранителем музея, что встретятся позже.

— Билли с семьей живет на Нгатике, — еще раз многозначительно подчеркнув этот факт, сказал хранитель музея.

— Видимо, у всех жителей Нгатика такие же голубые глаза? — спросил я наобум, так как никак не мог понять, зачем он несколько раз усиленно подчеркивал название этого атолла.

— Так вы все-таки обратили на это внимание, — обрадовался Пенсл. — Ведь Билли — прямой потомок бунтовщиков-китобоев. Кстати, среди моих предков тоже есть французский китобой, — не без гордости добавил хранитель музея.

Теперь мне все стало ясно. Речь шла об известном массовом убийстве всего мужского населения атолла Нгатик, совершенном взбунтовавшимся экипажем британского китобойного судна. В 1800 г. эти люди перестреляли всех островитян мужского пола, чтобы без помех позабавиться с их женами и дочерьми. Это омерзительное истребление аборигенов, собственно, не произ-

вело никакого впечатления на весь остальной мир, а часть матросов навсегда осела на атолле, дав начало новому поколению и даже новому языку, представляющему собой смесь местного и английского. Я не понял, почему Лоуренс так гордился своим французским предком, который наверняка был не меньшим негодяем, чем его английские коллеги.

— Как добратсья до Нгатики? — поинтересовался я.

— Надо нанять частную лодку или попробовать воспользоваться средствами связи, находящимися в распоряжении администратора округа. Но я не советую вам ехать туда в это время года. Видимо, близится тайфун. Здесь ничто не изменилось за многие века. И сейчас тайфуны такой же силы, что и те, которые некогда начисто смели жителей с Пингелапа и Мокила. Уцелели лишь немногие семьи, которых после катастрофы немцы переселили сюда, на Сокеc. Здесь было свободное место. После бунта против властей и расстрела предводителей часть жителей Сокеcа была принудительно переселена на Яп.

Пенсл Лоуренс оказался ходячей энциклопедией знаний о своем острове. За обедом он подробно рассказал мне о том, как Понапе был обстрелян американским флотом: 1 мая 1944 г. часть крейсеров адмирала Ли в течение 70 минут стреляла из 16-дюймовых орудий.

В другой раз он поведал мне удивительную историю о последнем пирате Океании, который некогда имел резиденцию в этом округе на острове Кусаие³⁰, на расстоянии около 300 миль от Колонии.

История одного негодяя

Список «деяний», а также жен Уильяма Генри Хайса, последнего пирата Тихого океана, составить невозможно. Ясно одно — он огромен. Уильям был американцем ирландского происхождения. Он родился предположительно в 1829 г. в Кливленде, в баре, принадлежавшем его отцу. В последующие 20 лет молодой человек не проявил ни усердия в работе, ни достойных черт характера. Около 1848 г. Балли (он получил такую кличку) некоторое время метался по золотоносным районам

³⁰ Остров Кусаие — самостоятельный дистрикт Микронезии под названием «Косрае».

Калифорнии, а затем из Сан-Франциско отправился в Китай. В те времена китайские берега были опасны, а Южно-Китайское море буквально кишело неизвестными судами с таинственными грузами на борту, на которых частым явлением стали убийства, грабеж и насилие. Балли Хайс прекрасно освоился на новом месте и вскоре стал владельцем судна, которое непонятным образом сначала оказалось его собственностью, а затем — домом и источником заработка. Шлюп «Кантон» открыл на удивление длинный список судов, которые Балли в последующие годы увел, украл, захватил или потопил.

У Балли Хайса была довольно оригинальная манера зарабатывать деньги. Например, он грузил товары какого-нибудь доверчивого торговца на свой корабль, затем ночью снимался с якоря, забывая в «смятении чувств» заплатить за доверенный ему груз. Время (XIX в.) и тогдашнее положение дел на Тихом океане позволяли ему проделывать такие номера неоднократно.

Балли Хайс плавал от Батавии до Сиднея и от Сингапура до Фримонта. Всюду, где появлялся, он устраивал великолепные приемы в кают-компании своего корабля, что позволяло ему приманивать все новые жертвы для своих афер. Говорят, Хайс обладал привлекательной внешностью — густые светлые волосы и золотистая борода, красивый, звучный голос. У него было три пуделя и три канарейки. На корабле у Балли обычно находилась как минимум одна жена: он принадлежал к числу мужчин, у которых никогда не было недостатка в возлюбленных.

Скандалы и приемы, которые устраивал Хайс, вызывали всеобщий интерес почти во всех портах Тихого океана, но особенно серьезное значение придавали им его многочисленные кредиторы. Так, например, в 1857 г. им удалось наложить секвестр на судно Хайса в порту Фримонт и продать его с торгов за 1200 фунтов стерлингов. На некоторое время Балли исчез из порта и под видом торговца появился в Аделаиде. Здесь он женился на одной жалостливой женщине, объявил себя банкротом и бежал. Затем Балли оказался — для разнообразия — в Мельбурне. Вместе с ним в город прибыли его золотистая борода, три канарейки и три пуделя. Разумеется, Балли и здесь сопутствовал успех в обществе. Ему даже поручили командование великолепным фрегатом под названием «Орестес». Однако владелец судна был настолько предусмотрителен, что в пер-

вый рейс «Орестеса» на Гавайи приставил к капитану Хайсу суперкарго. На Гавайях доверенный человек, конечно, вышвырнул золотобородого капитана с корабля. Правда, Балли уже успел завладеть значительной суммой денег, которые до того были собственностью пассажиров первого класса.

После этого Хайс ненадолго заглянул в Сан-Франциско, где сумел обмануть многих людей и «купил» бриг «Элленита». Он отремонтировал судно, снарядил его, загрузил товарами — все, разумеется, в кредит — и ночью покинул порт, забыв, конечно, о существовании кредиторов. Шел 1859 год. Газета «Сан-Франциско геральд» 29 августа 1859 г. напечатала статью, в которой сообщалось, что «капитан Хайс выманил у м-ра Моррисона 300 долларов, у м-ра Хитчнера — 250 долларов, у корабельных плотников — 880 долларов, у поставщиков провианта и колониальных товаров — 1200 долларов, у поставщиков овощей — 300 долларов». В статье, в частности, говорилось, что мистер Хайс остался должен 100 долларов за... юридическую консультацию! Безусловно, это была вершина всей его мошеннической деятельности.

Погоня за «Элленитой», конечно, закончилась безрезультатно, так как капитан Хайс разбирался в кораблях почти так же хорошо, как и в женщинах, и выбрал достаточно быстрого бриг. Несмотря на отсутствие каких-либо документов на судно и грузы, Балли направился на Гавайи. По пути он зашел на остров Масуи, на что не имел права, так как был обязан следовать в Гонолулу. Как известно, Хайс не отличался щепетильностью в соблюдении каких-либо предписаний. Однако на этот раз дело осложнилось, поскольку на судно прибыл местный шериф и заявил о своем намерении арестовать бриг и его капитана.

Балли устроил пышный прием в честь высокого гостя с участием многих молодых и красивых женщин, которые всегда почему-то оказывались на его судах. Шериф принял приглашение. На следующее утро, когда он проснулся, бриг был уже в открытом море, а сам он получил предложение пересечь в шлюпку, чтобы вернуться на берег и попасть в свой кабинет. Альтернативой было даровое путешествие в Австралию. Удрученный шериф предпочел шлюпку, а прелестные женщины Хайса смеялись над ним до слез. Случай с шерифом получил огласку чуть ли не во всех портах Тихого океана, а

слава золотобородого пирата еще больше возросла. Тем не менее несколькими неделями позже Балли Хайс потерял «Эллениту» — бриг дал течь и затонул неподалеку от Самоа. Значит, все-таки на краденном коне далеко не ускачешь. Капитан и его подружки благополучно достигли берега.

Вскоре Хайс в качестве пассажира на попутном корабле добрался до Австралии и оказался в Сиднее. Поскольку к тому времени он был уже хорошо известной личностью, одна городская газета «приветствовала» его статьей «История одного негодяя». «Неизвестно, — говорилось в статье, — на что еще решится этот субъект, безнаказанно совершивший столько преступлений. Может быть, он снова будет уводить суда или наметит очередную жертву себе в жены...»

Несмотря на то что к тому времени на счету у Хайса были значительные «заслуги», тем не менее он считал, что ему приписали несколько больше преступлений, чем он совершил на самом деле. Поэтому капитан написал в редакцию опровержение, в котором, правда, признавался в похищении шерифа с Гавайев, но категорически отметал все остальные обвинения. Как бы то ни было, вскоре его арестовали за долги и заключили в тюрьму Дарлингхарст.

После того как он покинул тюрьму, Балли на какое-то время пропал, к большому огорчению его многочисленных жен. Позднее стало известно, что он, загримированный под негра, выступал в качестве шансонье перед горняками на золотых приисках Австралии.

Немного отдохнув в пустынных районах Австралии, Хайс снова бросился в авантюру — обманул какого-то торговца и на деньги последнего купил трехсоттонный барк «Лаунсестон». В марте 1861 г. Хайс погрузил на барк уголь с пунктом назначения Бомбей и покинул Новый Южный Уэльс. Как легко можно догадаться, уголь в Бомбей доставлен не был, так как Балли продал его с пользой в Батавии, где снова погрузил товар в кредит и исчез в открытом океане. О «Лаунсестоне» никто больше никогда не слышал, зато о капитане...

В 60-х годах наш герой значительно расширил круг своей преступной деятельности. Он занимался тем, что похищал аборигенов Меланезии, продавая их в рабство, поставлял маори оружие для борьбы с англичанами, уводил суда, грабил товары и, наконец, с оружием в руках громил небольшие торговые станции, размещен-

ные белыми торговцами на множестве мелких островов. Случались у Хайса и «несчастные случаи на производстве». Такое произошло в свое время с «Элленитой», буквально из-под его ног ушел под воду и бриг «Рона». Однако Балли удалось добраться до острова Манихики (архипелаг островов Кука). Там с помощью местных мастеров он построил небольшую лодку, на которой отправился на Самоа затем, чтобы на своем новом невольничьем судне снова вернуться на тот же Манихики и... похитить островитян, которые совсем недавно помогали ему сооружать лодку. Со временем Балли Хайс приобрел известность как одна из зловещих личностей того времени.

В 1870 г. последний пират Тихого океана командовал кораблем под названием «Пионир» вместе со своим сообщником, который выручил его из беды на Самоа. Бриг вышел в Коралловое море, и театром его действий стали воды, омывающие Микронезию. Вскоре в этих районах участились случаи похищения детей в рабство, грабежи и разбой. Оба пирата хозяйничали в водах Каролинских, Соломоновых островов и острова Лайн. Прошло какое-то время, и Хайс стал единственным владельцем черного брига «Леонора», а его сообщник погиб насильственной смертью при неизвестных обстоятельствах.

Кроме своих «обычных» дел — торговли невольниками, похищений и грабежей — Хайс занялся устройством собственной торговой станции, словно собирался сделаться почтенным торговцем. На «Леоноре» его всегда можно было увидеть в безупречно белой рубашке, белых брюках с красным шарфом вокруг бедер, с венком из благоухающих цветов на шее. Обычно его окружали красивые молодые женщины — чаще всего их выбирали ему из числа похищенного на островах живого «товара». Кроме того, Балли Хайс содержал целый гарем на острове Кусаие. Со временем этот остров стал его любимой резиденцией и местом оргий, которые происходили здесь, когда «Леонора» стояла на якоре у его берегов. Однако с тех пор фортуна стала поворачиваться спиной к мошеннику. То ли пьянство, то ли рассеянность стали причиной того, что красавец бриг, к которому Хайс был очень привязан, окончил свое существование на рифах у острова. Балли и его команда сошли на берег. Их появление привело к таким беспорядкам, что миссионеры, находившиеся за 1000 миль, стали пи-

сать на него жалобы. В результате самому Куднафу, тогдашнему начальнику австралийской военно-морской базы, пришлось прибыть на судне «Росарио» на Кусаие, чтобы расправиться с Хайсом. И снова Балли удалось избежать возмездия. Преступления были совершены им в открытом море или на островах, не подлежащих ничьей юрисдикции, т. е. там, где его действия оказались вне досягаемости закона. Кроме того, нельзя было возбудить дела из-за отсутствия свидетелей, а Хайс являлся американским гражданином. Удрученному командору пришлось освободить Хайса из-под ареста.

Тем не менее Балли немного струсил и решил покинуть Кусаие. Он отчалил от берега на лодке, но на пути случайно встретил китобойное судно, которое доставило его на Гуам. Там неисправимый пират раздобыл корабль и снова занялся работорговлей. В скором времени его арестовали испанцы и, игнорируя его гражданскую принадлежность, отправили в Манилу, в тюрьму с особым режимом.

Казалось бы, здесь, на Филиппинах, зловещим преступлениям Балли пришел конец. Сам Йошуа Слокум, совершивший в то время одиночное плавание вокруг света, так описывал встречу с Хайсом в 1875 г.: «Старый пират не имел ни гроша за душой, был истощен болезнью, исхудал. С развевающейся седой бородой полусаженной длины шагал он босиком в главе процессии, неся в руках огромную свечу...»

В 1876 г. испанцы досрочно выпустили Хайса из тюрьмы. На это решение повлияли его набожность (*sic!*) и примерное поведение. Неимущий американский моряк был отослан в Сан-Франциско. Казалось бы, в портах Тихого океана никогда не услышать больше об этой преступной личности. Но прошло несколько месяцев, и Хайс снова оказался в море, теперь уже на небольшом 30-тонном «Лотосе», конечно же украденном. В начале 1877 г. суденышко достигло Маршалловых островов и направилось к берегам Кусаие.

Но теперь уже перед нами не прежний элегантный Балли Хайс. Нет у него ни женщин, ни пуделей, ни белоснежной рубашки, ничего, кроме чистых припадков ярости, которые он обрушивает на голову корабельного кока. Однажды во время очередного приступа гнева Хайс, ослепленный бешенством, схватился за карабин. Он ревел, что застрелит несчастного повара. Разъяренный, он бросился на свою жертву, но кок ударом тяпки

убил капитана, а тело его немедленно выбросил за борт «Лотоса».

Еще долго потом в портах Тихого океана никто не хотел верить тому, что Балли Хайса уже нет в живых, тем более что он имел обыкновение время от времени исчезать, распуская при этом слухи о своей гибели. Однако история пирата на этот раз действительно подошла к концу. Тем не менее о Балли Хайсе, личности так или иначе достаточно яркой, долго еще ходили всевозможные рассказы, в которых старому разбойнику приписывались все новые и новые «подвиги». Ведь он жил в такое время, когда в островном мире Океании царило беззаконие.

Нетт

Путь из Колонии в деревню Нетт недолог, тем более что ширина Понапе, второго по величине острова Микронезии, нигде не превышает 15 миль. В Нетт я отправился с группой туристов от отеля «Поэмпэи». В состав ее входили высокий тощий швед лет 60, супружеская пара из Калифорнии — обоим вместе было около 150, японец в возрасте, не поддающемся определению, и молодой немец, скорее всего студент. Я оказался сбоку припека. Меня уговорили совершить эту экскурсию, заверив, что я увижу настоящую жизнь жителей Понапе. Мой опыт в этом плане был весьма печален. Я уже несколько раз позволил втянуть себя в такие поездки для туристов в различных пунктах земного шара и всегда возвращался в полном разочаровании. Здесь все дело решил дождь, который разрушил мои планы самостоятельной экскурсии на Сокек. Остаться в отеле не хотелось, а организаторы экскурсии предоставили нам микробус.

По дороге дождь прекратился, но пути назад уже не было, и... к счастью. Нас повезли в самую обычную деревню, с ее повседневной, ничуть не бутафорской жизнью. Общий вид деревни, как и повсюду на Понапе, очаровательный: невысокий берег реки или поймы, повсюду зелень. Деревенские жители заняты будничной работой. При нашем появлении началось движение, но вовсе не под лозунгом «Туристы идут — переодевайся индейцем!», а скорее «Приехали гости, поприветствуем гостей!» Деревня не спеша стала готовиться к приему

гостей, а нам позволили разойтись по поселку, посмотреть окрестности.

Все происходило без спешки. Сначала симпатичный старичок с достоинством приветствовал нас и организовал ритуальное умащивание дорогих гостей. Когда наши торсы и впалую грудь молодого немца умастили благовонным кокосовым маслом, нам на головы возложили венки, сплетенные из душистых цветов. Однако во всех процедурах не было и тени фальши, какая чувствуется в подобных случаях на Гавайях или Таити, напротив — это было приятным для обеих сторон проявлением симпатии. Правда, я все-таки чувствовал себя несколько смущенным: ведь у нас, на берегах Вислы, можно увидеть с венком на голове только Балладину в Театре Польском, а вовсе не взрослого мужчину. Но я припомнил пиры римлян, описанные в «Камо грядеши», и перестал огорчаться своим довольно странным видом. Мне показалось, что японец в очках и в венке выглядит еще смешнее, чем я.

В деревне никто не обнаруживал ни недостойной суетливости, ни коммерческого интереса. Я имел возможность сколько угодно любоваться пальмовыми рощами и удивительно яркими цветами на кустарнике, а также угощался то вареными клубнями ямса, то кокосами или бананами, которые приносили дети. Бродя по деревне, я наткнулся на небольшой ангар; впрочем, это слышком сильно сказано, скорее сарай, в котором делали лодку с балансиром. Два пожилых островитянина строгаги с внешней и внутренней стороны борта лодки, которые сверкали свежим деревом розоватого оттенка. Я заговорил с мастерами, но они покачали головами и что-то ответили. Вскоре появился юноша, тоже с венком на голове. Я попросил его стать нашим переводчиком. Мне хотелось знать, соблюдается ли теперь при постройке лодок магический ритуал, как это делалось в прежние времена.

— Конечно, — оживился выпускник городского колледжа. — Все начинается еще при выборе ствола дерева, а потом особенно тщательно соблюдается ритуал во время его транспортировки. Это решает вождь.

— А какие ритуалы совершаются до этого?

— Прежде чем срубить дерево, надсекают кору на уровне груди взрослого мужчины, под дерево кладут живую рыбку, немного таро, кусочек кокосового ореха и хором произносят заклинания.

— Этот обычай сохранился и сейчас?

— А зачем от него отказываться? Ведь лодка может сразу же утонуть.

Юноша не шутил, он говорил абсолютно серьезно. «Значит, местные обычаи еще не исчезли», — подумал я.

— Потом при перевозке ствола в деревню, до того как первый раз ударить топором по дереву, не говоря уже о церемонии спуска лодки на воду, все ритуалы тщательно соблюдаются. Эта лодка будет готова примерно через месяц, оставайтесь, вам будет интересно посмотреть, как все происходит.

Я вежливо поблагодарил юношу за рассказ и пошел назад, туда, где в это время происходило что-то интересное.

Хижины, которые мы видели в Нетте, были прямоугольными в плане, но состояли, собственно, только из крыши и четырех поддерживающих ее стволов деревьев. Жизнь проходила у всех на виду, на циновках или рядом с ними. Женщины занимались плетением корзиночек, циновок и юбок из различных волокон. На Понапе по праздникам мужчины также надевают юбки.

Большую группу мужчин, именно так одетых, с торсами, блестящими от кокосового масла, и душистыми венками на головах, я встретил поблизости от центральной площадки деревни. Я истратил остаток пленки в кинокамере на красавцев островитян и тут же выругался с досады, потому что именно в тот момент из-за зелени деревьев появилась целая вереница женщин и девушек в таких же юбочках и веночках. Видимые различия касались только области грудной клетки. Однако мне не пришлось увековечить милую глазу картину, так как пленка кончилась.

Началось представление, вернее, праздник. Похоже наши хозяева сразу же забыли, что поют и танцуют специально для нас. Они пели для собственного удовольствия и готовились в течение двух часов к представлению, потому что вообще любят петь, им нравятся праздники ради самих праздников. Именно островитянам Океании, так же как индейцам Южной и Северной Америки, протестантские миссионеры нанесли огромный вред, запретив им петь, танцевать, веселиться, делать все то, что являлось естественной потребностью этих детей природы. Они заставили их петь псалмы и запретили ходить обнаженными, убили радость жизни, что значительно приблизило вымирание этих народов.

Первый танец, который нам показали, был довольно оригинален и исполнялся на возвышении с тремя ступенями, напоминающем трибуну стадиона. По европейским понятиям представление скорее похоже на выступление хора, чем на балет, однако это было все-таки нечто большее, чем пение. Приятная мелодичная песня сопровождалась синхронными движениями рук, которые играли существенную роль, так как подчеркивали мелодию, делали ее более выразительной. Но основным элементом номера были ритмичные удары дротиками о поручни трибуны, на которой происходило представление. На фоне девственного леса, ярких цветов, покрывающих берега, сцена казалась удивительно захватывающей.

Традиционный танец *анеи* — вершина искусства местных жителей. Затем начались другие танцы, уже не только на «спортивной» трибуне, но и просто на земле. Мужчины танцевали отдельно, а женщины — отдельно. Весь спектакль проходил в сдержанном, можно сказать, малодинамичном темпе. Не было резких прыжков, безумного вихря. Здесь все было легко, гармонично, мягко. Может, причиной тому — климат, а может, тропическая лень, но большинство танцев исполняется «в партере», сидя, лишь верхней частью корпуса.

Наша маленькая группа была очень довольна поездкой в Нетт. Весь обратный путь мы вспоминали то симпатичного старика вождя, то красивых детей, плавающих в маленьких лодочках по реке, с венками на головах, то представление и вкус плодов, которыми нас угощали. Тощего шведа особенно восхищали климат и потоки солнечного света, заливающие кокосовую рощицу на берегу реки.

В отеле «Поэнпэи» в 5 часов дня, за чаем, мы увидели новые лица. Оказывается, пока мы получали эстетическое удовольствие, самолет привез на остров новую группу туристов, несколько человек из них поселились в отеле. В основном американцы. А так как они всегда интересуются окружением, то представились всем, пожелав в ответ иметь обо всех присутствующих более или менее подробную информацию. Наиболее «подозрительным» показался мне американец с золотистыми, как у Балли Хайса, волосами и голубыми глазами по имени Роберт А. Росински. Мы сели в уголке отделанного тростником салона и довольно долго беседовали о мореходстве на Тихом океане, так как Роберт служил в ка-

кой-то маклерской фирме на Гавайях, получал, как утверждал, вполне приличное жалование, имел жену-японку и троих почти взрослых детей.

— Вы знаете, я и даже моя жена не выдержали в Токио. Кроме того, жизнь там очень дорогая. Переехали на Гавайи и не жалеем, — сказал Роберт.

— Кажется, там довольно много американцев японского происхождения, так что, наверное, жена не чувствует себя одиноко?

— О нет. На континенте Гавайи называют даже «Малой Японией». Сейчас эта группа населения преобладает, в том числе и в экономическом отношении...

Добрых пятнадцать минут мы разговаривали обо всем и ни о чем — о цунами, о вулканах, о ценах и поездке в Гонолулу. Мистер Росински еще раз поинтересовался, действительно ли я из Польши, и казалось, что на этом наше знакомство закончится. Однако произошло иначе.

На следующий день мы случайно встретились в Колонии. Я был приглашен на ленч. За десертом, состоявшим из мороженого, Роберт как-то странно суетился, намяся, наконец, сказал:

— Джон, помню, у нас в доме — я родился в Детройте — говорили по-польски. Давно это было. Скажи же, пожалуйста, что-нибудь соедем простое на этом языке. Мне интересно — пойму я что-нибудь или нет?

Я немедленно выполнил просьбу Роберта. Удивительно, но он понял меня! Для проверки я перевел свои слова на английский язык. Правильно! И началась игра. Мистер Росински был неутомим. Целый час я придумывал отдельные фразы, а Роберт переводил и был безмерно доволен. Может, со стороны наша несколько детская игра казалась удивительной, но мы были увлечены ею. Роберт сиял. Вероятно, вместе с языком он вспоминал картины из жизни родного дома. Мне тоже было приятно, и я проникался все большей симпатией к этому американцу.

— Знаешь, Джон, — Роберт хватил меня по плечу с силой парового молота, — я решил поехать в Польшу. Это далеко, я знаю, но поеду. Покажу мальчикам их roots³¹. Подожди, как это по-польски?..

— Корни, — подсказал я.

— Именно, корни, — с удовольствием подхватил мак-

³¹ Roots — «крыша», «корни» (англ.).

лер с Гавайских островов. — Это у нас сейчас модно. Ведь должны же они хотя бы раз взглянуть на страну, родом из которой их дед.

Роберт на минуту задумался и продолжал:

— Скажи, Джон, польские самолеты летают в США? — В нем на минуту пробудился практичный американец. — И какие даются льготы?

— Летают, дают сезонные льготы в рамках тарифов и наверняка что-нибудь сверх того. Напиши в «Лот», у них есть конторы в Нью-Йорке и Чикаго.

— Прекрасно, — обрадовался Роберт. — «я писать, писал, напишу», — старался свежее испеченный поляк.

Больше всего Роберт неожиданно увлекся Кубари. Он с удивлением слушал мой рассказ о работе ученого и его заслугах в этом районе мира.

— Ты уверен в этом? — спросил он. — Кубари действительно был лучшим на Каролинских островах и жил здесь, на Понапе?

Научные достижения Кубари Роберт толковал, я бы сказал, в спортивных категориях, но он был поражен фактом, что поляк, работавший тут, признан в научном мире. Росински долго рассматривал со всех сторон памятник, к которому я же отвел его, и затем он решительно произнес:

— Надо бы его восстановить! Не правда ли?

Конечно, мистер Росински был прав, но памятник отделяют от Польши половина земного шара, две уничтожительные войны и 100 лет. Однако с какой стороны ни посмотреть — Кубари определенно заслуживает внимания от страны, в которой, как он писал, «хотел бы найти покой на берегах Вислы».

— Роберт, ты знаешь, сто один год назад именно здесь в первый и последний раз было отпраздновано рождество по-польски? — не без некоторой рисовки спросил я.

— О, очень интересно! Я помню Детройт! Когда это было! — расчуживался он. — Добрых сорок лет назад, помню, *father* («отец») и *sister* («сестра») пели *special songs* (рождественские песни). Как давно это все было! Шел снег, под елкой лежали подарки. Но какое же рождество состоялось здесь? Ведь тут нет ни снега, ни елки.

— Вот как это происходило, — уверенно сказал я. — Кубари постарался, чтобы на столе стояли блюда, похожие на те, что традиционно подаются на рождество в

Польше. Насколько я помню, он писал о... клецках, жареной и вареной рыбе, курице, жарком из свинины, морских раках, салате, сыре, хлебе и чае, об ананасном и банановом торте...

— Я тоже очень люблю сладости, — заявил Роберт.

Несколько месяцев спустя после возвращения на родину я вспомнил свою встречу с Робертом Росински и решил снова посмотреть у Кубари то место, где он описывал рождество на Помапе в 1876 г.

В декабрьскую жару под сенью пальм, когда солнце стояло в зените, мой земляк мечтал о морозе, снеге, саниах, звоне бубенцов. Чтобы как-то заглушить тоску, он решил устроить рождественский праздник, на который пригласил около 80 человек. Прием должен был состоять из двух частей: первая — для домашних (прислуга и друзья еще с Самоа), вторая — для гостей. По традиции все получили рождественские подарки.

Приглашенные местные жители, обожающие веселье и праздники, стали сходитья вскоре после полудня. Их ждал импровизированный стол, покрытый вместо скатерти листьями папоротника, бананового дерева и куркумы. Здесь лежали жареные поросята, ямс, сладкий картофель и другие местные деликатесы. Всем мужчинам преподнесли по бутылке джина. Кубари писал, что произнес перед ними поздравительную речь с традиционными пожеланиями успехов в будущем году. Потом «я выпил за их здоровье бокал водки, который обошел весь круг гостей, за исключением женщин». Обычай запрещал женщине есть и пить из одной посуды с мужчиной. После обильного рождественского ужина и выпивки перед взором гостеприимного хозяина развернулось зрелище, которое нигде и никогда не сопровождало рождественские праздники.

Вот что писал об этом Кубари:

«Тем временем водка сделала свое дело. Все стали громко петь и танцевать. Поднялся такой тарарам — просто страх. Наконец, когда ритм танца и пения, так же как грохот, издаваемый с помощью консервных банок, стал подобен безумному иступлению, двое танцоров вскочили на стол, схватили связку заранее приготовленных копьев. Они угрожали ими остальным танцорам, которые всячески демонстрировали им свое презрение и отсутствие страха вызывающими минами, прыжками и воплями. Внизу и на помосте начался дикий танец: двое метали копьа в танцующих, а те с невероят-

ной ловкостью уклонялись от них. Это была в своем роде прекрасная картина, но в то же время и страшная; пришлось пойти на „диверсию“ и пожертвовать *pro publico bono* (почтеннейшей публике) котел чая. Так прошла ночь».

Единственное за все времена празднование рождества на Каролинских островах удалось на славу.

День с хранителем музея

Пенсл явился за мной в отель вовремя. Мы условились, что он покажет мне Мпомт, место, где стоял дом Кубари. Хранитель музея заранее предупредил меня, что там нет ничего. Несмотря на это, я просил его показать мне это «ничего». К сожалению, оказалось, что не стоило даже вынимать фотоаппарата. Маленькая речушка Пилипен, кажется, была та самая, к которой когда-то вплотную подходили плантация знаменитого поляка и его ботанический сад. Пенсл показал мне место, где прежде стояло жилище Кубари. Хижина, о которой известно, что у нее не было фундамента, исчезла.

От дома не осталось и следа, но он стоял именно здесь. До нас дошло описание, оставленное его хозяином в письме к сестре в далекую заснеженную Варшаву, датированное им 1876 г.:

«Домик мой 16 футов шириной и 36 футов длиной поделен на три равные комнаты. Средняя — так называемый *парлёр*, т. е. салон (!). Пол застлан циновками, на стенах ковры, большое зеркало, фотографии; большой стол, канделябр. Это парадная комната для торжественных случаев, приема вождей и белых гостей. Одна из крайних комнат представляет собой спальню, другая — мой кабинет. Эта последняя — самая важная часть моего дома, и я не пожалел затрат и труда, чтобы сделать ее удобной. Просторная, светлая и прохладная, она позволяет мне удобно и спокойно заниматься. Стены увешаны полками, на которых стоят мои книги, инструменты и приборы. Вдоль стен длинные столы для препарирования образцов, рисования, писания. Узкая лестница ведет из спальни на верх, который я превратил в сушильню и склад сухих экспонатов. Часть чердака служит жилищем для женской прислуги. С фасада, обращенного к морю, расположена широкая веран-

да, обеспечивающая мне тень в знойную часть дня и место отдыха вечером или в непогожие дни. Здесь находятся мои метеорологические инструменты и 13 больших ящиков со стеклянной тарой для экспонатов и образцов. С задней стороны дома под той же крышей построены две комнаты, одна из которых сообщается с моим кабинетом, а другая — со спальней. Первая — моя фотолaborатория и склад химикатов и ядов, вторая — кладовка, пока еще полная европейских яств...

Поодаль участок засажен сахарным тростником, бананами, таро, ямсом, ананасами и разбросанными повсюду хлебными деревьями. Если бы я решил здесь поселиться, то через несколько лет этот клочок земли превратился бы в настоящий рай, обильный плодами, где можно было бы жить и питаться, но я, мечтая обрести вечный покой на берегах Вислы, тружусь здесь для того, чтобы плодами моего труда питались другие. Мне лишь хочется приучить к труду местных жителей, а землю, которую я приобрел в собственность, оставил бы в дар моим честным *анкорайцам* (прислуге. — *Примеч. авт.*). Если я вернусь в Европу, отдам им Мпомп на вечные времена, переженю их, и они смогут жить, есть и радоваться.

Сразу же за моим жилищем темнеет девственный лес с его высокими деревьями и непреодолимыми зарослями вечнозеленых лиан, папоротников и мхов. Из моего дома, расположенного на берегу, открывается вид на порт и море. Чуть справа выдаются в океан полуострова племени Нетт, переходящие в цепи гор с очень крутыми склонами, поросшими дремучими лесами. Прямо подо мной извивается узкий рукав моря, поросший манграми и представляющий восточную границу моего участка; западную границу образует река с ее каскадами; позади меня — леса, ущелья, горы...»³².

Я с грустью вспоминал это описание Кубари здешних мест, глядя на окружающие меня заросли, типичный дикий буш. Не было абсолютно ничего, за что могло бы уцепиться воображение.

Пенсл понял, что, несмотря на его предупреждения, я все-таки разочарован. По доброте сердца он предложил навестить его друзей, они из клана, родом из которого была жена Кубари Анна.

³² Отрывки из этого письма были опубликованы на страницах варшавского «Тыгодника иллюстрированного» (№ 88, 1 сентября 1877 г.)

По дороге Пенсл старался дать мне основные сведения об общественном устройстве острова. Так, я узнал, что жители Понапе истари делятся не только на 20 кланов, но также и на благородных и простонародье. В здешнем обществе господствует матрилинеаризм, означающий, что мать является единственным лицом, от которого ведется род. От нее тянутся все родственные, а также социальные связи. Благодаря этому, например, брат матери для ее детей — лицо более важное, чем родной отец. Таким образом, здесь в обществе у женщины более высокий ранг, чем у многих других народов, населяющих острова Тихого океана.

Уникальной особенностью Понапе, насколько мне известно, неповторимой не только для Микронезии, но и для других островов, является институт двух вождей в каждом из пяти племен жителей Понапе. Одного титулуют *нанмарки*, а другого — *нанкин*. Это своеобразное двоевластие обеспечивает племени равновесие в его структуре, которое подкрепляется матрилинеарными браками обеих линий вождей. Любопытно, что основные детали этого механизма сохранились до наших дней, может, вследствие оккупации острова чужеземцами. Согласно легенде, первым нанмарки был великий завоеватель Понапе Исокелель, а первым нанкином — сын завоевателя по имени Налепениен.

— В прежние времена коронация нанмарки племени Мадоленигmv совершалась торжественно, сопровождалась продолжительными церемониями и, конечно, обязательно возлияниями *сакау*.

— Сакау? Что за напиток?

— Местное название известной по всей Океании *кавы*. Я думаю, ты пробовал этот напиток, — заметил Пенсл.

— Вообще-то да, я даже несколько раз видел, как его готовят.

— Сегодня ты увидишь, как его готовят у нас. Я приглашаю тебя вечером к себе домой.

Я поблагодарил за приглашение, а Пенсл продолжал свой рассказ о том, как возводят вождя на «трон».

— Чаше всего этот торжественный обряд совершался ночью, с участием лишь посвященных. В него входили шествия с факелами, произнесения таинственных заклинаний, натираение нового вождя обломком скалы, затем «возведение» его на помост — сооружение в виде платформы. Вождя сажали на возвышение не без умысла:

простые смертные обязаны всегда держать головы склоненными перед нанмарки. Поэтому, если вождь не сидит на возвышении, ходить поблизости от него можно, лишь согнувшись в три погибели. В присутствии вождя даже подростки должны спрашивать у него разрешение, можно ли взобраться на пальму, чтобы нарвать кокосовых орехов.

Беседуя, мы шли по тропинкам мимо пышных садов и обрабатываемых полей. Я нигде не замечал скоплений жилищ, чаще всего из зарослей виднелись одинокие постройки.

— Да. Так у нас живут, — подтвердил мои наблюдения Пенсл. — Несмотря на внутриклановые связи, мы неохотно живем деревнями. Отдельные семьи, чаще всего в нескольких поселениях, живут обособленно.

Неожиданно мы выбрались из зарослей. Прямо перед нами возникло жилище, представляющее собой гибрид традиционной архитектуры и современной типовой постройки. Как я уже понял, такое сочетание должно было свидетельствовать о зажиточности семьи, но давало минимум эстетических впечатлений.

Первыми нас заметили дети. Увидев дядюшку Пенсла, они обрадовались, но мое бледное лицо и смешной длинный нос перепугали их. Какое-то мгновение они стояли в оцепенении, но затем толпа обнаженных карапузов с криком исчезла из виду. И тут к нам навстречу вышли взрослые.

На местном языке Пенсл стал им объяснять цель нашего визита. Тем временем вокруг нас собиралось все больше людей — девушки и женщины всех возрастов. Многие из них по случаю нашего прибытия прикрылись какими-то полотенцами, кусками материи, из чего я сделал вывод, что обычно здесь ходят полуобнаженными. Пенсл довольно долго что-то объяснял им, но мужчины слушали его совсем без интереса, каждый был занят своим делом. В конце концов по знаку, данному мне Пенслом, я вынул книгу Слабчиньского о Кубари, которую привез с собой из Польши. Я открыл ее на странице, где был портрет ученого и его жены.

Женщины с неподдельным интересом склонились над книгой. Прежде всего, как сказал мне Пенсл, они стали оживленно обсуждать европейское платье жены Кубари. Отовсюду слышалась незнакомая речь, но Пенсл счел нужным перевести лишь одно: Анна умерла в 1937 г., когда была уже совсем старой женщиной.

Пока присутствующие знакомились с книгой, дети, немного осмелев, подошли ближе. Они стали жаться к матерям и сестрам, все время поглядывая на мое белое лицо со страхом и любопытством.

Пенсл почтительно поблагодарил старшую из женщин. Я сделал несколько снимков, и мы двинулись в обратный путь, к Колонии. Было уже за полдень. Солнце ярко освещало «прекраснейший сад Микронезии», как иногда называют Понапе. «Сад» действительно великолепен, но только, на мой взгляд, его слишком часто поливают. В это время снова хлынул дождь. Мне так хотелось укрыться под каким-нибудь банановым деревом, но Пенсл, не обращая ни малейшего внимания на ливень, спокойно продолжал идти по тропинке. Мне оставалось только следовать его примеру. Вскоре дождь прекратился, и, похоже, хранитель музея был прав: когда снова показалось солнце, наши рубашки и волосы моментально высохли. Вот что значит тропики!

К моему удивлению, Пенсл оказался моим соседом. Он жил по другую сторону коралловой дороги, с которой я сворачивал к отелю «Поэнпэи».

Мы двигались уже в темноте, но мой провожатый ни разу не споткнулся, бесшумно шагая, словно привидение. Я шел за ним и, разумеется, производил большой шум. Когда мы добрались до места, луна еще не взошла и было совсем темно.

Мне показалось, что я нахожусь на довольно просторной площадке, с двух сторон обрамленной хижинами. В одном из этих строений светил слабый огонек керосиновой лампы, резко обрисовывающий контуры ближайших предметов и усугубляющий тьму за пределами ее действия. Хозяин жестом пригласил меня присесть на циновку, расстеленную на земле. Я уже хорошо ориентировался в Океании, поэтому сразу же выбрал местечко возле столба, поддерживающего крышу. Это давало мне возможность опираться о него спиной, что было существенно, так как я знал, что позу со скрещенными по-турецки ногами долго не выдержу. Я огляделся вокруг и в свете керосиновой лампы разглядел несколько мужчин. Пожалуй, они были молодые, судя по голосам, какие прозвучали в ответ на мое «калеселия». Женщин тут не было.

На знак, поданный Пенслем, двое юношей подошли к лежащему посреди хижины плоскому камню, который я только теперь заметил. С большой ловкостью они ста-

ли крошить и перетирать каменными толкушками не только корни, но и стебли, а также листья и тоненькие отростки. Я узнал эти листья кустарника, перечника *Piper methysticum*, весьма распространенного на всех островах Тихого океана. Я с интересом наблюдал за движениями молодых мужчин. Мне невольно припомнились подобные приготовления, которые случалось видеть на Новых Гебридах и Фиджи. Однако там употребляли и растирали лишь корни этого растения. Я поделился своими знаниями с Пенслоу.

— Я тоже слышал об этом, — заметил он, — но эти люди понятия не имеют о вкусе настоящего сакау. Тут очень важны листья, а нежная кора молодых ветвей придает напитку особый вкус. Ты убедишься в этом сам. На Фиджи употребляют каву в порошке, который хранят в мешочках. Мне кажется, это ужасная гадость!

С последним заявлением Пенсла я был абсолютно согласен. Причем для меня не имело никакого значения, как называется жидкость — сакау, кава или *джагуна* (Фиджи). Этот «великолепный» напиток похож на жидкую, терпкую на вкус грязь. Чтобы почувствовать его легкое наркотическое действие, надо выпить много литров этой жидкости. Я, конечно, не мог выпить столько и, может, именно поэтому не имел должного представления о достоинствах напитка.

Тем временем сакау было почти готово. Молодые люди уже поливали кашу водой, что означало, что сакау вот-вот будет подано.

Из темноты появился какой-то старик, видимо отец или дед хозяина. Он присел возле каменного стола, держа в руке половину скорлупы большого кокосового ореха, которую юноши стали наполнять сакау. Я боялся нанести обиду гостеприимной семье, поэтому спросил шепотом у Пенсла, должен ли я выпить все, что мне подадут, или поступить, как меня учили раньше. Хорошо, что спросил. Оказалось, на Понапе не пьют всю порцию сакау одним духом. Напротив, надо отпить немного и вернуть «кубок» «церемониймейстеру».

В прежние времена телохранители вождя следили за соблюдением обряда, связанного с питьем сакау, а тех, кто нарушал церемониал, просто-напросто убивали. В качестве почетного гостя я получил кокосовый «кубок» первым.

— Нельзя смотреть на присутствующих. Лучше всего закрыть глаза, — услышал я шепот,

Взяв «кубок» обеими руками, я закрыл глаза и сделал порядочный глоток сакау. Во рту появился знакомый отвратительный привкус, губы и язык одеревенели. С любезным выражением лица я вернул «кубок» «церемониймейстеру», который сразу же передал его Пенслу. Снова чаша вернулась в руки старца и снова... Из темноты тянулись руки: они принимали чашу и возвращали ее. «Кубок» обошел «стол» несколько раз, совсем как в прежние времена в польских поместьях.

Некоторое время спустя пришли женщины. Передо мной и перед хозяином поставили деревянное блюдо с вареным ямсом, кусочками мяса, крабами, а также груды плодов. Начался обычный ужин, который продолжался два часа. За это время Пенсл представил мне двух своих сыновей, а потом жену и дочерей. Разговаривали лишь мы двое, присутствие остальной семьи не ощущалось. Вообще во время этого визита я ничего толком так и не увидел, хотя мне очень хотелось познакомиться с тем, как живут островитяне. Однако расспрашивать было неудобно. Самое приятное для меня известие хозяин припас под конец вечера. Оказалось, на следующий день нам предстояла морская поездка к таинственным руинам Нан-Мадола! К тем самым, которые, как полагают, являются памятниками неизвестной цивилизации, а возможно — остатками легендарной Микронезиды!

Нан-Мадол

Лодка плавно скользила по хрустальной воде лагуны. По левому борту, в 200 или 300 метрах от нас, у полосы рифов, кольцом окружающих весь остров, кипела и пенилась вода. При встречном ветре и хорошо действующем балансире наше каноэ шло без крена. Парус тянул отлично, а слабенький моторчик на корме добавлял скорости. За его работой, присев на корточки, следил Джимми, симпатичный микронезиец, работник отеля; прямо передо мной сидел Пенсл.

В лучах яркого утреннего солнца, которое разбросало по волнам сверкающие блики, я отчетливо видел «архитектуру» кораллового дна. С увеличением глубины она приобретала пастельные тона, подо мной развернулась вся палитра красок от бледно-зеленого до темно-изумрудного. По мере нашего продвижения я на-

учился уже издали, по цвету воды различать мели, образованные наносами песка, и глубокие места, где нам не угрожало столкновение с рифами. Время от времени мой взор останавливался на балансире, прикрепленном без единого гвоздя, только с помощью мастерски сплетенного лыка, к корпусу лодки, сделанному из одного ствола. Когда я смотрел на наше угловое каноэ, то с трудом верилось, что всего каких-то несколько дней назад я прилетел на этот остров на суперсовременном реактивном самолете.

По правому борту тянулся живописный остров, как будто взятый из дешевого фильма о тропических островах Тихого океана. На берегу росли лохматые пальмы, время от времени виднелись крыши жилищ, покрытые пальмовыми листьями, немного дальше — густая зелень деревьев и зарослей, покрывающих склоны крутых холмов Понапе.

Мы медленно плыли вдоль восточного берега острова, направляясь на юг. Через некоторое время исчезли рифы, защищавшие нас. Теперь по левому борту был открытый океан. Наша лодка отлично преодолевала довольно высокие волны. Лишь брызги при движении каноэ стояли густым соленым туманом. Я был спокоен за свои камеры, тщательно упакованные в пластиковый мешок, и поэтому стойко переносил могучие ласки моря. Берега Понапе неизменно тешили взор своей красотой. Каждая пройденная миля позволяла наблюдать все новые и новые пейзажи, которые менялись, словно в калейдоскопе.

Шел уже третий час нашего плавания. Джимми выруливал все правее, мы шли на сближение с большим обломком коралловой скалы. Надоедливый душ из соленой воды вдруг прекратился. Я вопросительно посмотрел на Пенсла. Он отрицательно покачал головой.

— Еще нет, — услышал я его голос, — но мы пришли вовремя, уровень прилива как раз такой, как надо, мы все сможем осмотреть.

Джимми осторожно вел лодку, ловко маневрируя между камнями, большими и малыми. Наконец из-за очередной коралловой скалы, поросшей растительностью, показали стены мощной постройки. Они производили сильное впечатление. Длинные базальтовые брусья вздымались на высоту нескольких метров над моей головой. Каменные бревна, сложенные штабелем, как огромные жертвенные костры, образовывали строе-

ние, существование которого в этой пустыне никак нельзя было предполагать.

Лодка подошла к полуразрушенным ступеням, ведущим прямо к широкому провалу, который наверняка когда-то представлял собой ворота в стене гигантской постройки. Вокруг царила тишина. Единственным звуком, который доходил до нас, был мягкий плеск воды, заливающей черный, покрытый мхом базальт. Я вскарабкался наверх. У входа стены были толщиной не менее 4 метров. Передо мной раскинулся внутренний двор, а на нем темными пастями зияли подвалы. Со всех сторон меня окружали базальтовые балки тщательной кладки, возвышались цоколи, стены. Даже несведущему было ясно, что эти каменные балки длиной не менее 6 метров весили 3—5 тонн каждая, несколько веков назад они могли быть воздвигнуты гигантским трудом и организованными усилиями многих тысяч человеческих рук.

В задумчивости бродил я по широкому двору. Повсюду меня окружал черный базальт, из которого местами торчали стройные пальмы, кустарник и даже мощные стволы хлебного дерева. Удивительны силы природы, раздирающие слабыми на вид корешками глыбы скал.

Пенсл бесшумно присоединился ко мне. Он понимал, что я поражен видом огромной постройки, воздвигнутой на этом крошечном клочке суши, окруженном океаном. Поэтому он очень деликатно, осторожно вступил в свою роль гида:

— Тут захоронены владыки... А в этой пещере содержались узники, приговоренные к пыткам... Здесь находилась фотолаборатория, которую устроил твой земляк Кубари...

Потрясенный, я двигался среди остатков глубокой древности. Вот виднеются проломы в стене: некогда они служили входными воротами для простолюдинов. Широкими входами пользовались повелители острова и благородные жители.

— Для островитян эти развалины были когда-то табу, — говорил Пенсл, — впрочем, табу сохранилось до сих пор. Далеко не все жители Понапе отваживаются даже в наше время приплывать сюда. Эта часть руин носит название Нан-Довас (остров Воинов). По мнению ученых, здесь наверняка была крепость, которой пользовались только во время многочисленных войн.

С большой степенью вероятности установлены места постоянных сторожевых постов, вот на этих двух строениях, — мой гид указал рукой с высокой стены, где мы стояли, — даже нашли костры, на которых они готовили себе пищу. В настоящий момент Нан-Довас, — лучше всего сохранившаяся часть всего Нан-Мадола. А теперь пойдем вниз, я покажу самую большую базальтовую глыбу, какая была здесь использована.

Глыба действительно оказалась внушительной. Являясь частью фундамента, она буквально «вырастала» из воды и представляла собой угловой бастион. Вытесанный ступенями, он был мощным основанием для нескольких опирающихся на него базальтовых столбов. Похоже, вес его не менее 5 тонн. Больше всего меня поразило мастерство, с которым были пригнаны камни. Она напоминала крепости инков, которые я в свое время имел возможность осмотреть в Перу.

Мой самоотверженный гид посмотрел на воду и решил, что при этом уровне прилива нам еще удастся пройти пешком в направлении открытого моря и посетить Нан-Моулусее (остров Акул) и Кондерек (остров Мертвых). Я не совсем понял, что означают эти два названия, но охотно поспешил вслед за ним, бредя по икры в воде вдоль сточных канав, тоже выложенных базальтовой плиткой. Нан-Моулусее оказался некогда мощной стеной, как бы защищающей Нан-Довас от ярости морских волн; от нее сохранились лишь небольшие фрагменты. Однако на нее стоило взглянуть, хотя бы ради поэтической легенды, рассказанной Пенслем. Вот какую удивительную историю поведал мне любезный гид.

Давным-давно Нан-Моулусее служил местом испытания для молодых жителей Понапе, отправляющихся в святыню Нан-Мадол. По ритуалу молодой человек должен был подняться на эту высокую стену, взять в руку небольшой камень, произнести над ним магические заклинания, бросить его в море и прыгнуть вслед. Такой прыжок был очень опасен, так как у основания стены жили вечно голодная акула Лиеон и ее супруг по имени Оун. Эти милые супруги, слышав всплеск, тут же бросались к тому месту в надежде полакомиться, но, увидев, что брошен лишь камень, уплывали назад. В этот момент отважный воин успевал прыгнуть и всплыть прежде, чем акулы возвращались. Если заклинания произносились недостаточно тщательно или воин

оказывался не слишком проворным, ему никогда не удавалось попасть в святыню Нан-Мадол.

Выслушав эту легенду, я снова побрел за моим гидом, не без труда продираясь через густые заросли мангров. Кондерек оказался местом захоронения жрецов, которое размещалось в базальтовом городе, поблизости от владык острова. Согласно поверьям, существующим на Понапе до сегодняшнего дня, духи посещают именно это место особенно часто. Основным доказательством тому служат покрывающие постройку заросли кустарника с нежными красными цветами. Пенсл показал мне это чудо: действительно, на почве, насквозь пропитанной соленой морской водой, с необычайной пышностью разрослись густые заросли кустарника, хотя известно, что обычно растения не переносят морскую воду.

Вымокшие до нитки и исцарапанные, мы вернулись на внутренний двор Нан-Довас. Пенсл снова проверил уровень воды и предложил отдохнуть.

— Надо подождать часок, пока вода поднимется, — пояснил он, — иначе не проплыть.

В тени дерева мы разложили бананы, кокосовые орехи и печеные плоды хлебного дерева. Признаться, этот пикник на могилах давно умерших людей, могущественных владык, по приказу которых были возведены эти стены, мне показался не совсем уместным. Но бананы были необыкновенно вкусными, а содержимое кокосовых орехов великолепно утоляло жажду. Все здесь меня интересовало, и я замучил вопросами хранителя музея:

— Как сюда попал этот строительный материал? Ведь вокруг лишь коралл, и то его немного. Как здесь оказались базальтовые балки?

— Большинство ученых, которые исследовали этот вопрос, пришли к мнению, что базальтовые балки попали сюда с Сокас Рокк, горы возле здешнего аэродрома, — отвечал Пенсл.

— Это не близко, мы плыли оттуда не менее трех часов! Каким образом тогда перевозили такие тяжести?

— Все считают, что базальт переправляли на плотках, камни подвешивали под ними в воде.

— Понятно, а как же эти камни затем поднимали наверх?

— Скорее всего вкатывали и втягивали по наклонным платформам, сделанным из коралла.

— Сколько же требовалось для этого людей и времени?

— Этого никто не знает и, наверное, уже не узнает никогда.

Я надолго замолчал, уйдя весь в свои мысли. Построен величественный город, думалось мне, на острове, где сейчас проживает 17 тысяч человек, а в 1855 г., как известно, население его составляло лишь 5 тысяч. В настоящее время при довольно хорошо развитой медицинской службе в радиусе 2 тысяч километров от Понапе обитает не более 15 тысяч островитян, из них способных к тяжелым работам — не более 3 тысяч. Каким же образом и с какой целью воздвигнут этот гигантский город? Возможно, правы те исследователи, которые утверждают, что район Каролинских островов когда-то представлял собой большой материк. Теперешний архипелаг — лишь остаток погрузившейся в океан суши. Затонувшая Микронезида — аналог мифической Атлантиды? Что ж, Нан-Мадол был бы недурным тому подтверждением. А может, снова пришельцы? Наверное, Дэнекен делает правильно, заставляя своих современников вновь и вновь возвращаться мыслью к древним цивилизациям, исчезнувшим во мраке веков.

Необычная письменность жителей острова Волеан, входящего в состав Каролинских островов, пожалуй, тоже могла бы служить подтверждением тезиса о существовании Микронезиды. Английский ученый Макмиллан Браун посетил остров в 1913 г. и записал, что эта письменность «известна только 5 жителям острова. Поэтому нет оснований полагать, что ее выдумал один из них». Браун исключает также возможность изобретения оригинального письма после прибытия европейцев, так как в этом случае в его основу был бы положен либо рисунок латинских букв, либо рисунок предметов, распространенных тогда в меновой торговле. Однако такое подобие отсутствует. По мнению Брауна, письмо с Волеан представляет собой остатки цивилизации, возникшей в мифической Микронезиде со столицей Нан-Мадол на острове Понапе. Микронезида, Пацифида — может, эти предположения подтвердятся раскопками, а может, последнее слово останется за подводной археологией.

— Послушай, Пенсл, — снова начал я свой доклад, — на этих развалинах работали какие-нибудь археологические экспедиции?

— Насколько мне известно, в прошлом столетии первым систематически исследовал их ваш соотечественник Кубари, если не считать стихийных изыскателей из экипажей китобоев и миссионера Галлика. Кубари составил подробный план, которым руководствовалась крупная немецкая экспедиция, копавшая здесь в тысяча девятьсот восьмом — тысяча девятьсот десятом годах. Поляк сам открыл, кажется, тридцать погребений.

— Я знаю. К сожалению, его коллекции погребли в тысяча восемьсот семьдесят четвертом году вместе со шхуной «Альфред», затонувшей на рифах вблизи одного из Маршалловых островов.

— Очень жаль. Я не знал об этом. У меня в музее очень мало материалов. После немцев копали...

— А вы забыли еще губернатора Берга! — вмешался в разговор молчавший до того Джимми.

— Ты прав, сынок, — похвалил его Пенсл. — Это случилось в тысяча девятьсот седьмом году. Тогдашний губернатор скончался по неизвестным причинам.

— Эта история похожа на те, что случались и с гробницами фараонов!

— Не знаю, я не слышал.

— Если хотите, я провожу вас завтра к могиле Берга, — предложил Джимми.

Наш разговор оборвался. Растянувшись под деревом, я смотрел в небо сквозь причудливо вырезанную листву хлебного дерева. Однако я еще не исчерпал кладезь знаний о Нан-Мадоле, каким располагал хранитель музея.

— Что же произошло затем? Кто исследовал эти руины?

— После немцев в тысяча девятьсот двадцать восьмом году копали японцы. Они нашли кости людей, по своим размерам вдвое превышавших возможный рост прежних жителей острова...

«Опять загадка», — подумал я. Давно вымершая раса? Пришельцы из космоса?

— В тысяча девятьсот сорок втором году в Нан-Мадоле работала большая японская экспедиция. Именно тогда памятник Кубари был передвинут на теперешнее место, неподалеку от стен испанского форта. В тысяча девятьсот сорок восьмом году прибыла экспедиция ученых из США, а недавно — работники «Музея Бишопа» на Гавайях. Я немного помогал им и знаю, что скоро прибудет еще одна экспедиция из США, при-

чём с аквалангистами, и впервые проведёт подводные исследования в этом районе.

— А как насчет возраста этих руин, он точно установлен?

— Точно... — Пенсл сделал паузу. — Радиоактивный анализ остатков костра, который мы с тобой видели на сторожевой башне, показал, что их можно датировать XI в. Значит, им более 800 лет. Может быть, так...

Пенсл был не очень в этом уверен.

— Наверное, у вас на Понапе есть какие-то тому свидетельства, устные рассказы?

— Вообще-то существуют, но это длинная история.

— Расскажи, пожалуйста, — попросил я.

— Давным-давно, так давно, что никто уже не помнит, на острове жили два брата, Олосипа и Олосопа. Они решили построить большой *пеи*, на нашем языке значит «каменный дом». Сначала они строили его возле горы Нетт, потом на берегах Уэ — остатки этих построек сохранились на Понапе до сих пор. Но в конце концов они выбрали лучшее место — недалеко от островка Темвен; это как раз там, где мы сейчас находимся. Было построено восемьдесят искусственных островков, на которых и возвели Нан-Мадол...

— Извини, пожалуйста, Пенсл, — прервал я его, — не хочешь ли ты сказать, что весь Нан-Мадол стоит на искусственно созданном грунте?!

— Конечно. Так оно и есть на самом деле. В этом не может быть ни малейших сомнений. Именно поэтому Нан-Мадол называют «микронезийской Венецией». Лишь малая часть построек стоит на естественной суше — острове Темвен.

Я задумался и прекратил дальнейшие расспросы. Пенсл подождал минуту и продолжил свой рассказ:

— ... Люди клана обоих братьев не могли построить крепость Нан-Мадол своими силами. Поэтому они попросили помощи у жителей Мадоленигмв, на территории которых возводился город. Потом, как свидетельствует предание, помощи просили у всех жителей Понапе, а также у островитян соседних Восточных Каролинских островов. Работы продолжались, и Олосопа после смерти своего брата стал первым повелителем острова, дав начало целой династии Сауделеров. Согласно легенде, их было шестнадцать. Каждый из них живет в красочных рассказах. Так, например, правитель Саконэ Муел-Сауделер IV наверняка заслужил прозвище Жестокий.

Раипуэнлако был *Саудемой* — «Ревнивый». Ревность его и сгубила, а вместе с ним и всю династию. Саудемой прогневался на бога грома Наэнсапве за его тайные встречи с неверной женой последнего Сауделера. Он решил поймать его и замучить. Однако богу грома удалось бежать на соседний остров Кусаие. Он нашел там женщину, оплодотворил ее, чтобы она родила ему сына-мстителя. Вскоре родился мальчик. Ему дали имя Исокелекель. Однажды он и 330 его воинов прибыли в Нан-Мадол. Они победили воинов последнего Сауделера и захватили власть в святом базальтовом городе и на всем Понапе. Исокелекель положил начало новой династии нанмарки. На памяти жителей Понапе сохранился 21 повелитель этой линии, которая существует и сейчас. Они продолжают править на Понапе наряду с американской администрацией и органами самоуправления. Однако резиденция нанмарки теперь не Нан-Мадол, а Темвен, который входит в состав Мадоленигмв.

— Не помнишь ли ты, как имя того нанмарки, который правил на острове во времена Кубари?

— Да это легко установить. С тысяча восемьсот семьдесят второго по тысяча восемьсот девяносто шестой год правил нанмарки Паул, который убивал каждого христианина, появлявшегося на острове. Затем он неожиданно и сам стал христианином, кажется после того, как три раза подряд промахнулся в миссионера, читавшего Библию. Он превратился в истового христианина и... святошу.

— Это при нем произошел бунт против испанцев, уничтоживших плантацию Кубари?

— Да, это случилось как раз в то время...

Тут Пенсл резко поднялся.

— Мы сидим здесь и болтаем, а тем временем нам давно уже пора идти в лодку. Надо сейчас же плыть дальше, если, конечно, мы не хотим, чтобы у Темвена нас захватил отлив.

Мы быстро собрали наши скромные пожитки и сели в лодку. На этот раз Пенсл поместился на носу, а Джимми — у руля.

Началось необыкновенное плавание. Мы направились по каналу с берегами, выложенными базальтом, который во многих местах, видимо, обрушился в воду, так как они зияли широкими провалами и то и дело скрывались в мангровых зарослях. Лишь время от времени из чаши проглядывали фрагменты базальтовых

призм. Вероятно, мы плыли по главному каналу — он был довольно широкий. Пенсл, ораторствующий на носу лодки, временами и впрямь напоминал гондольера на Канале Гранде в Венеции. Он много знал о местах, мимо которых мы проплывали. Я не запомнил всего, что он говорил, но помню, как Пенсл объяснял, будто мы минуем места, где натирали благовониями (*sic!*) тела мертвых, рассказывал о руинах под названием *пейнеринг*, где для всего Нан-Мадола производили кокосовое масло. Тут оказалось много мест, где многочисленные экспедиции нашли различные погребения. Были и другие — представлявшие собой когда-то центры связи, или, как сказали бы мы сегодня, информационные центры. На островке стояли священные деревянные барабаны, обтянутые кожей скатов. Их голоса оповещали жителей города обо всем, что им следовало знать.

Наша лодка то и дело меняла курс, петляя по каналам, скрытым зачастую под арками сросшихся кронами деревьев. Однако повсюду виднелись остатки базальтовой облицовки водных артерий. Из этого захватывающего путешествия мне запомнились места, которые назывались Пан-Кадир, Идеэд и Келепвель.

Пан-Кадир — это остатки квадратной в плане постройки, размерами значительно меньше Нан-Доваса. Когда-то она считалась административным центром базальтового города. Это место — строжайшее табу для микронезийцев. Сюда имели доступ лишь правители, их жены (но не во время месячных!) и по специальному разрешению чиновники. Последние имели право входить только через главный вход в строго определенном месте, в противном случае им грозила казнь. Свои копья они оставляли перед входом. Представителям каждого округа в Пан-Кадире отводилась особая угловая башня. Древние легенды гласили: если башня рухнет, подмытая волнами, погибнет и род, которому она принадлежит. Легенда получила подтверждение почти в наше время. Угловая башня Сокеса обрушилась без всяких видимых причин в 1910 г., почти одновременно с восстанием жителей одного района против немцев. Население Сокеса было тогда почти полностью уничтожено. То же произошло на острове Кусаие в то время, когда в результате деятельности белых численность населения резко упала.

В Пан-Кадире была маленькая улочка, где откармливали на убой пленников и преступников, там же был

бассейн с соленой водой, в котором держали предназначенную в пищу рыбу, чтобы она не утратила свежести.

Мы посетили руины Келепвеля, находящиеся на противоположной стороне канала, — любимое место моего проводника. В результате многочисленных исследований, в том числе ученых из Смитсоновского института в 1963 г., было установлено, что скорее всего именно в этом месте находилась резиденция самого Исокелекеля и его 330 воинов.

Пенсл показал мне большое количество тщательно обработанных камней округлой формы, которые, возможно, служили гвардейцам повелителя для игр.

Место, которое называлось Идеэд, принадлежало жрецам Нан-Мадола. Оно занимало небольшую площадь и почти совсем исчезло в зарослях. Если бы не Пенсл, я ни за что не заметил бы остатков каменной печи и маленького углубления, которое могло быть небольшим бассейном. Пробы, взятые учеными из пода этой печи, указывали на то, что ею пользовались около 600 лет назад. В маленьком бассейне когда-то держали священных угрей, которым, соблюдая сложный церемониал, жрецы приносили в жертву черепах, для того чтобы умилостивить богов и избежать их гнева.

Пенсл был неутомим. На меня непрерывно изливался поток интереснейшей информации. Он сыпал труднейшими названиями. Несмотря на это, ни одно из продемонстрированных мне мест «микронезийской Венеции» не производило и половины того впечатления, как Нан-Довас. Беспорядочно наваленные или полузатонувшие камни древнего поселения не так сильно поражали воображение.

— Мы находимся на Темвене, единственном участке натуральной суши в этом городе, — говорил хранитель музея, показывая мне очередные развалины. — Эта постройка носила название Пеэиэнкитель. Мы уже упоминали, что как раз здесь умер губернатор Берг. Обследовавшие эти погребения немцы, так же как японцы, считают, что в склепах захоронены тела нескольких Сауделеров и семь правителей из династии нанмарки. Когда-то это место было особо строгим табу.

Волнующая экскурсия подошла к концу. Наша лодка выбралась из зарослей мангров и черных камней на более широкое пространство чистой, спокойной воды.

У меня в голове перепутались услышанные гипотезы, мнения различных ученых, факты и картины базаль-

того города, увиденные собственными глазами. Угри, воины, бастиионы, гробницы — наверное, все было именно так, как реконструировали глубокое прошлое ученые. Но главный вопрос оставался открытым: почему произошло это именно здесь, в центре Тихого океана? Кто научил этих людей инженерному искусству? Откуда взялись кости людей-гигантов? Откуда сонмища рабочих-строителей? По своим размерам Нан-Мадол не уступает Мачу-Пикчу в перуанских горах и пирамидам, построенным майя, изощренным в математике и составлении календаря. 41 гектар построек из базальта на 18 искусственных островах!

Я оглянулся. Нан-Мадол совсем исчез в гуще растительности, так же как его история во мгле веков. После долгих размышлений я решил остаться сторонником теории о затонувшей Микронезиде.

Обратное путешествие не было столь приятным. Едва мы выбрались из лабиринта каналов Нан-Мадола, как на нашу лодку налетел резкий ветер. Залитый водой моторчик сразу же заглох. Мы пробивались по бурлящему морю на лоскутке паруса. Лодка ныряла в волнах, и уже не брызги, а целые каскады воды заливали ее. Балансир опасно выгнулся. Пенсл сидел у руля. Джимми и я едва успевали вычерпывать воду половинками скорлупы кокосового ореха. Мачта угрожающе трещала. Это уже было похоже не на экскурсию, а на борьбу со стихией. Наверное, Нан-Мадол до сих пор — табу, промелькнуло в моей голове.

Ветер все крепчал. С огромным трудом мне и Джимми удалось уменьшить парус. До спасительной защиты, какую могла дать нам полоса рифов, оставалось добрых полмили, когда лопнула одна из поперечин, крепящих балансир. Правда, Пенсл успел немного повернуть лодку, но ее остойчивость стала значительно меньше. Теперь мы уже не успевали вычерпывать воду. Стоя по колено в воде, мы старались выплескивать ее за борт. Вождеденная гряда рифов с зеркалом сравнительно спокойной воды укрыла нас почти в последний момент. У меня уже отнимались руки и совсем онемела спина.

Все-таки духи Нан-Мадола в своей мести оказались ко мне более милостивы, чем к губернатору Бергу. Я был лишь слегка наказан за прикосновение к тайнам базальтового города. Всю следующую неделю от солнца и соленой воды у меня с лица клочьями слезала кожа...

МАРШАЛЛОВЫ ОСТРОВА

Когда я прибыл на Майюро, я был словно в дурмане и лишь после долгих усилий вычислил день недели. Такое произошло из-за моего получасового пребывания на Кваджалейне, самом большом атолле в мире. Казалось бы, такой несложный расчет, но я никак не мог его произвести. Дело в том, что эта «точка» в океане живет по тому же времени, что и Гавайи, т. е. гринвичское минус 12 часов, тогда как Майюро придерживается времени Гуама, т. е. гринвичское плюс 12 часов. Таким образом получается парадокс: когда на Кваджалейне, расположенном на западе от Майюро, воскресенье, на последнем (в получасе полета от Кваджалейна) уже наступил понедельник. Это своеобразное смещение временных представлений обусловлено, конечно, весьма прозаической причиной: мощная секретная военная база на Кваджалейне подчинена командованию, находящемуся на Гавайях. Оказывается, в наше время армия даже на Тихом океане диктует гражданам свое время, что выглядит весьма символично.

По пути с Понапе самолет «Континенталь Эрлайнз» опустился на огромное бетонное поле, и стюардесса сообщила, что на этот раз пассажирам не разрешается покидать кабину самолета. Буквально все пассажиры прилипли к стеклам иллюминаторов. Тем не менее, кроме упомянутого бетона и нескольких небольших построек, никто ничего не увидел. Секретный полигон баллистических и многозарядных ракет глубоко скрывает свои тайны от нескромных глаз.

Окрестности аэродрома полностью лишены растительности и... местного населения. Люди переселены на близлежащий остров Эбейе. Паром ежедневно доставляет их на базу, где они заняты на вспомогательных работах и даже неплохо зарабатывают. Возможно, они собирают осколки ракет, вылетевших из установок, расположенных в Калифорнии, на расстоянии в 8 тысяч ки-

лометров. Иногда ракеты падают в окрестностях атолла, а иногда перехватываются ракетами «Нике Х» и им подобными. В самолете кто-то громко рассказывал, что военный персонал в 3 тысячи человек с семьями неплохо устроился на острове — в поселке с домами, в которых есть кондиционеры, бассейнами, кинотеатрами, полем для гольфа, больницами. Зато условия жизни островитян, теснящихся на Эбейе, поистине ужасны. Санитарное состояние острова оставляет желать много лучшего.

После получасовой стоянки наш реактивный самолет в соответствии с расписанием поднялся в воздух, так что я могу сказать с чистой совестью, что на самом крупном атолле мира видел лишь кусок бетона.

С птичьего полета атолл Майуро кажется ненадежным. Огромный овал лагуны окружен узенькой прерывистой полосочкой суши. Трудно представить, что на этих обрывках суши живет 8 тысяч человек. Тем не менее это так. В аэропорте я увидел несколько такси. Разве не удивительно? Позднее я узнал, что количество таксомоторов вдвое превышает число, обозначающее длину единственного шоссе. От аэродрома до сточного поселка 6 километров ровной дороги. Раньше на этом пути пришлось бы дважды пользоваться лодкой, но теперь островки Далап, Улича и Даррит соединены плотиной и полосой асфальта, так что такси могут мчаться сломя голову. То же самое происходит и с противоположной стороны аэродрома. Там в полном распоряжении машин лента шоссе, ведущего к пляжам и маленькой деревушке с красивым названием Лаура.

Мне никогда еще не приходилось ездить по такой узкой дороге, на которой водитель может из окна кабины плюнуть в лагуну, а пассажир со своего места бросить окурочку прямо в Тихий океан. Впечатление необычное. «Земля» поднимается над уровнем воды на неполных два (буквально!) метра. И все-таки везде видны следы цивилизации в виде огромных банок из-под пива и фруктовой воды. Наконец я оказался в центре поселка, в отеле «Айдрик» с 9 номерами, а также кондиционером (*sic!*), музыкальной машиной и автоматом с прохладительными напитками.

Картинки истории

Маршалловы острова состоят из бесчисленных рифов и атоллов, которые обычно делят на две главные цепи — Ратак и Ралик. В группе Ралик широкой публике наиболее известны такие названия, как Бикини, Эниветок и Кваджалейн, в цепи Ратак находится Майюро, столичный атолл дистрикта Маршалловы острова.

Следует напомнить, что общая площадь «суши», составляющей дистрикт, не превышает 180 квадратных километров и эти клочки земли разбросаны по акватории площадью один миллион квадратных километров. Это свидетельствует о степени развития мореходного искусства прежних жителей островов, которое, к сожалению, исчезло. О былой славе напоминают лишь «карты», сплетенные из палочек и ракушек на потребу туристов. Их прототипы служили древним навигаторам. На них были обозначены течения, ветры и местоположение отдельных островов. Теперь на этих островах стоят огромные радары. Они наблюдают за полетами ракет и космических кораблей.

Маршалловы острова были открыты испанцами, но не вызвали у них особого энтузиазма, затем ими заинтересовались немцы, австралийцы и, наконец, японцы. Во времена, наступившие после эпохи Великих географических открытий, острова заново открыли капитаны Гилберт и Маршалл. Более близко Европу познакомили с этими островами две русские научные экспедиции под командованием Коцебу, который, между прочим, в 1825 г. открыл знаменитый в наше время остров Бикини. Как мы уже знаем, Кубари тоже провел здесь свои исследования на атоллах Эбон и Ялуит, т. е. на южной оконечности цепи Ралик.

На долю затерянных в океане Маршалловых островов выпали свои неприятности в период расцвета китобойного промысла, а также во время войн белых людей. В 1914 г. на атолле Майюро находилась немецкая база военного снаряжения для крейсеров, во второй мировой войне атолл недолго использовали японцы, но вскоре они перешли на близлежащие острова Мили, оставив на Майюро трех солдат.

Американцы не сумели узнать об этом в нужное время, и если на Пелелиу они недооценили сил противника, то на Майюро их переоценили. Поэтому для захвата атолла с большой тщательностью готовили удар-

ную группу, и в последний день января 1944 г. началось наступление. Полетели тонны снарядов, в атаку поднялись отважные маринес, и, конечно, остров был завоеван при потерях, состоявших из одного солдата, который случайно утонул. После «боев», которые продолжались 3 часа, адмирал Хилл смог доложить своему начальству, что его войска овладели островом Майюро. Вскоре остров стал важной исходной базой американцев. В лагуне появились сотни военных и вспомогательных кораблей, здесь был построен аэродром и размещен гарнизон численностью свыше 7 тысяч человек. В те времена база Майюро считалась чем-то вроде санатория.

«Раненые» острова

Всем теперь известна печальная судьба островитян с атоллов Бикини и Эниветок. После экспериментальных взрывов прошли десятилетия, а прежние жители этих маленьких островков все еще скитаются вдали от родного острова. 70-летний Эндрю Акео, самый старший из островитян, депортированных с Бикини вторично в 1978 г., так рассказывал японским журналистам, которые были свидетелями эвакуации, о том, что произошло с жителями острова: «В марте 1946 г. американцы попросили нас покинуть остров. Тем самым мы дали им возможность произвести пробные атомные взрывы; они сказали, что этим мы послужим человечеству и предотвратим будущие мировые войны. Мы согласились, ведь они пообещали, что это ненадолго».

В то время островитяне не подозревали, что практически навсегда теряют свою родину. Еще и сейчас большая часть населения Бикини, насчитывавшего в то время около 1000 человек, живет на островах Қили и Кваджалейн, которые отстоят от их родного острова на 800 километров. Все, что сделали эти люди для того, чтобы «спасти человечество от войн», обернулось для них самих проклятием, которое все еще преследует их детей и внуков.

Так, в ноябре 1972 г. в больнице умер от лейкемии 19-летний Лекон Анийян. По мнению врачей, заболевание вызвано облучением. Он — первая жертва на Ронгелапе долговременного действия радиоактивного облучения, еще далеко не исследованного медициной.

Анийяину исполнился лишь год, когда на соседнем острове Эниветок взорвалась водородная бомба «Браво», самая мощная из серии проводившихся здесь испытаний. В ней оказалось 15 мегатонн, т. е. сила ее взрыва в 60 раз превышала мощность бомбы, сброшенной на Хиросиму. Взрыв был проведен при неблагоприятных метеорологических условиях, и радиактивная туча, образовавшаяся взрывом, прошла над Бикини, Ронгелапом и Ронгериком и далее в открытый океан, где на расстоянии 160 километров находилось судно японских рыбаков «Фукуру Мару». Факт, что судно облучено, стал в то время широко известен. Однако не все газеты сообщили, что через полгода после этого скончался радиотелеграфист судна, 39-летний Аикихи Кубояма, а 22 его товарища до сих пор ощущают последствия этого облучения.

На других островах Маршаллова архипелага у 28 американцев и 236 островитян также появились признаки лучевой болезни: зуд, обмороки, рвота, понос и выпадение волос. Американцев срочно эвакуировали из опасной зоны, а местному гражданскому населению пришлось ждать эвакуации неделями. Тем самым власти недооценивали последствий облучения. Жители Утирика смогли вернуться на свой остров уже через 2 месяца, а с Ронгелапа — лишь 4 года спустя. Американцы замалчивают последствия своего небрежного отношения к жителям островов и стараются скрыть их с помощью научных эвфемизмов. Когда в июне 1978 г. «Лос-Анджелес Таймс» сообщила, что спустя 25 лет после взрыва водородной бомбы «Браво» значительная часть населения Утирика страдает болезнями щитовидной железы и раком, компетентные власти энергично отрицали какую-либо связь этих болезней с пробными взрывами минувших лет.

После трех лет исследований на островах Ронгелап и Утирик ньюйоркская «Брукхэвн нэшнл лэборатори» в своем отчете заявила, что «люди, страдающие на Маршалловых островах лучевой болезнью, представляют собой в высшей степени ценный материал для наблюдений. Они подвержены всем возможным опасностям, вызванным облучением».

За это время на других Маршалловых островах возросло число заболеваний щитовидной железы, а несколько лет назад всем детям Ронгелапа были сделаны операции.

— С нас довольно, мы не желаем, чтобы американцы относились к нам как к подопытным кроликам, — заявил Эндрю Акео.

США пытаются очистить острова от «злых духов», которых вызвали сами. Когда в 1969 г. президент Линдон Б. Джонсон намечал план возрождения Маршалловых островов, Эниветок и Бикини являли собой кратеры и напоминали безжизненную поверхность Луны. Между тем жители Бикини, вторично покидая родной остров, увезли в душе его образ — возрожденного «тропического рая» с кокосовыми пальмами, банановыми и хлебными деревьями. В «утерянном рае» Эндрю Акео было выстроено 40 новых домиков и высажено 50 тысяч кокосовых пальм.

Однако после радиологического обследования в 1974 г. выяснилось, что растения, плоды, домашние животные и крабы заражены радиоактивными частицами, содержащимися в почве. Даже питьевая вода оказалась отравленной, поскольку водохранилища для пресной воды были сложены из камней, пораженных радиацией.

Поэтому жителям Бикини запретили пользоваться продуктами, производимыми на острове, и с 1977 г. они оказались в полной зависимости от поставок не только продуктов питания, но и питьевой воды. «Образцово-показательный поселок» вскоре превратился в настоящую богадельню,домишки которой тонули в кучах банок из-под кока-колы и консервов. К тому времени эксперты пришли к мнению, что остров можно обезвредить, лишь удалив всю зараженную почву.

Именно это и пытаются сделать на атолле Эниветок. Недавно американская армия начала реализовать программу по обезвреживанию островов.

Вне зависимости от конечных результатов этих мероприятий — даже если они полностью оправдают себя — судьба Бикини должна стать мощным сигналом в борьбе против атомного оружия. Жизнь горсточки людей, скитающихся с одного острова на другой, стала трагичной. Что же произойдет, если зараженными окажутся целые континенты? Где найдут себе спасение их жители? На нашей планете не окажется места, где можно будет переждать, когда угаснут убийственные последствия радиоактивного излучения.

Человечество впервые овладело оружием самоуничтожения. Наша планета за короткое время может превратиться в радиоактивное облако. Все может случить-

ся, если люди потеряют бдительность. Сейчас, в 80-е годы, мне кажется, что телевизионные программы ежедневно должны напоминать о судьбе Бикини и его несчастных жителей. Необходимо повторять рассказ о «раненом» острове и зараженных плодах, чтобы люди не забывали об угрозе ядерной радиации.

Прощание с Микронезией

Первые два дня на Майюро я чувствовал себя уютно. Куда ни пойдешь, везде океан. Огромные волны, бегущие откуда-то от берегов Калифорнии, с шумом разбивались о рифы, охраняющие от гнева океана несколько сотен растущих на атолле пальм.

Когда я смотрел на эти бурлящие волны, невольно думалось о страшных цунами, ураганах и смерчах, обрушивающихся на этот остров. Однако ничего такого не происходило, веял лишь легкий муссонный ветерок, который нес приятную прохладу. Ощущая вполне твердую почву под ногами, я вскоре перестал думать об океанских катаклизмах.

В моих прогулках по узенькой полоске суши, которую представляет собой Майюро, я никогда не оставался один. Однако меня сопровождали отнюдь не стройные островитянки с венками из цветов на голове, а... толпа детишек. Они бежали за мной повсюду, и только раз мне удалось от них избавиться, когда в отчаянии я взял такси. Но именно среди ребят я нашел своих лучших друзей на Майюро. Заинтересованные моими манипуляциями с фотоаппаратом, они водили меня по самым интересным местам, туда, где было множество крабов, великолепных раковин и лавчонок — там я обычно покупал им сладкую фруктовую воду. Мои маленькие гиды заслуживали небольших поощрений, так как именно благодаря их помощи я осмотрел все прелестные уголки на этой узенькой ленточке суши.

Больше всего я радовался, когда меня пригласили в местный магазин сувениров. Там продавали красивые салфетки, подносы, сплетенные из волокна пандануса и отделанные раковинами каури. Тут были и циновки, но самое главное — я увидел мастерскую по изготовлению морских карт из палочек. Такими картами пользовались мореходы Маршалловых островов еще в середине XX в., т. е. в то время, когда на других островах Океа-

нии искусство мореплавания находилось на грани полного исчезновения.

Хозяин «картографической мастерской» города — симпатичный старик, который — это видно с первого взгляда — относился к своему делу с серьезностью и тщанием, хотя его «карты» предназначались не отважным морякам, а лишь туристам в качестве сувенира.

С неподдельным интересом я следил за работой старика. Под рукой у него находились связки тонких бамбуковых палочек и полосок из листьев кокосовой пальмы. Отдельно лежали ракушки-перламутровки. Из научных исследований, посвященных картам древних мореходов, я знал, что именно эти дары моря, вплетенные в прямоугольные «карты», обозначали отдельные острова.

Старик, осторожно сгибая бамбуковые прутья, связывал их лыком, а затем вплетал палочки и ракушки. Это получалось у него очень ловко. Видно, за один рабочий день он делал несколько таких «морских карт».

Я стал расспрашивать старика (в этом мне помогал его внук) о прежних временах и о его искусстве плести «карты». Он оказался не слишком разговорчивым, но я все-таки узнал, что теперь он делает лишь карты-*реbellion*, — карты-схемы островов всего архипелага. Прежде существовали учебные «карты», по которым учились молодежь и будущие штурманы. Были и более подробные «карты», на которые «наносились» отдельные районы архипелага с их островами и течениями.

«Карты» мореходов Океании (у жителей Маршалловых островов они были самые лучшие) значительно отличались от европейских. Они изображали не очертания берегов, а главным образом систему течений и направление волн. В довольно примитивных на вид прутиках содержались наблюдения многих поколений мореходов, которые благодаря общению с океаном обладали обширными знаниями в области астрономии и океанографии.

Европейцы охотно поддерживают версию, будто благодаря лишь их усилиям освоена наша планета. То же самое они заявляют и о тихоокеанском регионе, хотя их первое здесь появление относится к XVI в., в то время как история Океании насчитывает тысячелетия. Островитяне Океании совершали рискованные путешествия в открытом океане тогда, когда суда европейцев трусливо жались к берегам. До нас дошло мало сведений об экс-

пёидициях этих великопейных мореходов, однако непреложным остается факт, что они заселили острова, которые лежат на расстоянии 8 тысяч миль от поселений их праотцев. В эпоху миграций на Тихом океане совершались такие путешествия, и их осуществляли самые великопейные мореходы всех времен.

Однажды мои маленькие друзья позорно предали меня ради появившихся здесь туристов. В лагуну Майюро зашло огромное по здешним масштабам пассажирское судно, плавающее под флагом Науру. Несколько десятков туристов, вооруженных бесчисленными камерами, разбежалось по единственной улочке поселка, фотографируя на ходу буквально все, что попадалось на глаза. Наиболее живописными представлялись приезжим протестантская церковь безупречной белизны и многочисленные такси, которые здесь никто не ожидал увидеть. Поселок — резиденция властей дистрикта — вполне может понравиться приезжим: здесь нет ни мазанок, ни плетеных хижин. Но, по-моему, жилые постройки с жестяными крышами портят вид куда больше, чем изящные и гигиеничные жилища в старинном стиле.

Очевидно, старые времена уже не вернутся. Здесь предано забвению искусство строительства лодок, когда-то так необходимых, но появилась потребность в мотоциклах. Фонарик, белые носки, пиво стали товарами первой необходимости. Однако, чтобы приобрести их, нужны деньги. Возможно, где-то на атоллах, далеко от торных дорог цивилизации, еще сохранилась прежняя шкала ценностей, другой стиль жизни. Но здесь, на Майюро, это все давно размыто, но не муссонными дождями, а исчезло в выхлопных газах автомобилей и в реве реактивных двигателей. Жаль, конечно. Эти клочки суши, где производится лишь немного копры, все еще не утратили своего очарования. К сожалению, его почти не видно под грудами банок из-под пива.

Наступил день моего отлета. Реактивный самолет за 5 часов преодолевает пространство от Майюро до Голулу.

С высоты нескольких тысяч метров невозможно рассмотреть ни отеля «Айидрик», ни моего любимого пандануса в прелестном уголке лагуны. Отсюда не увидеть ни проблем, ни будущего этих зернышек суши, рассеянных по огромному океану. 100 тысяч жителей, 2 ты-

сячи островов, миллионы долларов, полигоны для ракет, водородные бомбы, новые порты и базы. Далеко отсюда до здания ООН на Ист-Ривер. В изобилии здесь пиво и кока-кола, но не хватает таро и хлебных деревьев. Рыбу никто не ловит, все носят джинсы. Тысячи, а может быть, десятки тысяч лет тут жили отважные мореплаватели. Их не сломили ни тайфуны, ни цунами. Они создавали величественные произведения искусства, мечтали о счастье, а может, и о завоеваниях. Удивительный Нан-Мадол, таинственные колонны на Тиниане — свидетельство прекрасной организации и эффективного труда древних островитян. Сегодня никто не выходит в море, чтобы помериться с ним силами в борьбе за жизнь, никто не возводит монументальных городов. Юноши лениво жуют бананы и ждут, когда привезут в местный кинотеатр новые фильмы с Кинг-Конгом, а может, с Джеймсом Бондом. Земли здесь мало, работы нет. Даже место портье в сияющем огнями ночном клубе в Гонолулу кажется необыкновенно заманчивым.

Контуры маленького острова расплываются. Где-то далеко внизу темная туча сечет дождем воду огромного океана. В какие времена породил океан тысячу островов теперешней Микронезии? Когда исчезла в его глубинах древняя Микронезида? Неизвестно. Никто не знает и того, когда впервые пришли сюда люди и откуда. Потоки дождя словно пеленой закрыли все вокруг...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Только что, дорогой читатель, вы познакомились с новой книгой известного польского журналиста Януша Вольневича, основанной на двукратных посещениях им Микронезии во второй половине 1970-х годов.

Я думаю, что, как и другие его работы, переведенные и опубликованные в нашей стране, эта книга встретила ваше благосклонное внимание, что обусловлено как литературными способностями автора, так и самой темой.

Действительно, судьба Микронезии (Марианские, Каролинские и Маршалловы острова) во многом уникальна. Народы, населяющие микронезийские острова, прошли тяжелый, подчас трагический путь. Они первыми в Океании попали в колониальную зависимость. 26 января 1565 г. Мануэль Лопес де Легаспи, прибывший на остров Гуам, входящий в Марианский архипелаг, объявил суверенитет испанского монарха над Гуамом и «всеми землями, относящимися к нему». Во время плавания Легаспи европейцы впервые увидели острова, позднее названные Маршалловыми и Каролинскими. На Гуаме испанцы побывали еще во время экспедиции Магеллана в 1521 г. Но тогда не произошло сакраментальной церемонии присоединения найденной земли к Испанской империи.

Приход испанских колонизаторов был для микронезийцев подобен стихийному бедствию громадной разрушительной силы. Замечательный русский мореплаватель О. Е. Коцебу, посетивший Марианские острова в начале XIX в., с грустью замечал в своих записках: «Достоинно сожаления, что испанцы при захвате этого архипелага и насильственном насаждении здесь католичества истребили все коренное население»¹.

Это действительно так и было. Если к концу 60-х годов XVII в. коренное население Марианских островов насчитывало около 100 тыс. человек, то к концу XVIII в. оно не превышало нескольких тысяч. Пытаясь исправить положение, испанцы стали завозить туда жителей из других районов своей колониальной империи (главным обра-

¹ Коцебу О. Е. Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг. М., 1959, с. 276.

зом с Филиппин и из Мексики), которые, смешиваясь с коренными обитателями, образовывали, в сущности, новую народность.

Положение на Маршалловых и Каролинских островах, правда, было лучше. Дело в том, что их фактическая колонизация началась значительно позднее Марианских островов и вообще испанцы мало интересовались этими архипелагами во время обладания ими.

Со второй половины XIX в. на тихоокеанской сцене весьма активизировалась Германия, спешившая принять участие в колониальном разделе океанийских территорий. Одним из объектов ее колониальной экспансии были микронезийские острова.

Пользуясь слабостью Испании, Германия в 1885 г. захватила 24 острова Маршаллова архипелага, а в 1898 г. приобрела у Испании Каролинские и Маршалловы острова (кроме Гуама, перешедшего к США) за 25 млн. песет.

Германские предприниматели пытались извлечь экономические выгоды из обладания океанийскими территориями, создавая там плантационные хозяйства и начав разработку полезных ископаемых. Немцы владели кроме микронезийских островов еще Науру, Западным Самоа и северо-восточной частью крупнейшего тихоокеанского острова — Новой Гвинеи.

При всей энергии немецким колонизаторам сделать этого не удалось. В 1911 г., когда общий объем германского импорта составлял 10,8 млрд. марок, на тихоокеанские колонии приходилось всего 17 млн., или 0,16%, а по экспорту — соответственно 8,4 млрд. и 14 млн. марок, или лишь 0,2%. В то же время немецкий налогоплательщик отдавал немалые суммы на покрытие расходов по управлению колониями.

Идеологи капитализма, в том числе и германские, как известно, указывали на перенаселенность европейских стран как на причину и оправдание колониализма. Но к 1914 г. в тихоокеанских колониях Германии находилось лишь 1334 человека, в том числе служащие колониальной администрации и солдаты. Тихоокеанские колонии были нужны германским империалистам лишь для политических комбинаций, разжигания военного психоза, усиления милитаризации экономики Германии.

В результате поражения в первой мировой войне Германия потеряла все свои колонии, в том числе тихоокеанские. Мандат Лиги наций на управление Марианскими, Маршалловыми и Каролинскими островами получила Япония.

Япония сравнительно недолго владела микронезийскими островами, но успела продемонстрировать свои особые методы колониального управления. Суть их состояла в «эффективной оккупации» подмандатной территории. К 1935 г. японцы составляли половину населения Микронезии, а к 1939 г. их было уже большинство — 70 тыс., в то время как коренного населения — 50 тыс.

Японские власти провели ряд экономических мероприятий. В период японского управления на островах Сайпан, Тиниан и Рота были созданы большие плантации сахарного тростника (производилось 80 тыс. т сахара-сырца в год). Палау, Трук и Понапе стали центрами рыбной промышленности (до 40 тыс. т в год). На Марианских и Каролинских островах была организована добыча фосфатов (экспортировалось свыше 200 тыс. т в год), на Палау — бокситов, а на острове Рота — марганца. На всех островах в довольно широких масштабах велись торговые операции.

Но эта энергичная деятельность управляющей власти почти не повлияла на условия жизни микронезийцев. Она осуществлялась только в интересах японского населения. Все предприятия, как промышленные, так и торговые, находились в руках японских предпринимателей. Даже в качестве рабочей силы выступали почти исключительно японские и корейские иммигранты. Коренному населению была оставлена только одна отрасль сельского хозяйства — производство копры, да и то в незначительных размерах. С уходом японцев из Микронезии после второй мировой войны все указанные выше предприятия сразу же прекратили свое существование.

Новым властелином Микронезии стали США. И вот в начале июля 1946 г. неприметное до той поры название одного из микронезийских атоллов — Бикини — облетело весь мир. С тех пор оно навсегда вошло в политический лексикон как синоним величайшего злодеяния колонизаторов.

1 июля 1946 г. над атоллом Бикини, входящим в группу Маршалловых островов, американцами была взорвана атомная бомба.

Местом испытаний самого смертоносного оружия в истории человечества была избрана территория, лишь незадолго до того полученная Соединенными Штатами Америки под «опеку». В то же время Устав ООН в специальной статье (76б) возложил на государство-опекуна обязанность «способствовать политическому, экономическому и социальному прогрессу территории под опекой, прогрессу в области образования и развитию по пути к самоуправлению или независимости...»

Соединенные Штаты Америки давно мечтали получить бесчисленную россыпь островов, объединенных географическим понятием Микронезия, главными из которых являются Марианские, Маршалловы и Каролинские архипелаги.

Когда в ходе второй мировой войны США удалось овладеть Микронезией, они сразу же приступили к сооружению на островах военно-морских и военно-воздушных баз. После войны небольшие, разбросанные на необозримых просторах величайшего из океанов микронезийские острова стали, с точки зрения американского командования, идеальными естественными площадками для размещения ракетно-ядерного оружия и проведения ядерных испытаний.

Основные направления деятельности американской администрации в Микронезии были подчинены фактически одной задаче: максимальному использованию островов в стратегических планах Соединенных Штатов Америки. Коренные жители интересовали американские власти лишь как рабочая сила на военных базах. Вся полнота власти на подопечной территории безраздельно находилась в руках американского верховного комиссара. Американская администрация вопреки своим обязательствам по опеке тормозила политическое развитие островов. Лишь под давлением острой критики прогрессивных сил в ООН США в 1964 г. объявили о создании конгресса Микронезии, выборы в который состоялись в январе 1965 г.

Этот орган не имел законодательных функций. Реальная власть продолжала полностью сохраняться в руках американской администрации. Тем не менее создание конгресса Микронезии в значительной мере способствовало укреплению в микронезийской среде идеи предоставления островам действительного самоуправления. Спустя два года конгресс начал переговоры с американским правительством о будущем статусе Микронезии.

В условиях значительного усиления освободительного движения на подопечной территории после 1965 г. США уже не могли просто игнорировать требования микронезийцев. Но американское правительство стало всячески затягивать переговоры с конгрессом Микронезии, выступавшим от имени всей подопечной территории, возбуждая в то же время всеми средствами сепаратистские настроения на отдельных архипелагах.

В результате этих действий американские власти добились в феврале 1975 г. специального соглашения с Марианскими островами, согласно которому архипелаг превращался в Содружество Северных Марианских островов со статусом свободно присоединившихся к США территорий, подобно Пуэрто-Рико. На территории архипелага США не только сохраняли уже существовавшие военные базы, но и могли строить новые. Подлинный смысл действий американского правительства в Микронезии, скрывавшийся за цветистыми фразами о заботе и благе островитян, достаточно откровенно определяла сама буржуазная пресса США. Так, газета «Нью-Йорк таймс» 19 июня 1975 г. писала, что соглашение сохранило за Соединенными Штатами Америки контроль над Марианскими островами на неопределенное время. С вводом в действие новых военных баз в дополнение к базам на Гуаме, продолжала газета, Марианские острова станут «аванпостом Соединенных Штатов на Тихом океане». Помимо авиационных и морских баз США смогут разместить там сухопутные войска в целях «более гибкой реакции на все, что происходит в этом районе», а это очень важно для США, подчеркивала газета, ибо их войска в Южной Корее скованы в своих действиях, а свобода действий американских войск в Японии, в том числе и на

Окинаве, ограничена «из-за сильных пацифистских тенденций в стране». Газета указывала и на экономические выгоды содержания военных баз на архипелаге: Марианские острова окажутся в пределах американской валютной зоны и базы, таким образом, не будут бременем для платежного баланса, подобно американским базам в Японии и Южной Корее.

Действия США в отношении Микронезии, находящиеся в вопиющем противоречии с их обязанностями государства-опекуна, грубо нарушающие Устав ООН, вызвали резкий протест прогрессивной международной общественности.

Но правительство США продолжало свою политику в Микронезии. Поощряемые американскими властями сепаратистские настроения на Маршалловых островах привели к тому, что представители и этого архипелага вступили в самостоятельные переговоры с американским правительством о политическом статусе, аналогичном статусу Марианских островов. Одновременно США намечают создание в дополнение к уже имеющимся новым военным объектам на этом архипелаге. Еще не так давно мало кому известные, острова Микронезии стали в наши дни очень важным элементом «островной стратегии» США.

Я. Вольневич живо и интересно рассказывает о наиболее крупных островах Микронезии, касаясь повседневной жизни островитян, их забот и тревог. Вместе с тем он знакомит читателя с историей Микронезии. Автор яркими красками рисует страшные картины «цивилизаторской» деятельности испанских, германских, японских и американских колонизаторов. Большое внимание уделяет автор событиям на тихоокеанском театре военных действий в период второй мировой войны, рассказывая об очень интересных и почти совершенно неизвестных нашему читателю эпизодах. Он касается и сложной политической ситуации в Микронезии, наблюдавшейся в 1970-х годах.

Поскольку, однако, со времени последнего посещения Я. Вольневичем Микронезии прошло семь лет, необходимо, хотя бы кратко, остановиться на характеристике этого периода жизни микронезийцев, насыщенного многими событиями, явившимися логическим развитием всех предшествовавших действий Соединенных Штатов Америки на подвластной территории.

К началу 1980-х годов в Микронезии было создано еще три «государственных» образования: Маршалловы острова, Палау, охватывающие западную часть Каролин, и Федеративные Штаты Микронезии, включающие остальные острова из числа Каролинских. Их статус был определен как «свободная ассоциация» с США. Несмотря на терминологические различия, это означало то же самое: сохранение военного и экономического контроля США над этими частями Микронезии после формального прекращения режима опеки.

Как яростно ни нажимали американские власти на микронезий-

цев, Вашингтону не удалось полностью достичь своих целей. Так, на островах Палау коренное население решительно выступило против навязываемого ему проекта конституции. Жители настояли на включении в новую конституцию статей, которые гарантировали бы их права на принадлежащую им землю и не допускали ее захвата американцами, устанавливали бы суверенитет Палау над 200-мильной экономической зоной, запрещали бы использование архипелага для хранения и испытания ядерного оружия.

На протяжении 1979—1980 гг. на Палау было проведено три референдума по поводу текста конституции, исключающего указанные выше положения. И каждый раз свыше девяти десятых избирателей голосовали за нее. Американские же «опекуны» отказывались признать волеизъявление жителей и требовали голосовать снова. Но результат не менялся: население Палау подтверждало свою позицию. Американские власти отвергали эту многократно одобренную подавляющим большинством конституцию, заявляя, что она «несовместима с проектом договора о свободной ассоциации», предложенного микронезийцам правительством США на совещании, состоявшемся на Гавайях в январе 1980 г.

Кстати сказать, и на этом совещании представители трех районов Микронезии выражали свое недовольство предложенными условиями. Они настаивали на урегулировании вопросов, связанных с захватом американскими властями земельных площадей, выступали против статей, по сути дела сводящих на нет возможность самостоятельного осуществления внешних сношений. Точно так же они возражали против статей проекта договора, касающихся сохранения военного присутствия США в Микронезии.

Действия Соединенных Штатов вызвали широкий международный протест. Совет по опеке ООН получил многочисленные петиции, в которых Вашингтон призывали пойти навстречу требованиям населения Палау.

Глубокое разочарование микронезийского народа американской «опекой» было выражено на состоявшейся в Нью-Йорке в мае 1980 г. встрече членов Совета по опеке ООН с представителями четырех микронезийских «государств», созданных под давлением США. Например, президент Федеративных Штатов Микронезии Тосиво Накаяма прямо заявил, что США не выполнили своих опекунских обязанностей. Он указал, что микронезийцы сейчас еще менее способны себя обеспечивать, чем в самом начале опеки, поскольку существовавшая местная экономика была уничтожена американцами и ничего взамен создано не было. Идя напролом, Соединенные Штаты добились парафирования в конце 1980 г. отдельных соглашений, предусматривавших «свободную ассоциацию» Маршалловых островов и Палау с Соединенными Штатами.

Следует отметить, что США в договорах с микронезийцами по-

следовательно избегают упоминать об этих своих стратегических правах и интересах, заменяя эти «опасные» слова благозвучным термином «взаимная безопасность». Так, договор о «свободной ассоциации» Федеративных Штатов Микронезии с США называется «Соглашение между правительством Соединенных Штатов с правительством Федеративных Штатов Микронезии о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности». Понятно, что никого эта пышная терминология обмануть не может, так же как и указание или, вернее, отсутствие указания о сроках соглашений. В упомянутом соглашении, например, говорится, что оно остается в силе «до тех пор, пока не будет прекращено или изменено по взаимному соглашению». Практически это означает, что соглашение будет действовать так долго, как пожелают США.

Действия США в Микронезии находятся в вопиющем противоречии с Уставом ООН, ибо согласно Уставу любые изменения статуса Микронезии как стратегической подопечной территории относятся исключительно к компетенции Совета Безопасности.

На это обстоятельство было со всей решительностью указано в заявлении ТАСС, опубликованном 13 августа 1983 г.

Действия Соединенных Штатов Америки были еще раз осуждены Специальным комитетом ООН по деколонизации на его заседании 10 октября 1983 г. Но США продолжали упорствовать в своих незаконных действиях. Стремясь закрепить фактическую аннексию подопечной территории, американская администрация предприняла дальнейшие шаги в этом направлении. В частности, на одобрение американского конгресса были представлены соглашения о «свободной ассоциации» Маршалловых островов и Федеративных Штатов Микронезии с США.

В связи с этими действиями американской администрации Постоянное представительство СССР при ООН направило Генеральному секретарю ООН письмо от 29 марта 1984 г., в котором вновь анализируется экспансионистская политика США в Микронезии и заявляется: «В этих условиях Организация Объединенных Наций, под руководством которой была создана международная система опеки, должна безотлагательно принять все меры для того, чтобы обеспечить выполнение Соединенными Штатами в полном объеме их обязательств, вытекающих из Устава ООН и Соглашения об опеке, не допустить реализации попыток США поставить мир перед свершившимся фактом колониального закабаления Микронезии»².

Однако Соединенные Штаты продолжают упорствовать, отвергая критику их действий международной общественностью.

К. В. Малаховский

² Правда, 29.III.1984,

СОДЕРЖАНИЕ

Ворота Микронезии	3
Аганья	6
Галопом по острову	11
Рассказы Джима	21
Остров охотников за костями	29
Жестокая война	32
Чиновник-поэт	38
Столичные учреждения	42
«Первый репортер Микронезии»	49
Тинниан	63
Остров каменных денег	72
Кубари на монетном дворе	75
«Царь» О'Киф	77
Фалу и митмит	80
Палау	86
Трогательная история юного Либу	88
Памятные доски	92
Кубари на Палау	96
Пелеу	99
Трук — Гибралтар Тихого океана	104
Лазурная могила	108
Как воевали сто лет назад	118
Мореходы и звезды	122
«Любовные трости»	126
Мабуци	133
Люди и атоллы	144
Острова и надгробия	145
Шутки истории	149
Последние годы	156
Понапе — сад Микронезии	164
Первые шаги	170
История одного негодяя	176
Нетт	182
День с хранителем музея	189
Нан-Мадол	195
Маршалловы острова	207
Картинки истории	209
«Раненые» острова	210
Прощание с Микронезией	213
К. В. Малаховский. Послесловие	217

Януш Вольневич

ЛЮДИ И АТОЛЛЫ

Утверждено к печати редколлегией серии «Рассказы о странах Востока»
Редактор Э. О. Секар. Младшие редакторы И. И. Исаева, Г. А. Аристова,
Н. О. Хотинская. Художник Л. С. Эрман. Художественный редактор Э. Л. Эр-
ман. Технический редактор Э. С. Теплякова. Корректор А. В. Шандер

ИБ № 15534

Сдано в набор 25.09.85. Подписано к печати 21.01.86. Формат 84×108^{1/32}. Бу-
мага типографская № 2. Иллюстрации отпечатаны на бумаге люксоарт.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 11,76+0,84 вкл. Усл.
кр.-отт. 13,34. Уч.-изд. л. 13,88. Тираж 30 000 экз. Изд. № 5977. Зак. № 805.
Цена 1 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы. 103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука». 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 29

Вид из огромного окна был чарующим. С высокого откоса, на котором построен отель, сквозь яркие цветы виднелась группа крошечных островков, рассыпанных по тихой воде бухточки. Они были похожи на блюда с изумрудными букетами в стиле икэбана или на плавающие в воде вазы... Все это залито лучами уже заходящего солнца...